Путешествие Гнева

Константин Кузнецов

SHOUT
SHARE
IT

•

Кузнецов Константин

Путешествие Гнева

Глава 1

Крах ста сорока семи инчей

Поправив свой выцветший и весьма потрепанный от времени цилиндр, виртуоз Босвел заметно просветлел лицом. Долгие инчи он трудился над своим изобретением, лелея в мечтах тот день, когда сможет разрезать презентационную ленту и представить своим заносчивым коллегам по Цеху механикусов сложную машинерию, при виде которой они завистливо ахнут и похлопают его по плечу, в знак наивысшего почтения.

Я, конечно же, старательно помогал ему, но существенно приблизить такой знаменательный день был не в силах. Работа то и дело срывалась. Виртуоз устраивал длительные перерывы, запирался в своей лаборатории и по нескольку дней не выходил оттуда, заставляя меня порядком нервничать и теряться в догадках. Его жена, многоуважаемая Сиз Босвел, тоже была не в восторге от поведения мужа, но поделать с этим ничего не могла. Гений должен искать Искру — богиню вдохновения. А делать это лучше подальше от посторонних глаз, чужих советов и всяческих раздражающих факторов. Именно с этим было связанно последнее исчезновение виртуоза. Ничего не объясняя, он закрылся в своем кабинете, расположенном в нижнем ярусе дома, — и был таков.

Последняя пауза перед очередным инчем затянулась на долгую неделю. Не скрою — я уже всерьез стал подумывать о смене наставника, но в последний момент передумал: слишком жалко стало потраченного понапрасну времени. Тем более что машинерия уже приобрела вполне законченный вид. И хотя я слабо разбирался в сложной внутренней конструкции шестеренок, насосов, конденсаторов и проводов, мое лурийское чутье было не обмануть — работа подходила к концу.

Мне сразу вспомнились те времена, когда металлический каркас изобретения был всего лишь бездушным скелетом, не имеющим ничего общего с тем сложным и многогранным

организмом, который ухитрился соорудить Босвел. Постепенно, с головой окунувшись в кропотливую работу — не без моей помощи, — виртуоз создал настоящий шедевр, скрытый от завистников темной непроницаемой тканью. Ореол тайны хранил машинерию в целости и сохранности долгие три года, и даже миссис Босвел не знала, какую еще финтифлюху сотворил ее благоверный супруг. Да, именно так она любила выражаться, одним емким словом описывая многочисленные изобретения виртуоза.

Присев рядом с механической громадиной, я ловко расчертил на песочной поверхности временные отрезки, в которые мы трудились над творением моего господина, и у меня получилась ужасающая цифра — сто сорок семь. Ни пятьдесят, ни даже сто, а гораздо больше. Великий Икар! Да за такое время я уже должен был стать как минимум докой, а не оставаться жалким адептом. На ум незамедлительно пришел мой приятель Хрум, который обучался у маэстро Пима. За два года мой ровесник вырос до знатока. После такого стремительного полета он быстро задрал нос, и теперь, встречая меня на рынке, даже не протягивал руки, воображая себя великим гением машинерии. Но я то отлично знал, что такому пройдохе, как Хрум, никогда не стать членом палаты Искусников. Кишка у него тонка.

Следом в памяти возникли живые картинки тех беззаботных дней, когда мы мальчишками воровали яблоки в саду старого Хлифа. Тогда мы еще не знали, куда нас распределят, и Хрум был обычным сорванцом, который часто плакал и до жути боялся драчливых сверстников.

Эх, времена и вправду изменились — я остался таким же неумехой, а мои бывшие друзья умудрились сделать удачный шаг в будущее…

— Нашел, Милостивая Эверика! Нашел!

Увидеть господина в исподнем и при свете полной луны стало для меня настоящей неожиданностью. Размахивая какими-то чертежами, он быстро спустился по ступеням дома и стал стремительно приближаться к своему механическому детищу. Тонкие ножки в огромных до колен сине-белых гольфах быстро засеменили по каменной тропинке. Седая борода с двумя кисточками на конце то появлялась, то пропадала в ворохе масштабных схем.

Приблизившись ко мне, виртуоз поздоровался, приподняв цилиндр, который, как оказалось, он не снимал даже во время сна.

— Мой милостивый адепт Сти. Вы не представляете, насколько я рад видеть вас здесь и сейчас. Вы тоже ни на минуту

не могли выкинуть из головы нашу малышку, не так ли? — улыбнувшись во весь рот, господин осторожно погладил торчащий из-под ткани металлический бок машинерии.

Мне не хотелось расстраивать старика и рассказывать ему о своем ужасном десятидневном безделье, поэтому я утвердительно кивнул в ответ.

— Я так и знал! И вот что я вам скажу на это: вы не зря мучили себя ночными бдениями. Вы первый, кто узнает замечательную новость…

Наивность наставника порой просто убивала мой молодой разум, нещадно разрывая его на куски. Ну как он так слепо может верить в мою безграничную преданность изобретательскому делу?! Маленький ребенок, не иначе.

Если бы я получил степень знатока или, допустим, доки — не терял бы времени, копаясь среди масляных деталей и вечных понуканий Босвела, а записался бы в небесники, ну или, на худой конец, подался бы на корабль к рубежникам. Но поскольку путь к мечтам был пока для меня закрыт, приходилось потакать прихотям старого виртуоза и молча выслушивать его пустые восхваления собственному таланту.

— Тадам-там-там! — забарабанил Босвел, пытаясь повторить знаменитые фанфары марша изобретателей. Получилось не очень похоже, но я изобразил на лице некое подобие восторга. А виртуоз торжественно продолжил: — Ты стал не просто свидетелем, а первым, кому будет позволено услышать…

— Вы закончили изобретение?! — не выдержал я, предвкушая скорейшую развязку затянувшейся работы. — Бесподобно! Мы наконец-то сможем запустить ее?! Когда? Ну когда же?! — меня переполнял восторг. — Во время ближайшего… последнего инча?!

Босвел, застыв на месте, удивленно таращил на меня глаза, видимо, не ожидая от своего адепта столь необузданной прыти.

— Угомонитесь, друг мой. Конечно же, мы ее запустим. Ведь чертежи я доделал еще в первый день перерыва.

Едва услышав слова виртуоза, я открыл рот от удивления.

— Простите, учитель, но чем же вы тогда занимались оставшиеся восемь дней?

— Как чем? — на лице Босвела возникла маска растерянности. — Я придумывал название нашей 'малышке'. Согласись, мы же не можем опустить рычаг и услышать рычащий звук двигателя, не назвав машинерию по имени. Это просто недопустимо!

Я подавленно кивнул, понимая, что никогда в жизни не смогу понять чуждых мне мыслей этого повернутого на всю катушку

виртуоза.

Утро я встретил на своем привычном месте — под днищем сложной конструкции, в недрах которой не хватало всего одной маленькой детали. Клянусь ловким Луром, приложив все свои навыки, я пытался пристроить крохотную шестеренку на указанное Босвелом место, но в последний момент она предательски соскальзывала со штыря, заставляя меня выругаться крепким словцом и начинать очередную попытку.

— Скорее… скорее, мой друг, — торопил меня виртуоз. — С минуты на минуту они будут здесь.

Я услышал, как щелкнула крышка его знаменитых золотых часов, подаренных Босвелу самим Третьим экспертом гильдии пара Ни-ван Дисом.

— Они? — переспросил я. Моя рука замерла, осторожно держа шестеренку за тонкие зубчики.

— Комиссия Варгуса уже на подходе. Могущественный изобретатель, ну чего ты там копаешься?!

Услышав слова господина, я едва не подпрыгнул на месте, ударившись о днище машинерии. Решиться продемонстрировать свое изобретение в работе без контрольных испытаний?! Поступки виртуоза не поддавались никакой логике.

— По-моему они уже идут! Ну что, Сти?! Ты меня просто убиваешь!

В данном случае мне стоило возмутиться и высказать Босвелу свои претензии, но моя злость нашла другое применение. Повернув эту маленькую скользкую шестеренку боком, я с силой загнал ее на положенное место и закрепил сверху металлическим фиксатором. Деталь вошла словно влитая, заставив меня задаться одним нехитрым вопросом: какого Итара я возился так долго?!

Не успев опомниться и порадоваться своей крохотной победе, я почувствовал, как что-то тащит меня за штанину. Еще миг и яркий свет больно ударил в глаза, заставив зажмуриться и растерянно замотать головой. Мой хитроумный господин применил свое рыбацкое изобретение 'Тяни-подсекай', механическую катушку с указателем и небольшим моторчиком второго класса. Подцепив крючком мою одежду, он нажал на кнопку, и вуаля, я лежу на траве возле машинерии, а надо мной склонились какие-то важные господа, по всей видимости, из Гильдии экспериментов.

— С вами все в порядке, юноша? — поинтересовался тощий человек в коричневом костюме и цилиндре, внешностью напоминая старого ворона.

— О да, с ним все хорошо, — ответил за меня Босвел,

взволнованно потирая ладони. — Я просто попросил его отыскать мой монокль, который я обронил вчера вечером, прогуливаясь по саду. Ты нашел его, Сти?! — обратился ко мне виртуоз.

Вытерев масленые руки куском ветоши, я лишь растерянно пожал плечами.

— Ничего страшного, — ободрил меня Босвел. — Куплю себе новый, еще лучше, с тропиковым окуляром.

Председатель комиссии, тот самый тощий господин, равнодушно пожевал губами и, переведя взгляд на своих коллег, сухо констатировал:

— Ну что же, мастера, пожалуй, начнем…

Пузатый, рыжебородый гном, который, по всей видимости, отвечал за техническую часть проверки, кивнул и, нацепив на глаза гогглы, принялся внимательнейшим образом осматривать машинерию. Пока только внешне, — но я знал, что пройдет несколько минут и комиссия попросит нажать на рычаг, а тогда…

— Ты ее приладил? — приблизившись ко мне, прошептал Босвел.

— Да, наставник. Лучшим образом, — без тени сомнения ответил я.

— Ну вот и замечательно, — промурлыкал виртуоз и уже более громко произнес, — стало быть, можно стартовать.

Председатель деловито поправил механический пояс и, облокотившись на трость, одобрительно махнул платком.

— Итак, — заложив руки за спину и обогнув машинерию с правого бока, Босвел приблизился к заветной красной ленте, которую он предусмотрительно натянул между двух тощих деревьев. — Мое триста восемьдесят шестое творение необычно в первую очередь своей внутренней составляющей. Его механизм сложен и в то же время прост до невозможности. Мне удалось сочетать в нем несочетаемое. Мой гений умудрился создать 'Пышку' такой совершенной, что я порой сам не верю своему счастью и еще…

— Ближе к делу, — поторопил его председатель.

— Да-да, конечно, мистер Цириус, — согласился Босвел.

Тем временем к высокому мастеру подошел рыжебородый гном и, убрав в карман гогглы, авторитетно заявил:

— Внешние параметры вполне удовлетворяют всем пунктам 'Параменика'.

Мистер Цириус удовлетворенно кивнул.

— Что ж, тогда, мистер Лимпус, пожалуй, стоит попросить уважаемого виртуоза Босвела продемонстрировать нам работу своей удивительной пневмопочты. Правильно я понимаю?

— Совершенно верно, — откликнулся гном.

Дрожащей рукой мой господин разрезал ленту, я помог стянуть ткань с множеством завязок, потайных крючков и замер в ожидании. Хотелось верить, что Босвел знает, что делает, и не ударит в грязь лицом, посрамившись перед строгой комиссией. Но думать о плохом исходе я не стал, поэтому скромно отошел в сторону и приготовился наслаждаться зрелищем.

— Не тяните время, виртуоз, — напомнил о себе мистер Цириус. — У нас сегодня запланировано еще три изобретения и одно испытание нового крылоплана.

Босвел воспринял слова председателя как сигнал к действию. Дернув за рычаг, он повернул огромный ключ и нажал заветную кнопку.

Массивная пневмопочта ожила. Огромные шипящие трубы выпустили потоки белого пара — единственного ресурса, который мог приводить наши изобретения в действия, — а затем в двух конических колбах забурлила сиреневая жидкость. Еще несколько клубов пара вырвались наружу. Кажется, заработало.

Второй член комиссии — пузатый мужичок, представитель народа кранксов, поставил на траву кожаный саквояж с латунными замками и стал внимательно следить за виртуозом, готовившимся начать вторую фазу.

Подойдя к головной части машины, похожей на огромный почтовый ящик, Босвел продемонстрировал комиссии абсолютно белый запечатанный конверт, скрепленный родовой печатью. Повертев его в руке, он с гордостью погрузил экспериментальный образец внутрь узкой прорези. Письмо мгновенно исчезло в жерле пыхтящей машины.

Я затаил дыхание. Притихла и комиссия: гном надул щеки, мистер Цириус нервно теребил лацкан пиджака, а круглобокий кранкс с огромными рыжими бакенбардами, прищурившись, следил за работой мощных насосов.

Босвел торжествовал. Судя по шипящему и свистящему звуку, письмо прошло первичную обработку, и готово было вот-вот отправиться на ленту распределения.

Отсчитывая секунду за секундой, я мысленно, закрыв глаза, представлял, как конверт проскакивает сложные этапы проверки, сортировки и маркировки. И если я не ошибался, всего через пару минут оно должно было принести нам благую весть. Мне — звание знатока, а моему наставнику — степень мастерового.

Машинерия работала безукоризненно: ровно, четко, ни единого постороннего звука.

Еще пара вдохов и письмо оказалось на последнем конвейере. Над махиной стали медленно, словно шасси, выползать огромные стеклянные трубы. Семь — по количеству отсеков в нашем

городишке.

Резкий звук — вжик — сигнализировал о вступление в завершающую стадию. Я почти ликовал, также как и мой великий учитель. Письмо должно было отправиться в один из участков города, достигнув искомого адресата. А в каждом из районов имелась своеобразная ловушка, которая обязана была в буквальном смысле захватить присланное письмо в свои сети.

Но данные тонкости Босвел уже давно объяснил высоким шишкам из Гильдии, и те в момент испытания уже не задавали лишних вопросов.

— Сейчас, господа, еще немного терпения, — предупредил виртуоз. — Скоро письмо отправится. Полет пройдет мягко и стремительно. Так что вскоре подобные устройства научатся переправлять даже посылки. Стоит только немного доработать ловушку. Верно, Сти?

— Ну, не будем забегать так далеко вперед, многоуважаемый виртуоз, — поспешил остановить его Цириус.

— Кстати, а куда именно должно отправиться ваше послание? В какой отсек? — вмешался в разговор рыжеволосый кранкс.

— Ну, конечно же, в самый отдале… — начал было Босвел и запнулся на полуслове.

Почти насладившись скорой победой, я внезапно почувствовал, как улыбка сползает с моего лица. Не в силах поверить такой неосмотрительности, я, стиснув зубы, едва не хлопнул себя в отчаянье по лбу. Настроившись на презентацию, мой наставник, переволновавшись, кажется, забыл об одной очень важной вещи — он так и не удосужился указать адрес. Я припомнил белоснежный конверт, лишенный всяких записей, и помрачнел еще сильнее. Неслыханная оплошность! И я тоже хорош, оставил без внимания такую мелочь, как координаты.

Слава Открывателям, комиссия не отметила данного нарушения и смиренно дожидалась окончания работы.

Машинерия застыла, будто в ней разом закончился весь пар, масло и выпали все подшипники. Босвел бы назвал подобное состояние — мертвым. В любом другом случае я обязательно бы с ним согласился, но сейчас мне никак не хотелось в это верить. Наша пневмопочта, прекраснейшая 'Пышка', просто замерла, перестав издавать присущий машинериям звук. Никаких тресков, свистов, поскрипываний и шипения.

Мой покровитель, выпучив глаза и открыв рот, наблюдал за происходящим — у него, как и у меня, просто не нашлось слов, чтобы объяснить случившееся.

— Что-то не так? — уточнил кранкс.

— Может быть, подбавить пара? — предположил гном.

— Или лучше отложить инспекцию до лучших времен, — констатировал мистер Цириус и уже собрался направиться к воротам, когда в 'Пышке' что-то ухнуло.

Председатель комиссии удивленно повернулся. Затем в машинерии хрюкнуло, свистнуло, крякнуло и произошло то, чего никто из нас не ожидал.

Взрыв случился стремительно и неотвратимо.

Я стоял дальше всех и поэтому пострадал меньше всего. Невидимой волной меня отбросило в сторону к старой засохшей яблоне, которую уже несколько лет собирались выкорчевать, но у виртуоза никак не доходили руки. Представителям комиссии повезло гораздо меньше. Гнома швырнуло в кусты торгинской колючки, росшей воле ограды в назидание пронырливым мальчишкам, воровавшим у мистера Босвела вишню. Кранкс совершил еще более опасное путешествие: перелетев через машинерию, он оказался в бочке с противным смоляным раствором, приготовленным для нового изобретения господина. И, наконец, мистер Цириус просто упал навзничь и, закрыв глаза, видимо, приготовился умереть, так и не выдав патент на очередное детище виртуоза. Сам Босвел отделался легким испугом, который забросил его на нижнюю ветку ближайшего дерева.

Охая и ахая, комиссия медленно собралась обратно в кучу. Видок у них, надо заметить, был не ахти. Гном, потирая ушибленный бок, выдирал из бороды колючки, кранкс — сплевывал темную жидкость, а мистер Цириус с обгорелыми усами и кончиками пиджака напоминал зажаренного гуся и тихо подвывал, произнося каждое слово нараспев. А сказать им было что.

— Во-т э-тоооо да, — на одном дыхании произнес я, и осторожно приблизился к дымящейся 'Пышке'.

Пыхнуло, так пыхнуло. Сложный механизм все еще искрил и изрыгал протяжные стоны, словно подбитый метким выстрелом дракон. Но, главное, письмо было невредимо. Девственно чистый конверт, порхая словно бабочка, опустился на черную ладонь гнома.

— Что все это значит, Босвел?! Постарайтесь мне объяснить, пока я не разжаловал вас до неумехи! — в ту же секунду взревел мистер Цириус.

— Я, про. оооо….ну….ина…че…че…как….- заикаясь, пролепетал мой учитель.

— Это мы понимаем, что ничего не понимаем, — согласился с претензиями председателя кранкс.

— Поддерживаю, — рявкнул гном. Его лицо напоминало сейчас неподвижных механикусов из зала славы, высеченных из цельного куска мрамора.

Напоследок неудачное изобретение виртуоза издало какой-то непонятный фыркающий звук и умолкло навсегда. Я стоял, не в силах произнести ни слова. Босвел, в отличие от меня — когда у него прошел шок — еще пытался оправдаться, но все попытки, на мой взгляд, были бесполезны. И все же они последовали.

— Дайте мне еще один шанс, — молил мистера Цириуса виртуоз. — Я не виноват в случившемся провале…

— О чем вы говорите, неудачник?! — дослушав лепетание Босвела, взревел председатель. — Вы позорите высокое имя механикуса! Запороть запуск изобретения — это высшая степень неуважения к Гильдии. Мы зря потратили на вас свое драгоценное время, и в следующий раз боюсь, у вас не будет больше возможности доказать свою состоятельность. Мы не хотим впредь наблюдать за подобным крахом. Нам претят такие неучи, как вы. Поэтому, думаю, мы попрощаемся с вами навсегда!

Решение председателя было более жестоким, чем приговор коллегии праведников.

— Стойте! — Босвел упал на колени и схватился за фалды одежды гнома.

Они уже дошли до ворот, когда кранкс помог своему коллеге избавиться от ненужного груза. Виртуоз беспомощно упал на бок, подняв столп пыли.

— Нет-нет… не уходите…

Мой учитель сейчас напоминал капризного ребенка, а не хитроумного мастера способного вдохнуть жизнь в любую, даже самую сложную машинерию.

Остановившись на пороге, Цириус повернулся, презрительно уставившись на жалкого виртуоза. Его слова раздались подобно раскату грома:

— У вас есть оправдание?!

— Да, — внезапно прошептал Босвел.

— Какое?

— Я подготовил все идеально, и мое изобретение должно было работать безупречно. Я провел сотни испытаний, но произошла одна досадная оплошность…

— Оплошность? — Цириус нацепил на нос монокль и его гнев сменился легким интересом.

Босвел привстал на колени, вытер слезы, немного подумал и изрек:

— В последний день я допустил до машинерии своего ученика Сти. Это он во всем виноват! — перст виртуоза указал в

мою сторону. — Он хоть и хороший малый, но весьма неуклюж. Именно в нем причина неудач. Он что-то сделал не так. И вот итог!

Я слушал и не верил своим ушам. Босвел нещадно врал, спасая свою жалкую душонку, а я падал на дно масляной кучи, откуда не суждено выбраться ни одной, даже самой совершенной машинерии.

Босвел говорил долго и чувственно, навешивая на меня все больше гадостной лжи, что я был уже не в силах воспринимать его слова. Опустив голову, я просто ждал, когда виртуозу надоест поливать меня грязью. Но речь его длилась бесконечно. Комиссия внимала, понимающе кивала и, в конце концов, дала моему учителю не совет, а скорее негласный приказ. Таким бездарям и криворуким тупицам, как я, нет места в гильдии мастеров. Босвел кивнул, соглашаясь. И незамедлительно пообещал им гнать своего ученика взашей.

Остановившись у высоких резных ворот, я низко повесил голову и ступил за порог. Именно отсюда и началось мое долгое и опасное путешествие. Мне впервые удалось подняться в небо, побывать в подземельях заброшенного города и научиться охотиться на опасного зверя с человеческим лицом.

Но давайте обо всем по порядку…

Глава 2

Обида и медные шестеренки

Паб 'Веселая подкова' считался лучшим пристанищем небесников, которые не очень-то любили тех, кто не носил теплых курток с нашивками золотого винта. Лишь адепты маханикусов являлись для них неким исключением из правил. Боевые крылопланы после стычек с Совиным звеном часто чинились в одном из главных цехов отсека Тарсы, расположенном за стенами города на Северных равнинах — наверное, единственном месте на всем побережье, где любой уважающий себя ученик мог получить достойный опыт починщика. И пускай платили там сущие гроши, зато кормили на убой, и даже за мелкую работенку держатели ангаров устраивали настоящий пир молодым механикусам.

Дейв, мой близкий приятель, которого я знал еще с приютской скамьи, входил в число таких неопытных помощников.

Частенько сбегая от своего старого мастерового в поисках настоящего дела, он однажды забрел в крайний ангар Тарсы и показал себя с лучшей стороны. Так началось его долгожданное обучение механическому делу. Последний раз, он поведал мне по

секрету удивительную историюо том, как ему удалось 'вдохнуть жизнь' в старый, всеми забытый 'Пеликан' — те-образный крылоплан, который считался на материке истинным раритетом. Я ему, конечно, не поверил, но, не раздумывая, поднял кружку, за долгий полет восстановленной машины.

Опустошив еще одну пинту темного, я отрешенно оглядел малочисленный зал и грустно вздохнул.

— Чего хмуришься? Небось опять твой мудрец чего-то отчебучил? — поинтересовался Дейв.

Мой друг был явным полукровкой, не желавшим мириться со своим туманным прошлым. Поэтому к вопросу о своем происхождении относился весьма трепетно. "Я причисляю себя к прославленной семье ливисов. Только не тех, что родом из морозной тундры, а южных — первых собирателей пара", — говаривал он в такие минуты, и никто не спорил с его довольно смелым утверждением.

Первое время мы еще пытались шутить на эту тему, но за долгие годы нашего знакомства байка о его знатном родителе и тайном заговоре против семьи настолько поистрепалась, что колкости стали редкими, а огонек юмора постепенно угас. И сегодня я не стал реагировать на его высокопарную позу (грудь колесом, а руки уперты в бока) и высоко задранный нос (так высоко, что может уткнуться в потолок).

— Вчера мы предстали перед комиссией, — осторожно начал я.

— Да ну, — псевдо-ливис сделал вид, будто не поверил. — Что же вы представили? Двойную сушилку тряпок или Раскалыватель древесины? — и порадовавшись шутке, гордо присвистнул.

— Ни то и ни другое, — фыркнул я. — Это только твой глухой мастер может изобрести подобную ненужность. Мы пытались продемонстрировать работу пневмопочты.

— И что же?

Нахмурившись, я недовольно буркнул себе под нос:

— Провал.

Дейв зашелся истерическим хохотом.

— Прямо распирает от любопытства: в чем же причина ваших неудач? Или вы все-таки умудрились выгодно втюхать изобретение Цеху?! Погоди. В этом я сильно сомневаюсь. Если бы такое случилось, ты бы уже танцевал на столе туки-стуки, угостив своего лучшего друга настоящим фийским вином, а не довольствовался бы этим пойлом.

— Прав на все сто, — согласился я. — Мы с учителем провалились как дилетанты. Хотя постой! Почему это — мы?! —

меня даже передернуло. Встрепенувшись, я гордо выпрямился и, ударив кулаком по столу, авторитетно заявил: — Он облажался, а перед комиссией выставил меня. Понимаешь?! Взял и оболгал, как беспризорного щенка. Сочинил, будто я что-то там не подкрутил, не затянул — вот она и взорвалась.

Хлопнув себя по коленке, Дейв уже не смеялся — у него просто не осталось на это сил. Едва слышно постанывая, он продолжал сдерживать очередные приступы гогота.

— И в чем же напортачил твой виртуоз?

— Забыл подписать письмо и оно не нашло адресата, нарушив тем самым последовательность действий, — совсем поникнув, кое-как попытался объяснить я.

— Медные шестеренки! Получается, вы были на финишной прямой, а тут бац, вернее, хлопс и все коту под хвост!

— Приблизительно так, — я отхлебнул еще пива и затих.

— И каков итог? — немного успокоившись, поинтересовался Дейв.

Я пожал плечами и, немного подумав, ответил:

— Мистер Босвел выставил меня за порог в тот же вечер. Просто отдал котомку и, сочувственно пожав руку, сообщил, что желает мне удачи… Возможно, были и другие напутствия, но я не хотел слушать его лживую болтовню. Еще он вроде намекнул, что если история с изобретением уляжется и комиссия подпишет акт, он будет рад меня видеть у себя в учениках. А пока я должен слоняться где хочу и как могу добывать себе пропитание… Еще он что-то говорил о репутации и деловой хватке…

— Он что же, тебе даже патент не выдал? — теперь лицо Дейва выглядело крайне обеспокоенным.

Я кивнул.

— На виртуоза, видимо, надавили из Цеха. Ты же знаешь — неучам не видать степени как своих ушей. А если провалил испытание — тут и подавно держись, свои же сгноят. Так что теперь я вольная птица, только вот куда лететь, ума не приложу.

— Да, дела, — вздохнул друг. — Похоже, наши выжившие из ума учителя, как вино, достигли того возраста, когда напиток превращается в уксус, — и, махнув рукой, добавил: — Не переживай, найдем мы тебе работенку.

— Без патента? — я заметно приободрился. Проблемы, которые казались мне ядовитыми змеями, жалящими за пятки, отступили в мгновение ока. Хотя не скрою, некое волнение все же осталось. И Дейв это заметил.

— Не думай, скорняком не устрою. И дровосеком тоже. Будешь делать то, чему учился не один год.

— Хочешь сказать, что без подписи Цеха меня допустят к

летным машинериям? — не поверил я.

Дейв заговорщически посмотрел по сторонам и, видимо, убедившись, что нас никто не подслушивает, изрек:

— Именно так. И если повезет, получишь степень самостоятельно, без участия твоего предателя-виртуоза.

Подняв кружки, мы громко чокнулись и сделали внушительный глоток. Оторвавшись от напитка, Дейв вытер рот рукавом, поманил меня пальцем и, перегнувшись через стол, тихо произнес:

— Только, чур, помалкивай! Кто спросит, лучше ничего не говори. Там болтунов не любят…

Я понимающе кивнул, совершенно не представляя, где находится это самое 'там', куда он собирается меня отвести. Но вместо закономерного вопроса я клятвенно заявил:

— Я твой вечный должник.

— Будет время, сочтемся, — уверил меня Дейв. — Иначе и быть не может, медные шестеренки.

У входа послышался громкий топот, и в зал, словно стая бизонов, ввалились несколько высоких плечистых небесников. Все светловолосые, с короткими прическами под еж и маленькими косичками позади — как велел военный устав. Я слышал, что чем длиннее был этот символ принадлежности к братству летунов, тем больше был их авторитет. С одной стороны, несусветная глупость, а с другой — наглядное отличие. У военных же всегда так: меньше слов, а больше дело. Покажи, насколько ты крут, и не трави понапрасну байки. А у небесников подобные постулаты являлись настоящей религией. Даже у тех, кто становился гражданским пилотом, угадывалась особая дисциплинированность, выправка и четко поставленная речь.

Обменявшись любезностями с хозяином паба, небесники заняли противоположный от нас столик и стали шумно обсуждать какой-то сложный или, скорее всего, единственный в мире неповторимый вираж.

Один из пилотов, прислонив правую ладонь к левой, стал крутить над столом сложные фигуры пилотажа, изображая резкие падения, взлеты и комментируя каждое движение. Приятели поддерживали его громкими выкриками: 'Крылатая Форта!' Насколько я был осведомлен — это означало высшую похвалу почти у всех небесников.

— Что, хочешь к этим тупоголовым гигантам податься? — заметив мой взгляд, поинтересовался Дейв.

Я только хмыкнул:

— Как же, нужен я им как молнии Тары. С таким багажом за плечами мне будет позволено разве что смахивать пыль с какого-

нибудь простенького 'Комара' с испытательным сроком в пятьдесят инчей.

— Для тебя, — на лице Дейва появилась загадочная улыбка, — думаю, изберут именно такой график.

Я недовольно зыркнул в его сторону. Сегодня шутки приятеля хотя и были не уместны, но, безусловно, достигали своей цели.

— Стало быть, твои слова легче медяка…

— Почему? — не понял Дейв.

— Еще минуту назад ты обещал мне работу именно у небесников…

Прищурившись, приятель долго ничего не отвечал, а затем покачал головой:

— Не совсем так. Я говорил, что машинерии будут летные, не больше того…

Теперь я окончательно перестал что-либо понимать. Если я не ошибался, то устроиться механиком в частные ангары, где служили гражданские летуны, было еще сложнее, чем к военным, которые зачастую редко смотрели в бумаги — им был важен профессионализм, а не красная печать Цеха в нижней части патента.

— Ни к частникам и ни к военным… Тогда к кому? — здраво рассудил я.

— Узнаешь, — Дейв опустошил бокал и добавил: — Только подтверди-ка еще раз, ты согласен?

— В моем положении… Мог бы и не спрашивать.

Дейв улыбнулся, посмотрел куда-то вбок, кивнул и, хлопнув меня по плечу, произнес:

— Тогда чего же мы ждем? Вперед! До второго ужина я должен представить тебя новому работодателю, который не даст моему другу умереть с голоду.

Я успел заметить, как в дальней части зала возникла фигура — возможно, просто одинокий посетитель, — и исчезла в подсобных помещениях паба. Поспешив за Дейвом, я не стал придавать этому факту особого значения.

***

Улица встретила нас невыносимым шумом. Настоящий калейдоскоп фырчащих, бурчащих, трещащих и иных невоспроизводимых звуков навалился на нас со всех сторон.

Отсек Серых труб, как его называли местные, или Промышленный альянс — как было написано на городских таблицах, был не самым лучшим местом для прогулок. Особенно сегодня. В месяц презентаций сюда съезжалось такое количество

толстосумов, что голова шла кругом от их дымящих кортежей, заполонявших не только узкие улочки нашего города, но и все небесное пространство над ним. И тогда, механические кареты разрывали тишину звонкими клаксонами, дирижабли — оглушающими трубами-оповещателями, а возмущенные прохожие — луженными глотками. Каждый хотел продемонстрировать свое превосходство, тем более в таком щекотливом вопросе, как лидерство на запруженной дороге. В такие минуты элементарная вежливость уходила на второй план, и каждый мнил себя не ниже мэра или члена Верхушки. Поэтому и возникали бесчисленные заторы, стычки и, наконец, просто аварии.

Я слышал, что пару недель назад министерство издало указ усилить патрулирование промышленного отсека, — но положения это не исправило. Перегруженные улицы не могла контролировать даже армия блюстителей. Сколько они ни бились — толпа и создаваемый ею хаос был сильнее.

— Осторожно! — Дейв дернул меня за рукав.

Почти вплотную к бордюру, словно ураган, пронесся массивный кэб, рассчитанный минимум на десять пассажиров. На крыше, слева, развивался маленький оранжевый флажок, перечеркнутый тремя параллельными темными линиями. Я погрозил вознице кулаком.

— Бесполезно. Это заказной, — со знанием дела заявил Дейв.

— Спасибо, приятель. Ты представь: он даже меня не заметил, — справедливо возмутился я.

— И никого не заметит, — поддержал меня друг. — Они под защитой Верхушки. Так что мой совет — таким лучше дорогу не переходить.

— Да он бы меня задавил и…

— И что? Кинул бы пару монет на погребение и дело с концом.

— А блюстители?!

— А блюстители отписались бы и закрыли дело. Мало ли таких неаккуратных, как ты, по улицам ходят? Целые толпы! А заказные кэбы на вес золота, вот и думай сам, — разъяснил Дейв.

Я ничего не ответил, потому что мой всезнающий друг был абсолютно прав. Наш скромный городок, знаменитый лишь самой большой в западных землях взлетной поляной и музеем первых крылопланов, которые изобрел наш соотечественник, — по сути своей, в столице считался сущим захолустьем. Поэтому каждый представитель Торговой ассоциации, прибывавший к нам с дружественным визитом, являлся персоной либеро — наделенной небывалыми полномочиями.

Конечно, и в нашем городке хватало богачей, но сделки,

совершенные с крупнейшими промышленниками столицы, всегда приносили гораздо больше прибыли, нежели местные контракты. И знал я это не понаслышке. Мой прежний учитель мистер Босвел обычно производил закупки у одного и того же леприхуна Ал-Хима. И каждый раз после торгового визита виртуоз заявлял, что его нещадно обманули и причина тому — непомерная хитрость этих маленьких противных карликов, и он с удовольствием нашел бы поставщика в столице, где царили порядок и честность. А у нас, в Плакте, властвовали эти маленькие бестии — леприхуны. Конечно, они были не так жадны, как коблинаи, — зато в умении обмана им не было равных. Чуть ли не каждый день местные газеты трубили о новой стычке этих двух рас в момент подписания очередной несостоявшейся сделки.

— А куда мы идем? — оторвавшись от своих мыслей, поинтересовался я.

— Когда доберемся, увидишь. И поверь мне, не разочаруешься, — продолжил интриговать Дейв.

На улицах сегодня, в прочем, как и всегда, было многолюдно. Щурясь от яркого летнего солнца и вдыхая пыль, смешанную с человеческим потом и слегка приправленную выхлопными газами, я пытался не упустить из виду темно-синюю куртку Дейва. Ускорив шаг, он едва не ускользнул от меня, обогнав неуклюжего циклопа.

— Погоди… Да погоди ты! — запыхавшись, окрикнул я его.

— Некогда, — отозвался Дейв. — Ал не любит, когда опаздывают.

Вначале я не разобрал его слов, а когда понял что к чему, было уже поздно.

Свернув к серым низким постройкам, окна которых были скрыты массивными металлическими ставнями с огромными заклепками, я почувствовал неприятный запах нечистот. В здешних местах, наверное, до сих пор не было канализации, и жители справляли нужду прямо в проулках.

— Отвратительное место, — озираясь по сторонам, без тени сомнения заключил я. — Тут, наверное, куча всяких болезней.

— И никаких посторонних глаз, — думая о чем-то своем, добавил Дейв.

Хотя с его утверждением я бы не согласился. Всю дорогу от центральной улицы до заброшенного дома, напоминавшего выбитыми рамами и обвалившимся балконом рваный башмак, я чувствовал не себе неприятные посторонние взгляды. Но главное было не наличие неведомых соглядатаев, а их количество. Не пять или восемь, а гораздо больше… Если я не ошибался, за нами следило, по меньшей мере, три дюжины неведомых личностей.

Остановившись возле прогнившей двери, которая давно поросла серым мхом и была исполосована лезвиями, Дейв постучался. Необычно. Сначала несколько раз коротко, потом сделал паузу и воспроизвел условный сигнал еще три раза подряд.

Ответом была тишина. Поежившись, я нервно обернулся.

Возле воняющей кучи хлама возникла небольшая серая тень. Забравшись на самую верхотуру, она выпрямилась и в свете заходящего солнца стала настоящим гигантом. Только сейчас я понял, что это всего-навсего зубастая крыса.

Заметив мою реакцию, Дейв поднял валявшийся булыжник и швырнул в носатого хозяина помоек. Крыс прижал голову и устремился прочь.

— Постоянно здесь носятся, — признался друг и вновь повернулся к двери.

Стук повторился. И на этот раз я услышал тяжелые, неспешные шаги. Что-то огромное приближалось к нам с противоположной стороны преграды.

Лязг открывающихся замков растянулся на несколько долгих секунд, словно дверь имела бесчисленное количество секретных штырей и защитных механизмов.

Протяжный скрип.

Подняв голову, я уставился на огромного циклопа.

— Ну? — глухим басом поинтересовался громила.

— Мы к мистеру Клеверу, — дрогнувшим голосом ответил Дейв.

— Ну? — повторил свой вопрос циклоп и медленно выступил из сумрака коридора. Его лицо было украшено множеством темно-синих татуировок, хотя на сильно загорелой коже они больше напоминали огромный синяк, чем сложную вязь причудливых узоров.

— Он нас ожидает, — настойчивее произнес мой приятель.

Нахмурившись, циклоп немного помолчал, обдумывая слова Дейва, а затем, потоптавшись на месте и почесав затылок, сказал.

— Тогда ты должен знать слова, — а затем сделал шаг вперед и оказался чуть ли не в паре дюймов от нас. В лицо пахнуло тухлой рыбой — любимым лакомством одноглазых. Но не это было самым страшным. В руке циклопа маятником покачивался шестопер — опасное оружие, которое я видел всего пару раз в жизни.

Дейв замялся.

— Ты что, забыл пароль? — всполошился я.

— Не мешай, иначе не вспомню. Медные шестеренки! Клевер же говорил мне…

— Ну? — потребовал циклоп. И судя по его каменному лицу, терпение великана было на исходе. — Или слова, или лишитесь языка!

И я понял, что вот теперь-то уж точно влип в историю. Циклопы всегда были немногословны и никогда не бросали слова на ветер. А еще они очень любили украшать свою грудь бусами из человеческих ушей, языков и пальцев.

Жуткий привратник сделал еще один шаг вперед, смещая нас со ступенек.

Отступив назад, я уже приготовился дать деру, когда Дейв внезапно прошептал:

— Хвост трясогузки стоит дорого!

Циклоп насупился, закатил глаз, будто пытался что-то вспомнить, и через пару ударов сердца удовлетворенно кивнул.

Дейв посмотрел на меня, и гордо подняв подбородок, приветливо кивнул, мол, видишь, как я все устроил. Хотя мое настроение резко испортилось, и я уже не был уверен: нужна ли мне работа в "таком" месте, но отступать было поздно.

Глава 3

Не совсем удачное предложение и правило трех

Мрачный коридор заканчивался небольшой комнатой, в которой из всей мебели имелись лишь громоздкие платяные шкафы, стол и несколько стульев.

Толкнув меня в спину, циклоп указал на дальнюю дверь. Я не стал возражать и подчинился, проследовав внутрь.

В кабинете мистера Клевера оказалось немного уютнее: бесчисленное множество стеллажей с книгами, дубовый секретер и мягкие кожаные кресла, а еще — неслыханная роскошь — газовые лампы, расположенные в рабочей зоне у стола.

— Присаживайтесь, господа, — рыкнул циклоп и быстро удалился.

Погрузившись в приятную мягкость кожаного кресла, я мгновенно оценил колоссальную разницу между дешевой и дорогой вещью.

— Ну, что я тебе говорил, — подмигнул Дейв. — Мистер Клевер очень влиятельный человек в нашем городе.

— Что же он тогда не нанял парочку уборщиц, чтобы они подмели его хибару? — попытался пошутить я, но, как выяснилось, крайне неудачно.

— Я думаю это не ваше дело, молодой человек, — раздался

дребезжащий голос. — Хотя, если вам интересно, могу прояснить ситуацию. Пыль появляется каждый день, а две монеты, которые я заплачу за работу — гораздо реже. Вот и думайте сами.

Почувствовав себя весьма неловко, я потянулся к воротнику и, расстегнув верхнюю пуговицу, с трудом проглотил ставший в горле ком. Маленький хитрец лепрехун, спрятавшийся за крайним стеллажом, раскрыл себя в самый неподходящий момент. Выступив из темного угла, он желчно улыбнулся и, прищурившись, осмотрел нас с ног до головы. Проделав короткое расстояние от книжной полки до стола, карлик поставил книжку на место и, сняв с головы высокий темно-синий цилиндр, запрыгнул на трехступенчатую подставку, а с нее на кресло.

— Итак, чему обязан, юные господа? — скрестив крохотные ручки и пожевав губами, мистер Клевер приготовился слушать.

Описывать леприхуна нет никакого смысла. По мне, так они все выглядят одинаково — в половину человеческого роста, кудрявые, рыжебородые, с кривыми носами и ехидными улыбками. Но причина не в этом. Перед нами сидел никакой не мистер Клевер, а старый знакомый моего учителя, Ал-Хим ди-ди Крошер.

— Вы меня помните, я Дейв Выкрик, механикус третей степени из ангара, — замявшись, дрожащим голосом начал мой приятель.

— Допустим, — согласился Ал-Клевер.

— Так вот, — Дейв потер вспотевшие руки, — вы мне говорили, что вам нужны отличные механикусы.

— Безусловно.

— Я думаю, мой приятель — тот, кто вам нужен.

— Думаете или уверены? — с сомнением уточнил леприхун. Его серьезный взгляд коснулся меня, заставив смутиться.

Почесав свою рыжую козлиную бородку, он долго о чем-то думал, бухча себе что-то под нос, а после попросил:

— Покажи руки.

Еще больше смутившись, я вытянул ладони.

— Угу, — кивнул леприхун и опять погрузился в размышления.

— Даю голову на отсечение, он тебя возьмет, — шепнул мне на ухо Дейв.

Я ничего не ответил, надеясь, что друг окажется прав и вскоре карлик, удовлетворив свое любопытство, назовет мне свое предложение.

— Постойте, юноша, — внезапно опомнился Клевер, — а не вы ли часом приходили ко мне с виртуозом Босвелом, тем самым, что живет на улице Идей?

— Нет, — неуверенно отмахнулся я.

— Что ж, видимо, глаза старика совсем ослепли, великий Икар, — посетовал леприхун. — Так вы говорите: неплохо разбираетесь в машинериях? Можете чинить, обслуживать, запускать?

— Он занимался изобретательством! — торжественно произнес Дейв, вмешавшись в разговор.

— Ну да, — согласился Клевер, и тут же засомневался. — Только молод он для такого дела. Что в подмастерьях был — верю, а личные открытия, вот уж дудки!

— Когда Икар первым отправился к небесам, ему было… — начал было Дейв.

Клевер, недовольно поморщившись, ударил кулаком по столу и злобно рявкнул:

— Не сравнивайте великий дар с сумасбродством!

Приятель, потупив взор, незамедлительно затих.

Надув щеки, леприхун быстро выдохнул, успокоился и, пригладив свой крохотный темно-синий камзольчик с огромными золотыми пуговицами, обратился уже ко мне.

— Итак, вот мой контракт, молодой человек. Работа непыльная: необходимо обслуживать один крылоплан, разновидность 'Жужалица'. Наставником у тебя будет Белый хвост, гном из Северного Штарца. Оплата — похлебка и один серебряный в неделю. Если устраивает, по рукам…

— А если нет? — встрепенувшись, поинтересовался я.

Предложение было интересным, но в то же время грабительским. С одной стороны — возможность прикоснуться к настоящему крылоплану, узнать его механизм, секреты полета, а с другой — я должен был трудиться почти бесплатно. Даже Босвел давал мне на расходы сумму, в пять раз превышающую предложенное месячное жалованье, — притом, что мой бывший учитель никогда не отличался излишней щедростью.

— А у тебя есть выбор? — откликнулся леприхун. — Как я понимаю, вы, молодой человек, не горите желанием искать официального работодателя. Иначе не пришли бы ко мне, не так ли?

Я был вынужден признать его правоту. Клевер тем временем уверенно продолжал:

— Так что лучше соглашайся, сынок. Без патента, рекомендаций и прочей бюрократической ерунды ты в этом городе — пустое место. В лучшем случае — поломойка. Поэтому я бы на твоем месте не кочевряжился. Давай ударим по рукам или проваливай к Итару. Я и так потратил на тебя целую уйму времени.

— Хорошо. Я согласен, — моя рука медленно потянулась к карлику.

Леприхун в свою очередь не стал терять ни секунды и лихо ударил ладонью о ладонь.

— Вот и славно. Нанимаю. А это тебе, — карлик подкинул медную монету, которая, покрутившись, была поймана моим приятелем Дейвом. На его лице возникла довольная улыбка.

— Выспишься на конюшне. Мой одноглазый помощник Юк проводит тебя, а завтра спозаранку отведет в ангар. Жить будешь там же. Ты уж не обессудь, в таких вопросах лучше перестраховаться… — Леприхун хитро прищурился, ловко спрыгнул со своего кресла с подставкой и, подхватив высокий цилиндр, исчез за дверью.

Не успев опомниться и взвесить собственное решение, я оказался в стальных лапах циклопа, который проводил меня к выходу. Я едва успел попрощаться с Дейвом.

Моя привычная жизнь закончилась так стремительно, что я толком не успел пожалеть о случившемся, с головой окунувшись в мрачные закоулки старого города, где редко улыбались в ответ и чаще произносили бранные слова, чем услужливо приподнимали шляпу.

***

Спал я отвратительно. После вечерней похлебки, от которой у меня всю ночь крутило живот, я так и не смог расслабиться. Сено постоянно кололо лицо, лезло в уши, ноздри, а расстеленное поверх покрывало не спасало положения, а, наоборот, заставляло чесаться и ерзать от неудобства.

Проснулся я таким разбитым, что хотелось закрыться от всех вокруг и не вставать до вечера, но оглушающий подзатыльник, отвешенный мне здоровяком, мгновенно привел в чувство.

Юк устрашающе оскалился, хотя, мне показалось, сделал он это слишком наигранно.

— Пора. Нечего рассиживаться.

Никакого тебе завтрака, крынки молока с душистым хлебом, и уж тем более лишней минуты немного позевать и вытянуться. Честно признаться, я уже начал сомневаться, что поступил правильно, согласившись на контракт с этим хитрецом леприхуном. И в эту самую минуту я принял одно очень важное решение — если мне не понравится новая работа, повернусь и уйду. Немного побродяжничаю, а потом вернусь к виртуозу. Как-никак, три года вместе работали, не откажет же он своему бывшему ученику, примет обратно. Тем более что я, можно сказать, спас его от позора, утаив от комиссии истинную причину

неудачного испытания.

До ангара мы шли извилистой дорогой. Одни закоулки и задние дворы. Я даже стал ощущать себя не механикусом, а каким-нибудь наемным убийцей или злобным лиходеем, которых в нашем городе водилось предостаточно.

— Мы от кого-то скрываемся? — пытаясь наладить общение, поинтересовался я.

— А если и так, то что? — пробурчал циклоп и замолк.

Да, такого собеседника врагу не пожелаешь, подумал я, с удивлением осматривая окрестности. В здешних трущобах я оказался впервые, и если бы мне кто-то сказал, что я до сих пор нахожусь в Плакте, я ни за что бы ни поверил. Сейчас меня окружал совершенно другой город. Грязный, обветшавший и лишенный всяческой жизни. От серых полуразрушенных домов несло плесенью, мостовая была разбита вдрызг, а между ставнями лохмотьями свисало разорванное в клочья белье.

— Здесь, наверное, живут горные тролли? — предположил я, предприняв вторую попытку завязать разговор.

— Нет. — Циклоп покосился на пустые глазницы окон и, поморщившись, добавил: — Здесь живут йотуны. Хотя, по мне, это одно и тоже. — Сплюнув, Юк ускорил шаг и в конце улицы резко свернул за угол.

Я не раз слышал об этих отвратительных порождениях Грязного пара. Если им дать волю, они способны на любые злодеяния, вплоть до душегубства. Поэтому в большинстве случаев блюстители, охранявшие покой города, выделяли этим существам крохотную огороженную территорию и пристально следили за их поведением. Правда, судя по тому пути, что мы проделали от дома Клевера до проулка 'Восьми копыт', резервация у этого народца была не такой уж маленькой. Никогда не думал, что наш город является пристанищем для этих мерзких тварей.

Йотуны не очень любили дневной свет и появлялись на улицах только с закатом, первым делом начиная повсюду наводить беспорядок. Те, кого родил Грязный пар, терпеть не могли чистоту и упорядоченность. Но, главное, они не выносили огонь и именно по этой причине газовые фонари здесь всегда были в неисправном виде. А еще мне рассказывали, что йотуны сильно топочут при ходьбе. Видимо, по этой причине камни мостовой лежали расколотыми, будто яичная скорлупа.

Мои рассуждения на этот счет оборвались внезапно и бесповоротно, когда я неожиданно налетел на мощную спину циклопа.

— Пожалуй, хватит, — заявил Юк, а затем, развернувшись на

месте, схватил меня за руки. Его лапища легко обмотала вокруг моих запястий тугую веревку, а глаза скрыла непроницаемая пелена. Я был настолько обескуражен, что даже не сразу сообразил, что меня спеленали как пленника, нацепив на голову какой-то вонючий старый мешок.

— Клевер сказал: так будет спокойней, — объяснил циклоп.

Только вот кому именно будет спокойней, мерзкий карлик, видимо, не уточнил, — пришла мне в голову забавная мысль. И мы зашагали дальше. Правда, теперь я двигался гораздо медленнее, старясь не споткнуться о выступающие бугры камней.

Я мог сопротивляться. К примеру, отказаться идти дальше или начать вопить во все горло, даже угрожать, — только ничего бы я этим не добился, разве что очередную затрещину. Поэтому, обдумав свое незавидное положение, я решил понадеяться на порядочность леприхуна и его слуги Юка, и поплелся дальше в полной темноте.

Постепенно булыжники под ногами сменились ровным настилом, и я понял, что мы наконец-то попали в какое-то помещение. В нос ударил неприятный запах жженого металла и пыли. По всем признакам — мы почти добрались до ангара.

Еще через пару минут моего путешествия в абсолютной черноте я услышал глухие удары молота и скрежет пил.

Тяжелая рука циклопа легла мне на плечо, и мешок в мгновение ока слетел с моих глаз. Щурясь от пробивающегося сквозь стеклянную крышу яркого солнечного света, я не сразу смог оглядеться и понять, где именно нахожусь.

Ангар оказался не просто большим, а огромным. Просторный купол накрывал пространство больше ста ярдов, в котором имелось множество лестниц, комнат, кранов и площадок, размеченных ярко-красными линиями на ровной поверхности. Вдалеке виднелось несколько средних, видимо, грузовых крылопланов и один двухъярусный паровинт, с мощной выступающей листовой броней и угрожающими пушками по периметру.

Открыв рот от удивления, я едва не застонал от восторга, когда над куполом завис еще один крылоплан — изящный и на вид почти невесомый, он развернулся в воздухе на одну четверть. Купол вздрогнул и, слегка подрагивая, стал отъезжать в стороны, открывая верхние ворота для посадки. Легкий ветерок ворвался внутрь, заставив взметнуться пыль и легкие частички металлической стружки. Заслонив рукой рот, я недовольно закашлялся, не переставая наблюдать за тем, как юркий — всего пару ярдов в длину, крылоплан совершает посадку.

Обычно небо над городом наводняли неповоротливые

паровинты или шаровники, которые напоминали мне ленивых жуков, карабкающихся по облакам, будто по песчаным горкам, и вызывали своим гулом скорее головную боль, нежели восхищение. А вот крохотный крылоплан ранил меня в самое сердце, заставив учащенно дышать, словно я был тем самым механикусом, кто умудрился изобрести эдакое чудо.

Немного покачиваясь, юркая машинерия, на борту которой красовались несколько ярких рун, выпустила струйку белого дыма и опустилась на землю. Ножки амортизировали мягкое приземление и винты стали постепенно останавливаться, когда из кабины уже показался пилот. Ловко выпрыгнув наружу, он быстро подтащил фиксаторы и, убедившись, что крылоплан надежно закреплен на месте, снял шлем.

Мое удивление сменилось еще большим восторгом. Летун оказался девушкой. Причем такой симпатичной, что когда она протянула мне свою тонкую ладонь для рукопожатия, я окончательно растерялся и стал неуклюже пятиться назад, пока не наскочил на Юка.

Девушка безразлично хмыкнула и, повернувшись ко мне спиной, зашагала в противоположном направлении, туда, где ее ожидал механикус. И выглядел он весьма необычно для простого помощника. Высокий и крепкий, этот гигант внешне походил на кузнеца, и лишь длинная широкая борода отличала его от повелителей огня и металла.

Летунья подошла к механикусу и растворилась в его крепких объятиях, а когда он отпустил ее, стала с упоением рассказывать о своих виражах. До меня доносились лишь обрывки фраз, но и благодаря им можно было составить вполне четкую картину происходящего. Получалось, что здоровяк-механикус умудрился разместить в крылоплане мощный акселератор, который и вызвал у девушки такой неописуемый восторг.

Юк внимательно наблюдал за душевной беседой, не проронив ни слова. Видимо, и у него она вызывала заметный интерес. Ну а я в свою очередь уже сгорал от нетерпения приступить к работе и в полной мере продемонстрировать всем присутствующим свое умение.

— А когда придет мистер Белый хвост? — повернулся я к циклопу.

— Он уже перед вами, юный шпунт, — раздалось у меня за спиной.

Обернувшись и затаив дыхание, я уставился на выросшую громадину.

Вблизи механикус выглядел еще мощнее, как настоящая скала. Облаченный в длинный кожаный плащ и рабочую рубашку

на завязках, он умудрился нацепить поверх одежды такое количество вспомогательных приборов, что возникал один закономерный вопрос: как он все это носит? Правая часть его лица была скрыта полушлемом, внутри которого, под стеклянной оболочкой, размещались сотни крохотных винтиков, колесиков и шестеренок. На груди крепился механический ящик для приборов, причем достаточно сложной конструкции. И, наконец, рука — а точнее, заменяющая ее конструкция показалась мне неким удивительным штрихом, завершающим общую картину величия гиганта. Мощные стальные стержни сходились в узловой части и переплетались с множеством проводов и разъемов, полностью воссоздавая строение кисти. Но главным были не все эти хитроумные приспособления, а рост механикуса. Гномы просто-напросто не могли достигать таких размеров. Максимум пять футов. Ну, может быть, еще половина. Но не в три же раза выше!

— Итак, мистер Клевер расщедрился и нанял мне помощника, — утвердительно произнес Белый хвост. — Безусловно, этот факт не может не радовать. Спасибо, Юк, дальше я сам, — и проводив циклопа равнодушным взглядом, гном обратился уже ко мне. — Итак, юный шпунт, поведайте нам свою историю. Каким таким боком вы коснулись великой науки механии?

Быстро сообразив, о чем идет речь, я попытался побороть волнение и ответил.

— Я изучал машинерию три полных года, — и, немного подумав, решил, что мой послужной список выглядит слишком скромно, сразу добавил: — И даже участвовал в двух экспериментах и презентации.

— Вот как? — гном с наигранным удивлением цокнул языком. — И каков же результат, шпунт?

— Плачевный, — честно признался я. — Мой бывший учитель был не силен по части изобретательства…

Гном нахмурился:

— А ты ему тогда на кой ляд сдался? Ты-то на что? Штаны протирать весь день или деталь несложную приладить?!

Его голос прозвучал, будто гром среди ясного неба — властный и оглушающий. Не найдя что ответить, я лишь пожал плечами.

— Думаешь, все на мастера свалить можно? Не получилось, так только он повинен! Нет уж, дудки. Тут тебе не игральня. Каждый на плечо товарища полагается. Увидел, что я ошибся — поправь. В себе не уверен — перепроверь. Хоть сто раз, хоть тысячу. Мы с тобой здесь не степени зарабатываем и не славой

поживиться хотим.

— К чему же такие строгости? — обескураженно поинтересовался я, виновато потупив взгляд.

— Строгости? — переспросил гном, немного сбавив тон. — Это ты верно заметил. И я тебе объясню причину. Цена ошибки слишком велика. Не доглядел ты — отвечать ей, — Белый хвост указал на девушку-пилота. — Понимаешь? Она будет отдуваться, если ее крылоплан в полете внезапно чихнет и рухнет камнем вниз.

Я живо представил эту картину — и мне стало не по себе. Как бы грубо гном ни выражал свои мысли, он был совершенно прав.

— Я постараюсь не ошибаться, — догадавшись, какого ответа ждет от меня мастер, тихо сказал я.

— Ты обязан не ошибаться! — поправил меня он. И окончательно успокоившись, махнул мне механической рукой и теперь уже дружелюбно произнес: — Ладно, хватит на сегодня нагонять страха, пойдем, познакомлю тебя с семьей.

— С семьей?

— А как ты хотел? — удивился гном. — Мы здесь одна большая семья. Всегда вместе, как единый механизм. Кто-то сплоховал и пиши пропало, все разрушится, встанет, и никакой ремонт не поможет. Живые — это тебе не машинерия, хотя и она порой, бывает, имеет свое мнение.

— Машинерия? Как это, свое мнение? — я остановился и удивленно уставился на механика.

— Со временем узнаешь, — уклончиво ответил мой новый наставник.

***

Дни на новом месте пролетали с дикой скоростью, и порой я ловил себя на мысли, что даже не знаю, какой сегодня день. В работе мой наставник оказался гораздо добрее и учтивее, чем при первой встрече. Говорил он тихо, размеренно. Если просил чего-то, а я, стараясь изо всех сил, все равно совершал оплошность, никогда не ругал, строго перепроверяя каждую выполненную мной работу, и если та удалась, никогда не забывал похвалить.

Но первое, с чего начал Белый хвост — это правило трех. Неукоснительные, не нарушаемые законы, которые распространялись исключительно на нашу команду.

Первое: всегда прислушиваться к жалобам летуна. Если он чем-то недоволен и слышит в полете посторонние звуки — необходимо перепроверить, вплоть до полного разбора крылоплана. Второе: порченую деталь никогда не исправлять, лучше заказать новую. И третье: если узел поломан более чем в

двух местах — заменять его полностью.

Заучив наставление гнома назубок, я гораздо позже узнал их истинную ценность.

Следующим шагом было знакомство с так называемой 'семьей'. В команду Белого хвоста входили — вечно ворчливый гоблин Бирт, отвечавший за техническое обеспечение крылоплана, и помощник механикуса — задиристый и вспыльчивый Дик-Ди. Светловолосый юноша примерно моего возраста был худым, как жердь, и все свои претензии любил выражать кривлянием, словно лицедей с площади Новых открытий. И, безусловно, я не мог не упомянуть владелицу машинерии. Главной персоной нашей компании — по крайне мере лично для меня, — стала мисс Тисабель, та прекрасная девушка, что управляла изящным крылопланом 'Жужелица'. Правда обращение 'мисс' она отвергла сразу и, немного подумав, добавила, что полное ее имя звучит слишком громоздко и попросила сократить его до привычного Тиса, а еще лучше Ти. Я не возражал. Да и как можно было отказать такой красотке!

— Эй, новичок, хватит мечтать! Подай лучше ключ две-четверти, — окликнул меня Дик.

Покопавшись в объёмистом ящике, я извлек искомый инструмент и протянул его светловолосому. Тот что-то недовольно крякнул, но возмущаться не стал и, забравшись под крылоплан, принялся за работу, дав мне возможность немного передохнуть.

Обойдя машинерию, я облокотился на фюзеляж и принялся наблюдать за тем, как наши соседи по ангару грузят тяжелые мешки в отсеки. Словно муравьи-труженики, темнолицые гоблины взваливали на себя непомерные тюки и короткими шажками двигались в сторону пузатого крылоплана.

— Работяги, — задумчиво произнес я, пытаясь навскидку оценить количество груза.

— Контрабандисты, — лаконично заключил возникший возле меня Бирт.

— Это шутка? — уточнил я, боясь услышать совсем другой ответ.

Гоблин хихикнул:

— Ну конечно, шутка. Тут все так шутят. Отвезут что-нибудь запрещенное к южанам, и от них чего-нибудь назад этакое заберут. А если патруль прижучит, так они пожмут плечами и, конечно же, скажут, что торгуют лиектским табаком, а кто такие контрабандисты, они вообще не знают.

Уставившись на Бирта круглыми, будто плошка глазами, я осторожно поинтересовался:

— Хочешь сказать, здесь все занимаются чем-то подобным?

— Ты имеешь в виду перевозку груза? — уклонился от ответа гоблин.

— Я говорю не о грузах, а о нарушении закона! — я указал на соседний крылоплан.

Из-под 'Жужелицы' высунулась взлохмаченная голова Дика:

— Ну чего вы разорались? Икар вас побери! Ну, возят, ну запрещенное, так что теперь — с ума сходить?!

— Да как ты можешь так спокойно об этом говорить? — возмутился я. — А если блюстители найдут наше логово? Что тогда? — внезапное волнение захлестнуло меня с головой.

— Откупятся, — отмахнувшись, Дик вытер руки о старую ветошь, и ловко забросив ключ в деревянный ящик, пошел проверять уровень масла.

— А мы тоже возим такие вот 'штучки'? — поняв, что больше из светловолосого не вытянешь ни слова, я повернулся к гоблину и стал допытываться у него.

— Мы нет. Мы другое дело, — размеренно сказал Бирт, и немного почесав лысый затылок, добавил: — Мистер Клевер не любит влезать в такую мелочь. Слишком большой риск за сущие гроши. Наш хозяин делает ставки по крупному. Иначе не будет выгоды. Он всегда так говорит. Не будет выгоды и все… — Закончив речь, гоблин мгновенно потерял интерес к разговору и, подхватив тележку, уныло побрел в дальнюю часть ангара, оставив меня наедине с самим собой.

Сгрузив инструмент в хранилище, я накрыл чехлом крылоплан, убрал мусор и побрел в отведенную мне коморку. В голове не переставая крутилась одна навязчивая мысль: правильно ли я сделал, что доверился мистеру Клеверу? Перед глазами возникла огромная чаша весов. Справа на блюдце виднелась моя старая жизнь, а слева — новая. Стрелка слегка поколебалась, ожидая, когда я начну бессмысленное сравнение и, не дождавшись, дернулась сначала в одну, а потом в другую сторону, установив равновесие. Следом за вымышленным мерилом появилась Тиса. Она шла к своему клылоплану, не обращая внимания на меня. Внутренний порыв заставил меня ее окликнуть. Девушка остановилась и обернулась. Бледное, почти безжизненное лицо внезапно изменилось. Мягкие черты стали острыми, угловатыми. Внезапно Тиса резко дернулась вперед и, открыв рот, продемонстрировала мне свои длинные, словно иглы, клыки. Истинная веталла — ночная охотница, способная превращаться в кошмарного зверя, питающегося человеческой кровью.

Виденье растворилось в одну секунду. Не успев испугаться, я

понял, что стою посередине ангара в опасной близости от соседней взлетной площадки, над которой в паре футов завис нагруженный крылоплан контрабандистов. Плотные клубы пара вырвались наружу, заставив меня отступить назад. И воздушные потоки мощных винтов ударили в лицо, вызвав неприятное ощущение — в глаза попали крохотные частички пыли. Я опустил голову и попытался поскорее вернуться на свою половину ангара, но, не сделав и пары шагов, почувствовал мощный удар в спину.

Не успев подняться, я получил еще один сильный пинок, заставивший меня согнуться пополам и дожидаться окончательного взлета крылоплана уже на полу. А вот нападавшие, напротив, только и прикрывались песчаным вихрем — мне удалось различить в мутной пелене две темные фигуры в плотных, непроницаемых гуглах. Один напал со спины и, заломив руки, обездвижил меня. Второй, вынырнув из вихревого потока, нанес несколько мощных ударов в живот.

Я охнул, продолжая жмуриться и сплевывать частички песка, попавшего в рот.

Нападавшие потянули меня вглубь ангара — туда, где высилась стена из огромных бочек, канистр и ящиков. Я попытался вырваться, но профессиональный захват надежно фиксировал мои руки.

Еще несколько ударов.

Крылополан стал медленно разворачиваться на месте, а купол осторожно со скрипом смыкаться, перекрывая мощный поток винтов. Столп пыли нехотя осел, превратившись в тонкий слой, и оглушающий вой двигателя сменился звоном в ушах. И теперь я, наконец, услышал предъявляемые мне претензии.

— Еще раз сунешься на нашу территорию, получишь по полной! — это крикнул первый.

— И не смей глазеть в нашу сторону! Понял?! — добавил второй.

Последний удар поставил жирную точку в нашем коротком, но емком разговоре. Перед глазами все закружилось, меня стало мутить и ноги превратились в ненадежные ходули, которые сразу же подломились. Повалившись на землю, как мешок с мукой, я, хватая ртом воздух, смотрел вслед двум мрачным фигурам, удаляющимся в направлении второй площадки. А возле нашей, первой, устроившись на груде старых деталей, сидел Бирт и, улыбаясь во весь свой гоблинский рот, наблюдал за происходящим, даже не собираясь мне помогать.

Закрыв глаза, я перевернулся на спину и уставился в стеклянный купол, разделенный на множество прямоугольных пластин. В лазурной синеве неба, у самой кромки массивных

кучевых облаков исчезала маленькая черная точка — крылоплан моей наивной юношеской мечты, которая с каждым днем становилась все призрачней и неосуществимей. И вместе с грустным сравнением пришла одна очень обидная, но неоспоримая истина — этот новый дом никогда не станет для меня родным.

Глава 4
Кодекс воздушных лиходеев

Лед был как нельзя кстати. Прижав обжигающий холодом кулек к щеке, я закусил губу, пытаясь таким нехитрым способом унять ноющую боль. Механикус сидел напротив меня, регулируя мощность горелки, на которой готовился чудодейственный отвар по рецепту его горных предков. Маленькая рабочая комнатка быстро наполнялась запахом ромашки и чабреца. Я жадно вдыхал душистый аромат, чувствуя, как неприятное головокружение постепенно утихает, растворяясь в мягком привкусе тайных ингредиентов.

— Этот напиток готовил еще мой дед в эпоху первых небесных войн с Урантой.

Сбавив огонь, гном покосился на мои проступившие синяки и ободряюще продолжил:

— Ничего страшного, скоро заживет. А ты в следующий раз не провоцируй их. Сквоты этого не любят. С ними дружить надо, а не враждовать.

— Дружить с лиходеями?! — возмутился я. — Да лучше я породнюсь с троллем!

Белый хвост улыбнулся, снял дымящийся отвар с пламени своей металлической культей (получилось достаточно умело) и налил его в чашу.

— Весьма сомнительная перспектива. Даже если учесть тот факт, что у тебя появятся достаточно грозные родственнички.

— Да уж получше, чем провести остаток дней в Тауэр-Крит, — фыркнул я.

Гном протянул мне целебный напиток. И дождавшись, когда я сделаю осторожный глоток, спросил:

— Скажи, а что в твоем понятии — несправедливость?

Нахмурившись, я недоверчиво уставился на наставника. Невзирая на его бороду и массивную шевелюру, уловить отражавшиеся на его лице эмоции было не так-то сложно. Он спрашивал абсолютно серьезно: ни единого намека на шутку или

издевательство.

Заметив мое замешательство, механикус попытался пояснить:

— Пойми, меня не интересуют твои рассуждения о голоде или бесконечных войнах. Расскажи, как она коснулась именно тебя, а не кого-то другого?

Задумавшись, я отставил в сторону чашу и, покосившись на вторую площадку, где неугомонные труженики грузили очередную партию запрещенного товара, вкрадчиво произнес:

— Мой бывший учитель… он был виртуозом, и всегда мечтал создать что-то необыкновенное. Такое, чем смог бы пользоваться каждый из нас.

— Он хороший механикус? — спросил гном.

— Думаю, что да, — кивнул я. — Иначе он никогда не создал бы целых семь изобретений и каждое из них такое неповторимое, что даже бывалые эксперты диву давались, увидев столь сложную машинерию.

Белый Хвост понимающе кивнул.

— В чем же тут несправедливость?

— Понимаете, он никак не мог испытать свои творение. Вроде бы все хорошо, но как только доходило до экспертов, обязательно случалась какая-то заковырка. — Мой голос приобрел нотки обреченности, словно страшная закономерность преследовала не только виртуоза, но и меня самого. — И сколько мы ни бились- у нас ничего не получалось. Столько лет и все без толку! Сущая несправедливость…

— Согласен, — откликнулся гном. — Только это ведь не конец истории, не так ли?

Я не стал отнекиваться и рассказал о том, как последнее творение мистера Босвела стало причиной моих несчастий и насколько легко виртуоз расстался со своим учеником.

Закончив повествование, я ощутил вставший в горле ком, и если бы мне пришлось рассказать еще какую-нибудь историю из своей, полной несправедливости жизни, я наверняка бы разрыдался прямо на глазах наставника.

Гном долго молчал, попивая душистый отвар, а когда чаша опустела, подмигнул мне и словно заговорщик, оглянувшись по сторонам, сказал:

— Поздравляю, Сти. С сегодняшнего дня ты можешь именовать себя лиходеем.

Я хотел вспылить, вступив в жаркий спор, но под воздействием отвара, укротившего мою прыть, я лишь нахмурил брови и вопросительно уставился на механикуса. Тот, в свою очередь, не спешил с объяснениями, видимо, желая услышать от меня хотя бы один вопрос. Но вместо этого я твердо заявил.

— Я никогда не нарушу закон. Условия 'Пароменика' должны соблюдаться неукоснительно, иначе любой механизм придет в негодность! — повторил я заученную в приюте первую фазу создания. — Пускай это делают другие, но только не я!

— На твоем месте я не стал бы делать столь скоропалительные выводы,

— А разве есть другой выход? — удивился я. — Закон и придуман для того, чтобы его соблюдали. Иначе не будет никакого созидания, а сплошной хаос.

Задумчиво почесав бороду своим механическим имплантантом, гном что-то прикинул, а затем, резко вскочив с места, подхватил меня под руку и потащил к крылоплану.

— Дик, готовь 'Пташку' к полету…

Я успел заметить недовольное выражение гоблинской морды — скорее всего он уже точил на меня зуб, обвиняя во всех смертных грехах.

В отличие от серокожего, вечно брюзжащий Дик мгновенно отреагировал на приказ механикуса. Оказавшись в противоположной части ангара, он воспользовался тягачом — специальной повозкой, способной с легкостью перемещать многофунтовые громадины, и выкатил на взлетную полосу нечто большое, плотно стянутое защитным чехлом.

— Что стряслось? — послышался сонный голос Ти.

Одарив меня лучезарной улыбкой, девушка подошла к гному и, прижавшись к его плечу, преданно посмотрела в глаза.

— Хочу принять в нашу команду еще одного недовольного, — кивнул в мою сторону механикус.

— Ты уверен? — отчего-то усомнилась Ти.

— Как никогда в жизни, — громогласно заявил гном, и одним махом сорвал с крылоплана чехол.

Отблеск солнечных лучей отразился от начищенной до блеска обшивки 'Пташки'. Не успев ахнуть, я молча наблюдал как фонарь, издав несколько легких щелчков, отъезжает назад и открывает нашему взору удобные летные кресла из дорогой красной кожи пустынного трапера.

— Ну, что встал? Запрыгивай! — скомандовал гном.

Я ловко вскарабкался на крыло и погрузился в достаточно узкое, неудобное пространство, где от силы мог пошевелить плечами и слегка вытянуть вперед руки. Ти и Белый хвост последовали за мной. Фонарь щелкнул, окончательно лишив меня свежего воздуха. И тут я запаниковал. Легкий мандраж перед первым в моей жизни воздушным приключением, наверное, был вполне обычной реакцией, но я отчего-то решил, что скорый полет не сулит мне ничего хорошего.

Пристегнув ремни, которые с легкостью зафиксировались внутри креплений, расположенных по бокам кресла, я глубоко вздохнул, чтобы успокоиться, а вместо этого еще больше ощутил нехватку воздуха. Мне словно надавили на горло, заставив мгновенно разорвать ворот рубахи. Стало немного легче, и только. Нагретый, тяжелый воздух, казалось, медленно проникает в меня, словно горячий кисель, неприятно обжигая внутренности.

Следующий приступ паники произошёл, когда снаружи послышался нарастающий гул разгоняющихся двигателей. Находясь в ангаре и наблюдая за взлетом крылоплана, я обычно ощущал лишь легкую вибрацию и неприятное онемение, будто находился в кузнечном цехе, где непрерывно слышны удары молота о наковальню. А здесь, внутри этого трепещущего и пыхающего паром монстра, все выглядело совсем иначе. Звук рождался у самого сердца и, сковывая тело цепями непреодолимого, оглушающего страха, вырывался на волю одним непередаваемым гулом. В нем сочеталось все: треск, свист, вой, жужжание и еще сотни составляющих, природу которых определить я был не в состоянии.

Набрав нужные обороты, крылоплан осторожно оторвался от земли и ненадолго завис, немного покачиваясь, как на волнах, и пытаясь нащупать такое хлипкое равновесие. Я понимал, что мы уже вне твердой опоры и постепенно удаляемся от поверхности ангара, а подо мной существует лишь хлипкое днище крылоплана, с которым не может ничего случиться. Но страх уверял в обратном. И складывалось ошибочное впечатление, что я просто вишу, как груша, готовая вот-вот сорваться с ветки и упасть, разбившись вдребезги. Чувствуя выступивший на висках пот, я не стал больше прислушиваться к собственным ощущениям и, закрыв глаза, стал следить за происходящим при помощи ушей.

Протяжный скрежет плохо смазанных цепей возвестил меня о приближении к стеклянному куполу. Механизм нехотя откликнулся и, совершив цикл, затих, открыв нам ворота для взлета. Гул немного поубавился и сделался более привычным, немного расслабив натянутые нервы. На несколько секунд крылоплан вновь завис, развернулся. В глаза, даже сквозь сомкнутые веки, ударил яркий свет.

— Как себя чувствуешь? — раздался приглушенный голос механикуса.

— Нормально! — стараясь переорать звуковой кокон, мгновенно отреагировал я.

— Это только начало, — утешил меня гном.

Резкий свист стрелой пронзил мое тело, пригвоздив к спинке кресла, словно я попал под тяжеленный пресс. Меня стало

мутить, кровь прилила к голове. Ощущая навалившуюся усталость, я лишь через несколько минут попытался оторвать голову от подголовника и, на удивление, у меня это получилось. В один миг тело стало легким, почти невесомым. Открыв сначала один глаз, потом другой, и повернув голову, я обомлел. Мы находились где-то между бескрайними небесными просторами и тонкой, почти не различимой линией горизонта. Облака, будто мягкая перина, стелились под крылом, лаская блестящий фюзеляж крылоплана. Неописуемая красота была повсюду — сверху, с боков, на расстоянии вытянутой руки. Великолепное буйство палитры, от аквамаринового до темно-лазурного. Мы словно не парили, а плыли среди кобальтовой синевы невидимых волн, покоряясь мощным воздушным потокам. Непередаваемое ощущение захлестнуло меня с головой, окончательно избавив от тревоги и волнения.

Представив себя свободной птицей, я попытался дышать полной грудью, наслаждаясь нахлынувшими эмоциями.

Сидевший впереди меня гном повернулся вполоборота и, подняв вверх руку, выставил большой палец от сжатого кулака.

Я утвердительно кивнул в ответ и попытался улыбнуться. Механикус тут же успокоился и, подавшись вперед к пилоту, стал что-то объяснять ей, указывая на возникшее между облаков огромное пятно. Ти несколько раз покачала головой, а затем резко повернула штурвал влево, заложив крутой вираж.

Небесное великолепие закружилось передо мной калейдоскопом размазанных красок, заставив вцепиться в ручки переднего кресла. Меня опять стало мутить. Еще один маневр, сопровождавшийся сильным протяжным скрипом крыльев, окончательно выбил меня из колеи. Я уже не понимал творившийся вокруг хоровод. Лишь подступившая к горлу тошнота и ощущение внутреннего дискомфорта, словно у тебя из-под ног выбили опору, завладело мной и не отпускало до самой земли.

Приземление было более чем мягким. Не успев досчитать до десяти, я почувствовал небольшую тряску, а когда открыл глаза, увидел очерченную белым следом площадку.

Сглотнув, я попытался избавиться от неприятной заложенности в ушах. Получилось не сразу. 'Фонарь' отъехал в сторону. Отделавшись от ремней, я попробовал подняться, но оказалось, что ноги перестали слушаться своего хозяина. Растерянно посмотрел наверх и увидел протянутую руку. Гном вытянул меня из кабины как рыбку из реки, а потом помог спуститься с крыла.

Земля затанцевала подо мной, видимо, не желая принимать

обратно в свое лоно небесного путешественника, и всячески пыталась скинуть с себя как ненужную вещь. Белый хвост, подставив плечо, объяснил мое состояние таки образом:

— Это земное тяготение, адаптация после первого полета. Ничего, скоро пройдет.

— Мне пойти с вами? — поинтересовалась Ти.

— Нет, не стоит. Мы прогуляемся вдвоем. Ты же не возражаешь, шпунт?

Я молча согласился, пытаясь угнаться за широкими, размашистыми шагами гнома.

Огромная поляна, утопающая в невысокой густой траве, напоминала заброшенную взлетную площадку. Кое-где виднелись покосившиеся деревянные постройки, полуразрушенные наблюдательные вышки и остовы сгоревших складов. И хотя в западной части еще сохранились ровные полосы, в остальных местах разметка практически исчезла и лишь проплешины на зеленом ковре еще хранили память о массивных пыхтящих машинах.

— Его называли Кольютас, — заметив мой интерес к здешнему месту, пояснил гном. — Лет сорок назад здесь было не протолкнуться. Авантюристы со всего архипелага слетались сюда, словно мухи на мед. Перегруженная площадка едва справлялась, пытаясь принять всех желающих.

— В чем же был их интерес?

— Рифт, — коротко ответил гном и указал на дальнюю кромку леса.

Массивные кроны деревьев, склоняясь под частыми порывами восточного ветра, напоминали ровный частокол непреодолимой преграды.

Остановившись возле высоченной сосны, гном задумчиво огляделся, словно вспоминая, куда идти дальше, почесал бороду и, подняв указательный палец, прислушался к завыванию ветра. Я не стал ему мешать, отошел в сторону и еще раз посмотрел на взлетную площадку, живо представив, как десятки крылопланов и дирижаблей выстраиваются в ряд, а сотни нагруженных носильщиков вереницей тянутся к двухэтажному каменному зданию, желая поскорее получить разрешительные документы, позволяющие вступить на территорию разлома. Повернув голову, я заметил, что к наезжему тракту подползают кареты с паровыми двигателями, возницы с радостью услуживают хорошо одетым господам. В моем воображении на месте заброшенного городка кипела жизнь и благоденствие.

О Рифте я впервые узнал от преподавателей приюта. 'Место, где земля разверзлась в стороны', - так называл разлом наш

первый учитель Тингус-Фрес — маленький, вечно кашляющий орк, который в свое время был заядлым путешественником. По непонятной мне причине, он нарек здешние места Гиблой трясиной, сравнивая открытие новых паровых месторождений с золотой лихорадкой. Гораздо позже я узнал: как он был прав. Только суть этого парящего в небесах золота оказалась куда страшнее желания обогатиться, добыв себе крохотный сверкающий металл.

— Пойдем, у нас мало времени, — оборвал мои мысли голос механикуса. И мы двинулись вперед.

Поросшая травой тропинка резко ушла вправо, и идти стало куда сложнее. Продравшись сквозь высокие кусты папоротника и древесные лианы, мы поднялись на небольшой холм, сразу за которым началась искусственная колея. Среди буйства зелени я не сразу смог разглядеть почерневшие от времени рельсы и покрытые мхом шпалы. Только когда гном оказался внизу, и немного остановившись, указал мне на световые столбы, притаившиеся за изумрудной завесой, я оценил всю масштабность здешних конструкций. И пускай от былого величия не осталось и следа, природа все еще хранила в себе отголоски прошлого.

Зеленый коридор с высокими лиановыми сводами создавал некое подобие крыши и туннеля, уводящего нас куда-то вдаль. Где-то еще слышались натужные голоса тружеников, отчаянные крики управляющих, и из-под земли вырывались необузданные клубы пара, способного оживить любую машинерию, вдохнуть в нее жизнь и заставить работать на благо науки.

— Раньше здесь ходили огромные поезда, — гном указал на высокие столбы-краны по обеим сторонам дороги. — Колоссальный труд тысячи отчаянных авантюристов. Мы думали, наши потуги станут самым великим достижением архипелага, а оказалось…, - с грустью добавил он и, не договорив, тяжело вздохнул.

Вступив на очередную деревянную шпалу, полностью покрытую мхом, я почувствовал подозрительный хруст, и земля в тот же миг ушла из-под ног. Пытаясь сохранить равновесие, я ловко перескочил на ближайшую опору. С ней произошло то же самое и мне пришлось, не останавливаясь, проделать длинный путь до поворота, где имелся металлический каркас.

Пытаясь отдышаться, я попытался прогнать предательскую дрожь и посмотрел вниз, в зеленую пустоту, куда падало сухое крошево гнилого дерева. Там, в зеленых недрах леса, виднелся глубокий, казавшийся бесконечным провал, а видимая изумрудная поверхность оказалась обманом. Получалось, что

железная дорога пролегала над глубокой пропастью. Я внимательно пригляделся к рельсам, подпоркам и иным техническим новшествам, которые до этого никогда не встречал. Удивительное творение механикусов Рифта поражало и заставляло поверить в то, что для них действительно не существовало ничего невозможного.

При более внимательном изучении вырисовывалась совсем невероятная картина. Путь не просто пролегал над обрывом, скрытым зеленым ковром высокого яруса, которые тянулись из пустоты низины ближе к солнцу, а повисал практически в воздухе, держась на едва уловимых стальных канатах. И мне оставалось только догадываться об истинной сложности конструкции. Чуть дальше обнаружилось еще одно чудо техники. Дорога, избавившись от висячих пут, опустилась на пневматические столбы, отчего рельсы даже под действием нашего небольшого веса слегка пружинили и поднимались в такт движению, напоминая покачивание волн.

— Невероятно, — прошептал я, не найдя других слов.

Находясь в достаточном отдалении, гном все-таки меня услышал.

— Ты прав. Здесь творили настоящие доки своего дела. И никакие пустые звания и регалии не могли сравниться с теми шедеврами, что рождались в их гениальных головах.

— Вы ведь тоже были здесь? Были добытчиком?! — спросил я, заранее зная ответ.

Белый хвост немного помолчал, потирая механическую руку, а затем, заметно волнуясь, стал рассказывать:

— Я был тогда немногим старше тебя, шпунт. Славные времена. Мечты и надежды. Никаких забот. Хотя нет. Существовала одна большущая проблема: я никогда не был похож на своих соплеменников. Меня не привлекали самоцветы и каменные штольни. Ничего подобного. Могучие, грозные машины — вот что заставляло меня сходить с ума. Сложные конструкции, способные подчиняться любым командам того, кто ими управляет. И все мои помыслы были заняты навязчивой идеей — осуществить несбыточную мечту…

Мои сородичи меня не понимали. В наших кланах не принято использовать пар, заставляющий двигатели работать, приводя в движение сложнейшие механизмы. Сделать неповторимый замок или выковать что-нибудь эдакое — да, но получать помощь извне у подземных божеств, рождающих пар, у нас считалось кощунством. Поэтому меня и не допускали к изобретательству. Впрочем, и к добыче путь мне был тоже закрыт. С моим неподходящим ростом я не мог работать в шахтах, добывая

золото и драгоценные камни. Понимаешь?

Громадный увалень без цели и будущего. Они убивали во мне мечту. Я долго и упорно просил старейшин изменить свое решение, но они были непреклонны. В наших землях не любят отходить от древних законов — либо выполняй предсказанное горными богами, либо убирайся прочь. Я долго терзался сомнениями, но в конечном итоге решил рискнуть. В конце концов, у меня с моими братьями разные цели. Они верили в горные хребты и копи, а я в несокрушимую мощь машинерий.

— Получается, вы намеренно покинули родные пещеры? — поразился я.

Гном кивнул и продолжил рассказ:

— Вначале мое путешествие напоминало бег. Я старался уйти как можно дальше, боясь, что совет старейшин решит вернуть меня в родные копи. Поэтому первой моей остановкой стал Ранбенк-дит — тихий городок со своими порядками и крохотной верфью, где в основном трудились кранксы, которые и стали моими учителями в механическом деле. Правда, там я задержался ненадолго. На фоне рыжебородых я выделялся, словно белая ворона. Но спасибо им и за крохотный курс науки… Затем я долго скитался по южным пределам империи, пытаясь отыскать себе пристанище и собирая по крупицам основы ремесла, но, знаешь, мой грозный вид не внушал доверия тем, кто хотел воспользоваться услугами гиганта-механикуса. К тому же у меня не было никаких подтверждающих мою степень бумаг. Поэтому, услышав о новом Рифте, я понял, что не могу упустить такой шанс и отправился с первым же дилижансом. Прибыть сюда воздухом было слишком дорогим удовольствием для меня.

— И что же ждало вас на разломе?

— Боль, смерть, одиночество, — взяв небольшую паузу, перечислил гном. — Если ты считаешь здешние места счастливой жилой, где можно было заработать деньги и исполнить свои мечты, то глубоко ошибаешься. Конечно, в первый год мы с жадностью окунулись в работу и нас не интересовали мелкие стычки и споры. У нас была идея и цель. И мы стремились к ней не щадя себя. Но когда Рифт взяла под контроль Верхушка и Коллегия праведников — все изменилось. Строгие порядки заставили многих добытчиков отказаться от смелых планов и покинуть Рифт. А потом к нам пригнали узников с Пыльных рудников, и здесь стал твориться настоящий кошмар.

— А ваша рука? — осторожно поинтересовался я.

— Да, именно здесь это и произошло, — Белый хвост посмотрел на металлическую кисть, которая сейчас больше напоминала куриную лапку. — Это случилось осенью, когда

активность подземных выбросов растет и добыча пара идет с удвоенной силой. Мы с моими друзьями создали небывалых размеров Трайсвер, который способен был заменить на Рифте сотню трудяг и выполнять всю работу за них. Я думал, мы совершили настоящий прорыв в науке и уберегли сотни жизней от случайных смертей, происходивших на Рифте.

— Но кто-то рассудил иначе, — догадался я.

— Узники… они решили устранить механического конкурента. Настоящие звери, они готовы были грызть глотки друг дружке, лишь бы продолжать трудиться на разломе и не возвращаться на рудники. В чем-то я их понимал. Это место стало для них неким подобием свободы. Но их жестокие методы… Я никогда не разделял насилие. Мы схлестнулись с ними у Рваной горы, у самого месторождения. Никаких компромиссов, уговоров и примирения. Они уничтожили смысл нашей жизни — машинерию, в которую мы вложили собственную душу. Ее работа все изменила бы к лучшему, но они предпочитали махать кирками, и плевать им хотелось на наши изобретения.

После того кровавого утра на Рифт заявились блюстители и нас как бунтарей объявили вне закона. Мы стали для всех чем-то наподобие страшной болезни, ужасными душегубами, умевшими лишь убивать, голодными хищниками, достойными смерти. Одним словом — лиходеями. Вечными изгнанниками, лишившимися собственной мечты, свободы и всего остального. Понимаешь? Нас сделали такими против нашей воли. Но они ошиблись. Они не сломили нашу волю, а, напротив, заполучили врагов, которые не желают больше мириться с тем, что их лишают главного — свободы. Это основная и, на мой взгляд, единственная цель кодекса лиходеев. А не убийство и насилие, как привыкли кричать во все горло тюремные глашатаи, слепые рабы тех, кто объявил на нас охоту.

— Но ведь Верхушке виднее. Может быть, все-таки стоило просто подчиниться?

Белый хвост резко остановился, посмотрел мне прямо в глаза и спросил:

— Скажи, когда ты летал на крылоплане, ты чувствовал себя свободным?

— Да, безгранично, — не раздумывая, произнес я.

— И хочешь, чтобы это повторилось?

— Да, конечно.

— А если тебе отказаться от полета?

Я ответил не сразу. Вопрос явно был с подвохом, но в то же время зацепил меня за живое. В моей жизни существовало столько несбыточных желаний, что лишиться еще одного — снова

ощутить счастье полета — показалось мне чем-то невыносимым, поэтому я покачал головой.

— То есть ты бы пошел на многое, чтобы вновь обрести утраченную свободу. Твою свободу! Ту, что не променяешь ни на что на свете, — продолжил рассуждение гном.

— Наверное, да, — согласился я, вспоминая недавнюю эйфорию небесных виражей.

— Вот именно поэтому я и назвал тебя лиходеем. Три главных принципа нашего кодекса: познание нового, свобода и…

— Борьба? — попытался догадаться я.

— Нет, — сказал Белый хвост. — Гнев. Только благодаря этому мы можем достигнуть первых двух целей.

Мы поднялись на очередной холм, и я увидел неровную границу. Здесь плотные ряды деревьев упирались в каменное плато, которое напоминало пол в нашем ангаре — ровный серый настил, растянувшийся на бесконечные мили до самого горизонта.

Приложив ладонь ко лбу, чтобы солнце не слепило, гном вгляделся куда-то вдаль. Я повторил его движение.

Сначала я различил лишь белое марево, зависшее над землей, словно туман, способный исказить действительность, но потом мне открылась вся картина. Пустота была здесь всего-навсего прикрытием. Поверхность земли плыла волнами и только благодаря невероятным усилиям я смог разглядеть крохотные точки неких сооружений, казавшиеся причудливыми миражами в этом жарком, лишенным влаги и всего живого месте.

Глава 5
Ржавое солнце запретной зоны

Отдышавшись, я привалился спиной к пожелтевшему и изъеденному дырами остову исполинской машинерии, которая, как мне показалось, наполовину вросла в один из высоченных барханов. Горячий воздух обжигал легкие, словно внутри меня бурлило огненное варево. Стараясь как можно реже дышать, я отступил назад и покосился на моего проводника. Гном выглядел довольным, хотя его лицо на фоне палящего солнца и казалось весьма бледным. Стало быть, наш путь лежит вперед и пасовать перед невероятной жарой мой наставник не собирается.

Я с грустью обернулся и посмотрел на непомерную дистанцию, которую нам пришлось преодолеть, чтобы добраться до границы Рифта. Отсюда оставалась видна только часть лесной

кромки, нитью растянувшейся вдоль горизонта и превратившейся в мираж, похожий на что угодно, только не на спасительный оазис.

Нам предстояло выдержать три перехода длиною в несколько миль. Казалось бы, весьма скромное расстояние, но на преодоление его нам потребовалось три, а может быть, четыре часа. И каждый шаг на финишном рубеже дался нелегко.

Я хорошо помню, как гном посмотрел на свои часы. Что-то прикинул, убрал их обратно во внутренний карман и посоветовал мне не отставать. А затем принялся коротко объяснять мне, что необходимо сделать и как поступить, чтобы не угодить в расставленные впереди ловушки. От меня всего-то и требовалось: петлять не хуже рыжеполосых ужей и не сбавлять сумасшедшего темпа. Не успел я опомниться и хорошенько расспросить гнома о препятствиях, а грузный и на вид весьма неповоротливый гигант уже рванул с места. И двигался он так легко, что я едва успел нагнать его, приложив при этом немало усилий.

Стараясь не сбить дыхание, я вдруг заметил возникающие на каменной поверхности темно-вишневые круги. Они словно вырастали из-под зубчатого плато и, увеличившись в размерах до пары футов, стали двигаться в нашу сторону.

— Петляй! — скомандовал гном и начал смещаться вправо, описывая некое подобие зигзага. Я последовал его примеру.

Круги, которых уже появилось больше дюжины, прекратили движение и непонятно по какой причине стали меркнуть, исчезая прямо у нас на глазах.

— Резко, влево! — вновь послышался приказ механикуса.

Сделав жадный вдох и ощущая дикую усталость в ногах, я все же изменил направление, успев заметить, как на том самом месте, где мы должны были оказаться, если бы продолжали бег в одном направлении, резко возникли темные пятна. Все случилось внезапно и неотвратимо, я даже не успел испугаться. Земля просто разъехалась в стороны, открыв нашему взору огромные, идеально ровные дыры-ловушки, предназначавшиеся исключительно для нас. Пару секунд ничего не происходило, а потом я услышал странный хруст, словно одновременно сломались сотни веток. Звук заставил меня обернуться. Я едва не вскрикнул от отчаянья. Прямо за мной возникли сотни, а, может, даже тысячи ям. Следуя по пятам, они опережали нас, и если бы гном не схватил меня за предплечье и не откинул в сторону, на следующем же шаге я оказался бы внутри одного из этих ужасных провалов.

Дальше следовали бесчисленные команды 'налево', 'направо'. Клыкастая поверхность плато сменилась песком, и бежать стало

еще труднее. Ноги вязли со страшной силой, и каждый следующий шаг стоил мне невероятных усилий, в отличие от Белого хвоста, который продолжал двигаться с одной скоростью и выглядел ни капельки не уставшим. Да что там уставшим! Мне показалось, он даже не запыхался.

Впереди нас ждало еще несколько сюрпризов. Здесь круги-ловушки превратились в широкие платформы различных форм и размеров. Их появление на песке сопровождалось протяжным скрежетом, треском и я уже мог угадать, когда и где возникнет новый разлом.

Не помню, как долго мы бежали. Мне показалось — целую вечность. Но когда силы окончательно начали меня покидать, я, наконец, узрел заброшенный город. Настоящий металлический титан, величиной и масштабами сравнимый разве что с промышленными заводами мистера Титвела Гиста — главы третьего Цеха механикусов. По крайне мере, других подобных строений я никогда раньше еще не встречал.

Единственным отличием было лишь то, что творения знаменитого изобретателя продолжали непрерывно работать, изрыгая в небеса тяжелые клубы серого дыма, а Рифт напоминал сейчас немую музейную экспозицию, лишенную всякой способности работать.

Достигнув мраморных пластин, опоясывающих город, я обессиленно повалился на землю, жадно хватая ртом воздух.

Присев возле одной из невысоких пузатых построек, некой пародии на наблюдательную башню, гном дал мне возможность прийти в себя, а сам тем временем вновь извлек позолоченные часы на цепочке. Я с интересом покосился на циферблат и понял, что ошибался — в руках механикуса был не измеритель времени, а компас. Необычный, с двумя разноцветными стрелками и, по меньшей мере, пятнадцатью координатами. Заметив мой взгляд, гном задорно подмигнул мне и, указав на пустыню, пояснил:

— Здесь охранные механизмы устарели и реагируют на чужое присутствие не так быстро, как в остальных местах. Отклонись мы чуть на север или на юг, нас бы разорвало в клочья. Там сигнализации все так же смертоносны и не совершают ошибок. Так что единственный способ попасть в Порто-лукура существует только здесь.

— Ржавый город! — услышав заветное слово, я едва смог повторить его название на привычном для меня языке.

Гном кивнул.

— Именно он, шпунт.

— Но откуда вы узнали, что здесь существует лазейка? — все еще не веря словам механикуса, поинтересовался я.

— Из собственного опыта. Я лично участвовал в создании защитного пояса Рифта.

Вытаращив глаза, я так и остался стоять на месте. Все, что творилось вокруг меня, просто не могло быть правдой: захватывающим сном, да, пожалуй, но только не реальностью, где мне удалось повстречаться с настоящей легендой механикусов.

В приюте наш учитель, мистер Фрес, рассказывал нам о великом и неподражаемом мастере, который можно сказать по крупицам вырастил настоящий механический город возле огромного на архипелаге месторождения пара. Он утверждал, что великий Уорстон Хром — такое имя носил первый механикус Рифта, способен оживить любую машинерию даже с закрытыми глазами. Для меня подобные истории всегда были сродни легендам. Но получалось, не все легенды лживы. И удивительный случай свел меня с самим Хромом, у которого я теперь ходил в учениках. Поразительно. Я никогда не был баловнем Фортунаты, а теперь вот ощущал на себе длань самого Икара, совершившего первый полет в небеса и ставшего настоящим кудесником новой науки.

Мы неспешно двинулись в самую глубь Ржавого города. Гном лишь изредка поглядывал на зависшее в зените солнце и сверялся с компасом. А я, в свою очередь, не мог оторвать глаз от шедевров сложных механических конструкций. Застывшие исполины, больные коррозийным налетом, безропотно наблюдали за своим создателем, который, будто строгий отец, в знак наказания даже не удосужил их взглядом.

Машинерии были огромными, гораздо выше городских сооружений. Остроконечные землерои, кряжистые бураво-пары и похожие на пауков дозорные ходуны стали частью причудливого городского пейзажа, и только стальные каркасы позволяли не спутать их с каменными домами.

Остановившись возле огромного паровоза, обшитого толстыми листами защиты, я с интересом пригляделся к гладкой, почти полированной поверхности. Ровный ряд заклепок, словно шов на идеальном дорогом костюме, напоминал причудливые рунические узоры, а массивный ряд колес высотой с человека напоминал смертоносные жернова, попав под губительный пресс которых нельзя рассчитывать на спасение. Дальше по улице располагались ровные ряды Трайсверов-собирателей. Их гусеницы, снаряженные мощными дополнительными лентами, сцеплялись между собой крохотными крепежами, отчего общая картина казалась бесконечной. Одинаковые самоходные части, квадратные стеклянные кабины, тупые носы камер и двигателе-хранителей.

Потом шли Трайсверы-исследователи — такие же несокрушимые и массивные, с одни отличием: вместо незащищенных кабин у них имелись тяжелые бронированные башни с двумя крутящимися пулеметами Галинкта — великого оружейного изобретателя. Я и понятия не имел, зачем здесь, в безжизненных просторах, где не существует ничего живого, труженикам Рифта понадобились такие штуковины, но, судя по валявшимся под ногами гильзам и все еще витающему в округе запаху пороха, эти самоходные убийцы во времена добычи не стояли без работы.

Но главным открытием среди металлических великанов стал 'Громовержец'. По крайне мере именно это название виднелось на высокой корме летающего корабля-крепости. Высунув нос из деревянного навеса со скошенной крышей, он терпеливо ждал того знаменательного момента, когда ему предстоит совершить свой первый полет. И надо заметить, для данного торжества все было готово: и мощные тягачи с примитивными механизмами лебедок, и высокие каменные помосты с поручнями для удобства зрителей, даже несколько паровозов, ютясь у выезда из длинных ангаров, изнывали от желания поскорее вывести на взлетную площадку своего летающего собрата.

Взобравшись на платформу, гном остановился и позволил мне насладиться зрелищем. 'Громовержец' был бесподобен. Напоминая акулу, он при этом имел квадратный нос как у дирижабля и несколько труб, расположенных на верхушке, в непосредственной близости от смотровой площадки. Кабины команды находились в нижней части воздушной крепости. Две округлые — в средней части и одна продольная в носовой. В хвосте находился плавник, регулирующий движение, и еще множество мощных винтов, способных разогнать этого увальня до безумной скорости.

— Этой ласточке так и не суждено было взлететь, — с грустью заявил гном и, видимо, чтобы не бередить неприятные воспоминания, быстро спустился вниз по винтовой лестнице.

Дальше наш путь проходил по внутренней части города. Бесконечные переходы, туннели, напичканные трубами-вытяжками и тусклыми белыми фонарями, скрытыми толстым коконом мутного стекла. Каждый наш шаг сопровождался чужими сопением, стонами и чем-то похожим на людские мольбы. И даже когда мы останавливались, чтобы передохнуть, посторонний звук никуда не исчезал. А вскоре мне стало казаться, что неведомые жители этих мрачных, холодных помещений просто издеваются над нами. В отличие от меня, гном не обращал на чужое присутствие никакого внимания — только чаще поглядывая на

компас, он бормотал себе что-то под нос и невозмутимо спускался дальше, вглубь механического лабиринта. Не донимая его пустыми вопросами и стараясь не отставать, я гнал тяготившие меня мысли прочь.

Очередной пролет закончился очередной винтовой лестницей.

Нижний ярус оказался наполовину заполнен водой. Откуда она взялась здесь, среди вечных песков и жары, я не знал, но отчего-то мне сделалось совсем скверно. Перспектива остаться в жутких катакомбах навсегда липким страхом подобралась к самому сердцу, заставив меня поддаться внезапной панике.

Свет практически пропал и лишь случайные искры, возникающие в темноте, на миг озаряли пустые коридоры, вынуждая меня вздрагивать и замирать в предвкушении неминуемой опасности.

Наконец наше погружение в жуткие подвалы повелителя смерти Итара закончилось. Случилось это внезапно. Не успев опомниться, я наткнулся на механикуса, который, склонившись над компасом, внезапно застопорился, будто поломавшийся механизм. А вскоре резко рванул вправо и исчез в пустоте.

Я нашел его в крохотном закутке. По всей видимости, здесь в ограниченном пространстве это была полноценная комната или отсек для хранения инвентаря.

Обхватив подбородок, Белый хвост внимательно оглядывал стеллажи и ящички, пытаясь что-то вспомнить. Длилось это недолго. Подняв указательный палец над головой, он буркнул себе под нос спасительное 'ага' и приступил к решительным действиям. Не пользуясь подручными средствами, он взломал один из рабочих шкафов и, достав масляный квадратный фонарь, добыл для нас свет. Длинные тени, шипя и завывая от внезапной боли, попрятались по углам, опасаясь возникшего бледно-желтого шара. Гном приободрил меня, похлопав по плечу. Но я прекрасно понимал, что те, кто живут во мраке, никуда не делись, а просто затаились на какое-то время, ожидая, когда наш источник света погаснет и тогда уж они точно не упустят возможности поквитаться с нерадивыми гостями.

— Куда мы идем? Зачем? — не выдержав, я замедлил шаг и внимательно посмотрел на механикуса.

— Что?

Лицо гнома в мерцающем свете казалось озадаченным, словно я задал вопросы, на которые не требовалось ответа.

— Мы ведь что-то ищем? — спросил я немного иначе.

Гном коротко кивнул, и в очередной раз взглянув на компас, как ни в чем не бывало двинулся дальше. Видимо, цель была уже

близко, и он не собирался тратить драгоценное время на пустые разговоры.

Помещение походило на крохотную кабину, в которой находилась лишь высокая приборная панель с множеством тумблеров, датчиков и контроллеров, покрытых толстым слоем пыли. Место стены занимало толстое окно, открывающее вид на огромный подземный цех. Неподвижные ленты управления продолжали хранить на себе массивные детали. В глубине, скрытые мраком, располагались пункты сбора.

Пока я разглядывал хитроумные приспособления, способные в один миг безошибочно скрепить основные узлы машинерий, гном с легкостью вскрыл нижнюю часть панели и извлек на свет пять светящихся контейнеров. Яркий лазурный свет тут же наполнил помещение. Я заметил возникшую на лице механика улыбку. Прижав находку к груди, он довольно быстро опомнился и убрал ее в мешок, скрытый длинным плащом.

Дело сделано! Я мысленно порадовался, что мои опасения не подтвердились, и путешествие вышло практически безопасным, если не вспоминать дыры-ловушки.

И в этот самый миг за моей спиной что-то щелкнуло, и внизу, у дальней лестницы, возле ровных рядов контейнеров с законсервированными деталями мелькнули и тут же исчезли несколько высоченных фигур.

— Быстрее, уходим! — Мне или показалось, или гном был готов к подобному развитию событий.

Сильное волнение вспыхнуло во мне с новой силой, вскоре обратившись настоящим ужасом. Вместе с нами в темноте находился еще кто-то! Кто-то опасный, способный бесшумно передвигаться и не желавший отдавать свои подземные сокровища.

Обратный путь занял гораздо меньше времени. Тяжело дыша и постоянно оглядываясь, я несколько раз споткнулся, упал в затхлую воду, поднялся и вскоре с быстрого шага перешел на бег. Страх неизвестности подгонял меня не хуже пропитанной солью плетки, каждый удар которой обжигал жарким огнем. Воспоминания о приютских наказаниях пришли на ум внезапно, и почему-то никак не хотели покидать мое воспаленное сознание.

Теперь неведомые обитатели темноты не пугали нас протяжными стенаниями и жутким эхом, они практически наступали нам на пятки, пытаясь перехватить нас до того, как мы выберемся наружу.

Шаг, десять, двадцать, сто, тысяча. Трясясь от ужаса, я отчитывал секунды, приближающие нас к спасительному свету. Но вместе с увеличивающимся пятном выхода, рос и шум

тяжелых шагов.

Нас почти догнали!

Мы обречены!

Еще секунда. Еще шаг.

Задыхаясь, я вытянул руку и вцепился в ржавую лестницу. Три человеческих роста и мы на свободе!

Гном схватил меня за шкирку и, приподняв над землей, запустил вверх. Я взлетел, словно праздничная шутиха, зацепился за поручень и только теперь нашел в себе силы оглянуться.

На механикуса налетели сразу двое. И если бы не призрачный свет ламп, я бы принял их за жутких призраков или оживших мертвецов. Но на самом деле звали их иначе.

Манипуляторы!

Высотой почти в два человеческих роста, на тонких ногах вывернутых назад как у кузнечика, с округлыми телами и длиннющими руками. Голова у них тоже имелась, только она больше походила на тыкву, в центре которой мерцал огромный треугольный глаз, источавший мощный малиновый луч, а с тыльной стороны за прозрачной пленкой защиты виднелся заводной механизм, отвечающий за срок работы данной разновидности машинерии.

Стражи Ржавого города смело ринулись в бой. Первый нанес гному удар в грудь, а второй попытался зайти со спины. Я хотел помочь, предупредить, но механикус и без моих подсказок прекрасно справлялся с нападающими. Увернувшись от пары-тройки достаточно прямолинейных тычков, он ухватился стальной рукой за шею — хотя правильнее было бы назвать эту часть тела 'соединительным узлом' — и переломил ее пополам. Второй тем временем извлек из собственного тела два обоюдоострых кинжала и закрутил ими перед собой, будто лопастями мельница.

Но и на этот случай у Белого хвоста нашелся козырь: шестизарядный дивольвер стреляющий пулями с электрическим стержнем. Выстрел прозвучал хлестко, оглушительно. Манипулятора окутала паутина мощного искрящегося разряда. Вздрогнув, он немного покачался и рухнул на землю, превратившись в бесполезную железяку.

Гном задрал голову и уставился на мое зависшее тело.

— Если ты и дальше собираешься торчать здесь, то с остальными станешь разбираться сам! — заявил он без тени иронии.

— Остальными?!

Только сейчас до меня дошло, что стражей Порто-лукура гораздо больше. Может быть, сотня или тысяча.

Короткая тишина начала заметно заполняться посторонними дребезжащими звуками.

Бум-топ-бум-топ. Стальная поступь настоящей армады приближалась к нам со скоростью стремительного паровоза.

— Ползи! — во все горло проревел гном.

Два выстрела в пустоту коридора вынудили меня буквально воспарить ввысь. Настоящая металлическая лава окутала все пространство туннеля.

Яркий свет Ржавого города ослепил. Зажмурившись, я наощупь нашел руку механикуса и помог ему выбраться из смертельной дыры. Оказавшись на свободе, он еще раз выстрелил в самого прыткого преследователя, голова которого уже показалась снаружи люка.

Дальше я не видел ничего и никого — только раскаленное солнце, вросшие в землю покореженные каркасы и слышал монотонный вой сирен, пронзивший меня насквозь. Стараясь не задохнуться, я прерывисто дышал, не обращая внимания на то, как быстро несут меня вперед собственные ноги. Я отчетливо осознавал, что нас окружают со всех сторон, но все же надеялся на слепую удачу.

Незнающие усталости и несведущие боли стражи опережали нас на шаг, точно зная, в каком месте, и в какое время мы должны появиться на границе Рифта. И я бы не удивился, если бы мне сказали, что эти машинерии способны рассчитать нашу усталость и, поделив ее на безумное желание жить, а затем, приплюсовав к ней оставшиеся два патрона, подвести неутешительный итог — шансы беглецов в данном уравнении равняются нулю. Но как любили говорить в таких случаях умудренные опытом мастера — исключение всегда возникает в любой идеальной закономерности.

Выскочив на квадратную площадку, окруженную высокой стеной обгоревших крылопланов, я узрел слева узкий, едва различимый проход. Своеобразная распахнутая дверь, ведущая на свободу! Но не успел я обрадоваться, как из памяти стали выползать черные разломы, охраняющие периметр вокруг города.

— Туда! Скорее! — гном указал на спасительную прореху.

Мне захотелось возразить, но в нашем безвыходном положении просто не было выбора.

Манипуляторы подобрались уже близко.

Прозвучал выстрел, один из стражей прямо на бегу повалился на бок и, кувыркнувшись через голову, поднял целый столп пыли. Последний патрон ушел в молоко.

Теперь гном действовал более решительно. Нанеся рукояткой дивольвера ряд мощных ударов, он сумел остановить еще

несколько стражей. Еще одного он откинул ногой, а двух уложил на месте стальным имплантатом.

Желание вступить в схватку переполняло меня с головой, но оцепенение оказалось сильнее. Я видел, как один из манипуляторов порезал плечо механикуса, как еще двое пытаются вспороть его брюхо, и мне стало жутко от одной мысли: расправившись с гномом, они примутся за меня. Потому что задача, записанная на вмонтированной в их жестяные головы медной пластине должна быть выполнена, и не может возникнуть никаких препятствий для ее осуществления.

Металл звякнул о металл, и стальная рука моего наставника повисла плетью. Удачный удар манипулятора достиг цели. Попятившись, гном едва не потерял равновесие. В отличие от бездушных машин он знал, что такое усталость, и с трудом находил в себе силы сопротивляться необузданной силе.

Я ощутил под кожей ледяной ужас. Невероятное чувство: в жаркий день меня колотила нервная дрожь, а гнев и обреченность заставляли сердце замереть в ожидании неминуемой расправы.

Очередной удар вынудил гнома сдаться.

Упав навзничь, мой наставник быстро перевернулся через плечо и попытался подняться, но настоящий град ударов настиг его в самый неподходящий момент. И тут я не сдержался. Просто не мог больше стоять в стороне и наблюдать, как механикуса забьют до смерти. Схватив первое, что попалось мне под руку — длинный остроконечный штырь — я с яростным криком я ринулся вперед.

И в стенах приюта и за его пределами мне частенько приходилось защищать себя, стесывая кулаки в кровь. Но рисковать собственной жизнью — никогда. Однако ощущения опасности, как выяснилось, были почти идентичны. Пронзив стоявшего спиной манипулятора, я оттолкнул соседнего стража рукой. Гном тем временем продолжал лежать на спине и не шевелился. Его лицо было исполосовано мелкими порезами, на скуле виднелись темные кровоподтёки.

В проеме появилось еще трое манипуляторов. Войдя во вкус, я легко расправился и с ними. Удар наотмашь сокрушил еще пару жестяных голов. Но радоваться было рано. Получив передышку всего на пару секунд, я понял, что не справлюсь с очередной подоспевшей дюжиной противников.

Поудобней перехватив разодранными в кровь руками свое скромное оружие, я глубоко вздохнул и приготовился к дальнейшему сражению, когда грохот пулеметов оглушил меня, едва не сбив с ног.

Пыльная дорожка выстрелов потянулась в сторону

наступающих машин и в один миг разбросала их, словно пустые крышки, в которые запустили кожаным мечом для игры в пурт.

Мощные полудюймовые патроны прошивали насквозь металлические тела стражей, заставляя тех корчиться от электрических разрядов. Эта смертельная пляска продолжалась не больше минуты, но для меня время, замерев на месте, превратилось в череду живых картинок. Раз, трое манипуляторов, подлетев вверх, неуклюже перевернулись в воздухе и разлетелись в стороны. Два, тонкие ножки сразу четырех стражей переломились, охолодив их чрезмерную прыть. Три, последняя пара нападавших получила свою порцию свинца. Их тела разметало в клочья, словно те были напичканы пороховыми капсулами.

Опустив голову, я уронил на землю стальной прут и обессиленно упал на колени. Рядом со мной ворочался Белый хвост, а над нами завис крылоплан Тисы, умудрившейся в последнюю минуту спасти нам жизнь.

Глава 6
Ловушки неведомого охотника

Наше путешествие в Ржавый город так и осталось для большинства жителей ангара тайной. Ни Бирт, ни Дик не разговаривали со мной, с обиженным видом косясь на нового любимчика механикуса. Но в отличие от вспыльчивого помощника, гоблин не выражал свою злобу открыто, а придирчиво следил за каждым моим шагом, выжидая моей ошибки. Уж тогда-то он вдоволь сможет потанцевать на моих костях и никакое заступничество механикуса мне не поможет.

Но пока я такого повода не давал и мог жить спокойно, под неусыпным оком зеленокожего соглядатая.

Через несколько дней после путешествия на Рифт Дик, переборов себя, холодно поинтересовался:

— Что, славная выдалась прогулка?

Желая не бередить неприятные воспоминания, я отрицательно покачал головой.

— Считаешь меня недостойным даже разговора? — еще больше обиделся светловолосый и, недовольно скривившись, добавил: — Ну конечно, ты же теперь у нас настоящий лиходей! Не чета нам, обычным масляным крысам!

— Можем махнуться местами, — не обращая внимания на его выпады, я посильнее затянул болты и принялся проверять

винтовые стяжки.

— Прям благородный фэр, не иначе.

— Какой есть.

Дик почесал затылок и продолжил засыпать вопросами:

— Не пойму, чего Хвост с тобой носится? Был бы действительно хороший мастер, а то ведь так, принеси-подай, даже смотреть противно.

— Так не смотри, — огрызнулся я. — Чего я, в цирке выступаю, чтобы на меня пялиться?

— Да я бы с удовольствием, так ведь чего ж теперь, глаза себе выколоть? — хмыкнул собеседник.

— А любимчиков не за умение выбирают!

За моей спиной возник гоблин. Подслушав наш разговор, он не преминул внести свою лепту и подковырнуть.

— Не вы меня сюда приглашали и не вам меня выгонять! — тягаться в красноречие с двумя противниками я не собирался, поэтому, резко поднявшись, устремился к комнатушке механикуса.

— Правильно, беги к своему покровителю! Пожалуйся на нас! На злых помощников, которые делают за тебя всю работу, — услышал я в спину голоса.

Стиснув зубы я, молча проглотил накатившуюся обиду, не вдаваясь в причину столь рьяных нападок.

Но не прошло и пяти минут, как огонь истины стал жечь меня изнутри.

Дорогу я им не переходил, работу выполнял исправно…

Тогда в чем же дело?

Неужели один полет с Ти и Белым Хвостом окончательно настроил их против меня?!

Дика — может быть, а вот Бирта навряд ли. Этот зеленокожий с первых дней невзлюбил меня. И теперь при каждой новой встрече пытался больней уколоть словом или подстроить иную пакость.

Я вспомнил, как гоблин смотрел на меня, когда я корчился от боли после сокрушительных ударов соседей-контрабандистов. В тот миг ненависть кипела в нем не хуже, чем в котле с травяным супом. Он готов был испепелить меня взглядом, а для верности лично вцепиться в горло, разделавшись со мной раз и навсегда.

Но почему?!

Ответа у меня не нашлось.

Подойдя к двери, я остановился, так и не осмелившись побеспокоить механикуса. После нашего полета на Рифт гном практически не разговаривал со мной. Отстранившись от

окружающего мира, он стал таким же нелюдимым, как мой бывший учитель в период вдохновенного поиска Эверики. Лишь Тиса изредка навещала гнома, и они долго о чем-то разговаривали. И зачастую подобные беседы заканчивались криками. Вот и сейчас я невольно заметил, сквозь щель приоткрытой двери, как летунья замерла напротив лежака Белого Хвоста.

Очередная напряженная беседа достигла своей кульминации.

Я уже собирался отложить свой визит к механикусу, но долетевшие до меня слова заставили задержаться.

— Ты использовала наш предпоследний траунс! Зачем? Я же сказал тебе встречать нас у Покинутого вокзала! — произнес гном.

— Да? И как ты думаешь, кого бы я дождалась к вечеру? Две обугленные тушки?! — возмутилась Ти. — Когда я добралась до вас, вы едва держались! Еще бы десять минут и вас бы разорвали в клочья. Или, еще хуже, сигнал бы достиг рубежников. Или скажешь, у вас были шансы?

— Были! И неплохие! — рявкнул гном.

— Очень интересно узнать, какие? — не унималась собеседница. — Притвориться мертвыми, дождаться сумерек, а потом отбиться от тенеподобных и наугад миновать защитный пояс. Таков был план?

— Один из вариантов, — устало буркнул механикус и затем более спокойно продолжил: — Еще пара визитов в хранилище, и мы добудем все резервуары, и уже никто не сможет нас остановить. Ни рубежники, ни какие-то там жалкие манипуляторы. Именно поэтому я хотел оставить заклинания невидимости про запас. А ты истратила еще один!

Ти скрестила руки на груди:

— Еще раз повторю тебе: если бы я не воспользовалась траунсом — ты бы не выжил! И долгие годы подготовки полетели бы в тартарары. Ты этого хотел?

— Нет, — буркнул гном.

— Тогда не вини меня, а лучше подумай, как нам не попасться до того, как дело будет окончено, — вразумительно напомнила Ти. — После устроенного тобой и твоим горе-помощником переполоха блюстители наверняка будут нас искать.

— С этим я как-нибудь разберусь, — уверил ее механикус.

— Я рада. Потому что я не хотела бы отказываться от наших смелых планов. Новый крылоплан должен быть закончен до начала сезона гонок. И, кстати, поведай мне: зачем ты взял с собой этого юнца? К чему тебе понадобилась эдакая обуза?

Я услышал, как гном кашлянул, недовольно закряхтел, а

потом уклончиво произнес:

— Придет время, и ты сама все поймешь. А пока представь, что мы с тобой получили в свои ряды некий громоотвод, способный охранить нас от праведного гнева Верхушки.

Остановившись на полушаге, я осторожно задел дверь плечом и попятился назад.

Так вот, значит, какая незавидная роль отводилась мне в команде механикуса! И вот почему на меня приблизил к себе Белый Хвост!

Мне захотелось ворваться внутрь и высказать двоим заговорщикам все в лицо. Но в последнюю секунду я испугался.

— Кто еще там?! — взревел гном. Ти мгновенно оказалась возле двери. Осторожно выглянула наружу, посмотрела по сторонам. Ее взгляд привлек Дик и копающийся рядом с ним зеленокожий, а меня, спрятавшегося за ящиками с емкостями для хранилища пара — она так и не заметила. Вовремя успев скрыться за отменной преградой, я почти слился с полумраком, затаив дыхание.

Тиса еще пару секунд прислушивалась к посторонним звукам, пытаясь угадать, куда мог скрыться призрачный соглядатай. На мое счастье, в этот самый момент у запасного входа возникла фигура рыжего кота, который, запрыгнув на стойку с инструментами, одарил летунью сонным взглядом.

— Кто это был? — вкрадчиво произнес гном.

— Думаю, что хвостатый, — ответила та.

Я закрыл глаза и облегченно выдохнул. В последние дни мне несказанно везло. По всей видимости, Фортуната, накинув на мои плечи вуаль неприятностей, все же не забыла даровать своему отроку шанс на спасение.

***

Если кто-то скажет мне, что ярость можно контролировать, то я соглашусь с ним лишь наполовину. Это утверждение применительно только к праведному гневу. Усмирить его возможно. А вот откровенная ненависть, которая подпитывается ежедневными внутренними терзаниями, требует только одного — эмоционального выплеска.

Наблюдая за нашими соседями по ангару, я уже давно определил тех самых сквотов, которые, воспользовавшись моим замешательством и пыльной завесой, решили напугать меня, надавав изрядных тумаков.

Тот, что повыше и шире в плечах, сейчас занимался привычным для себя делом: покрикивал на худых, измученных носильщиков и подгонял ленивых пилотов. Его собрат, в отличие

от него, появлялся в ангаре нечасто, а когда оказывался на площадке, то незамедлительно исчезал в глубине узкого коридора, ведущего на второй этаж, где располагались кабинеты. Как мне казалось, там он выполнял какую-то очень важную и кропотливую работу, не требующую постороннего вмешательства. Так что застать моих обидчиков вместе было весьма сложно. Но сегодня удача улыбнулась мне. Молнии Тары! Северяне с окраины Лиджеты — судя по их острым ушам и выступающим лбам, они были именно из тех мест — сами шли ко мне в руки.

План мести достиг начальной точки. Повторив любимый ритуал виртуоза Босвела — я мысленно досчитал до семи и, хлопнув в ладоши, приступил к задуманному.

Окунув голову в холодную прохладу бочки с водой, я вынырнул, почувствовав, как все тело пронзили тысячи иголочек.

Первый обидчик подошел к соседней самодельной мойке. Я погрузился еще раз. Второй сквот подошел к первому. Они покосились на меня и, оскалившись, показали острые зубы, напоминавшие волчьи клыки. О чем-то перекинулись парой слов на своем рычащем наречии, и их лица озарились ехидными улыбками.

Мой взгляд случайно скользнул по северянам. Они расположились весьма удачно: один нагнувшись, стал зябко ежиться, не решаясь прикоснуться к ледяной воде. Второй тем временем опять затараторил на незнакомом мне языке, видимо, подшучивая над нерешительностью товарища. На плечах говорившего висела чистая рубаха, змеей оплетающая шею.

Ждать больше не имело смысла. Лучшего шанса Фортуната мне больше не предоставит.

Первый недовольно фыркнул и опустил голову в бочку. Я в мгновение ока оказался рядом со вторым и, перехватив края рубахи, ударил его коленом в живот. Не ожидая такого поворота событий, обидчик согнулся пополам, и сразу же ощутил жуткую нехватку воздуха. Я с силой натянул рукава самодельной удавки.

Конечно, я не собирался лишать жизни своего обидчика. Лиходеи — не душегубы! Понапрасну изводить не станут. Всего лишь проучат — и только.

Пока первый не сообразил, что происходит, я успел хорошенько отделать его приятеля, которому хватило всего пары добротных ударов. Обессиленно повалившись на каменный пол ангара, второй охнул и затих.

Пришло время первого северянина. Вынырнув из бочки, он явно опешил. Уставившись на меня, словно видел перед собой не измазанного в машинном масле юнца, а грозного монстра с огромной пастью и острыми когтями, сквот даже не шелохнулся.

Не собираясь играть с судьбой в кости, я нанес упреждающий удар. На удивление, мой обидчик устоял на ногах и даже попытался сопротивляться, стараясь уйти от следующей атаки. Присев, он выставил блок, отклонился в сторону, — но его движения уже потеряли привычную легкость. Мне не составило труда разгадать этот нехитрый маневр и оглушить северянина кулаком. Попав под настоящий град моей ненависти, он закрыл лицо руками и осел, измученно постанывая.

Повернувшись, я спокойным шагом направился в левую часть ангара. Удавшаяся месть придала мне силы. И хотя я сожалел, что не смог противостоять противникам в честном бою, трезвый рассудок вывел безукоризненную формулу успеха — поступи я иначе, итог вряд ли оказался бы таким же успешным. Ведь по рассказам старого вояки мистера Бродвика, частенько травившего байки в 'Счастливой подкове' — северяне хорошо владели кулаками и в рукопашном бою уступали лишь здоровякам оркам, которые брали скорее своей мощью, нежели умением.

Присев возле крылоплана, я спокойно наблюдал за тем, как жертвы моей ненависти приходят в себя и ползут ко второй взлетной полосе.

— Отчаянный поступок.

Я повернулся и наткнулся на желчную улыбку гоблина.

— Не люблю оставаться в должниках, — достаточно холодно отреагировал я.

Бирт скривился, хрюкнул, вынудив меня еще больше возненавидеть его животные повадки.

— В твоем случае это называется немного иначе. Скажем так: ты не вернул, а взял взаймы.

— То есть? — я изобразил удивление.

— Они и без твоей выходки собирались пустить тебе кишки. А теперь ты только ускорил закономерный итог. Контрабандисты не терпят подобных шуток, тем более от таких сопляков, как ты. Так что единственный положительный момент в этой истории: сейчас они не станут тебя мучить, а просто отправят к Икару, и дело с концом.

Меня прошиб ледяной пот. Об ответном шаге со стороны северян я, честно признаться, даже не думал. Тем более о таком жестоком ответе.

В приюте мы часто доказывали правоту кулаками, но чтобы лишать жизни? По-моему это слишком!

Пристально изучив лишенную всяких эмоций морду Бирта, я понял одно — гоблин не шутит. Он говорил абсолютно серьезно. Именно поэтому его злорадству не было предела.

— Откуда такая уверенность? — стараясь скрыть

нарастающее волнение, поинтересовался я.

— Из личного опыта. Смотри, — гоблин расстегнул несколько верхних пуговиц рубахи и показал мне грубый шрам возле левой ключицы.

— Тоже решил кому-то отомстить? — предположил я.

Но Бирт криво усмехнулся и отрицательно качнул головой:

— Вовсе нет. Такую глупость, как ты, я делать не стал. Просто неудачно плюнул. Угодил на ботинок вон тому, — он указал на здоровяка, того, что был выше и плечистее. — Его зовут Ван Кьен. Он лидер этой группы. Раньше промышлял убийствами на воздушном пути к западному острову Ри-ирт. Пока не нарвался на Совиных. Те подбили его крылоплан — но он выжил. Его взяли в плен — но он сбежал. А потом, — Бирт сделал внушительную паузу и медленно закончил: — вернулся и расправился с лагерем Диких. Говорят, их было больше трех дюжин. Но он вырезал их всех. А когда затупился его нож, он рвал им глотки, пока селение не затопили кровавые ручьи.

Скорее всего, история была выдуманной, но произвела на меня неизгладимое впечатление. Добившись желаемого — выбив меня из колеи, Бирт поставил жирную точку в нашем разговоре. Прижав большой палец к шее, он медленно провел кривым грязным ногтем слева направо, а затем, свесив язык набок, добавил красноречивости своему жесту.

— Даже не знаю, прощаться с тобой или уже не стоит? — довольно поскрипев зубами, гоблин подмигнул мне и отправился в свою коморку.

Я измученно посмотрел ему в след. Нет, надежды на спасение у меня не было. Я сам подписал себе смертный приговор.

Гнев.

Ярость.

Кишки наружу.

Теперь я ненавидел жизненные ориентиры лиходеев. К чему они могли привести меня? Только к праведной развязке.

Контрабандисты не терпят подобного отношения!

На соседней полосе было безлюдно. Крылоплан отправился в путь, а северяне зализывали раны и, видимо, уже обсуждали, каким именно способом лишат меня жизни. Или сначала заставят ползать на коленях и молить о прощении?! Меня передернуло и стало нервно трясти.

Примерно к полуночи, когда я, погрузившись в сон, окунулся в настоящий кошмар, меня словно окатили холодной водой. Не понимая, где я нахожусь и что со мной происходит, я долго озирался по сторонам, ловя испуганным взглядом призрачные тени, которые медленно кружились под потолком, насмехаясь над

моей беспомощностью. Мне померещилось, что кровожадные северяне, пробравшись в мою клетушку, готовились пустить мне кровь безо всяких объяснений.

Пламя свечи дернулось, и тени, задрожав от страха, вытянулись вдоль стены. Приглядевшись к чернильным углам, закрытой двери и двум огромным платяным шкафам, где хранились запасные части крылоплана, я понял, что мои опасения не подтвердились. Я был здесь абсолютно один. Однако это не облегчало моего неутешительного положения. Находиться в стенах ангара я больше не мог.

Спустившись по лестнице, я немного помедлил, огляделся.

Ангар был пустым — лишь два крылоплана на третьей и первой площадке утопали в лунном свете, делившем пространство на равные прямоугольные части, создавая впечатление двойного дна. А стеклянная крыша создавала удивительный эффект отражения.

Сделав несколько шагов, я, словно нашкодивший школяр, пригнулся и замер, боясь потревожить чей-нибудь сон. Кабинки, комнаты и коморки, хранившие в себе лишь темноту, не отреагировали на мое движение.

Оказавшись в самом центре ангара, я вновь застыл, не решаясь сделать следующий шаг. И дело тут было вот в чем. Меня насторожила тишина. Усыпляющая, безмятежная тишина, которая, словно паутина, оплела огромное пространство, погрузив его в серую пелену забвения. Шумный и беспокойный днем ангар ночью превратился в забытую всеми пустошь, где не было и быть не могло посторонних звуков. А еще существовало в этом безмолвии что-то угнетающее. Не привычное спокойствие ночи, а вкрадчивость предстоящего хаоса, способного разрушить на своем пути все живое. Как затишье перед бурей.

Возможно, мое предчувствие являлось обманом, но я не на шутку заволновался. Все вокруг словно вымерло, оставив лишь зачехленные крылопланы и ровные ряды ящиков, бочек и прочих грузов.

Дальше я не раздумывал. Не обращая внимания на свои ощущения и нарастающую тревогу, я пулей выскочил на улицу.

В лицо ударил свежий морозный воздух. Вырвавшись из невидимой ловушки, я поймал себя на странной и в тоже время вполне очевидной мысли: за долгий месяц пребывания в ангаре у меня ни разу не возникло желания выбраться в город и добрести до площади Буравеля.

Чужой отсек встретил меня враждебным унынием мощеных камнем улиц и клубами черного дыма, валившего из встроенных в стены труб.

— Грузи! Давай!

— Пройдешь!

— Резче! Че развалился?!

— Не дрейфь! Закинь тебя в небеса Икар!

Тяжесть разношерстных криков навалилась на меня со всех сторон, вызвав в ушах оглушающий звон.

Я повернул голову и увидел ровные ряды жестяных бочек, в которых полыхало пламя. Чуть ниже тянулись лесенки, ведущие к крохотной, не больше пяти ярдов, речушке. Я сумел разглядеть несколько груженых лодок и стоящих поодаль мужчин. Одежда у них практически не различалась: широкополые шляпы, высокие ботфорты, заправленные в плотные штаны, и короткие кожаные куртки. Лишь одна деталь бросалась в глаза, отделяя их от бесчисленной армии разнорабочих — трость, служившая им вспомогательной указкой. Массивная, с металлическими вставками, она то и дело взмывала вверх, указывая направление рулевым. Лодки со скрипом трогались с места и исчезали в полумраке многочисленных каменных мостов.

Рассмотреть что-то еще в ночной дымке было просто невозможно. Плотные клубы дыма, смешавшись с густым сумраком, стирали большую часть бесконечной улицы.

— Следующий! — прокричал стоящий у противоположного берега незнакомец, и тяжелая работа закипела с новой силой.

Я подошел к огню и вытянул закоченевшие руки. Летние ночи в первую декаду последнего месяца становились настоящей напастью. Изнуряющая вечерняя жара всего за пару часов обращалась настоящим морозным испытанием.

Рядом со мной тут же возник невысокий мрачный тип с огромным горбом. Кутаясь в грязные ошметки одежды, которые назвать по-другому просто не повернулся бы язык, он шмыгнул носом и придирчиво осмотрел меня с ног до головы, а затем недовольно изрек:

— Чего приперся? Это мое топливо. Я тут греюсь! Понял — нет?!

— Простите, я не хотел. — Я осторожно ретировался и, спустившись вниз к речке, попытался угадать, в каком из отсеков нахожусь. Но чем дальше я удалялся, тем сильнее терялся в немыслимых предположениях.

Прожив в стенах города больше трех лет, я уже думал, что здесь не осталось такого места, где бы я не побывал. Трудно поверить — но и тут я ошибался. Здешние места мне были абсолютно незнакомы. Я словно попал в другой город, да что там город — остров. В одну секунду перенесся на южный край в самую дальнюю точку, известную людям: Храм-он-Си. Наверное,

именно так должно было выглядеть это место. Совершенная противоположность привычного мира. Дома громоздкие, из темных высокогорных камней. Нищие, которые, будто призрачные тени, бродят по улицам в поисках потерянной жизни. Чадящие трубы, вырастающие прямо из земли. Горы бесполезного мусора. Ничего похожего на те спокойные, милые места, где я проходил обучение механическому делу.

Куда все подевалось?

Пышные парки с приветливыми господами, блестящие машинерии, выпускающие лишь белые клубы дыма, порядок и гармония. Ничего этого здесь не существовало и в помине.

Опустившись на одно колено, я зачерпнул густую, липкую воду. Принюхался. В нос ударил резкий запах нечистот и машинного масла, словно вместо воды здесь разлили техническую жидкость.

Великий Икар! Где же я очутился?!

Удар кованых каблуков о брусчатку мгновенно привел меня в чувство. Обернувшись, я с легкостью насчитал больше двадцати мрачных блюстителей. Мощные, плечистые фигуры в длинных темно-синих плащах, высоких шляпах и масках с золотыми символами власти, держащие в руках мощные парализующие динтовки.

Напрягшись, я испуганно пригнулся, со страхом наблюдая за опасной процессией. Такое количество стражников я в своей жизни никогда не видел. Остановившись возле неприметных ржавых ворот, из которых не так давно вышел ваш рассказчик, они притихли.

Проглотив вставший в горле ком, я машинально переместился за каменный спуск, спрятавшись в полумраке моста.

Тем временем улицы опустели. Ни одной живой души. Словно все вокруг вымерло.

В тишине, нарушаемой лишь потрескиванием огня и отдаленными криками, раздались щелчки затворов. Блюстители обменялись знаками, — и начался штурм.

Что-то очень ярко вспыхнуло, раздался оглушающий взрыв, и темная масса вооруженных служителей закона проникла внутрь ангара.

Наступила тишина. Мне казалось, что я вижу случайные движения, слышу крики, но на самом деле это был всего лишь мой страх, заставлявший меня воображать происходившее внутри.

Ожидание превратилось в вечность. Раскуроченные ворота, едва держась на одной петле, поскрипывали на ветру, подгоняя

замершее время. Вдруг в темноте ангара возник осторожный огонек, а следом за ним возник блюститель с газовым факелом в руке.

— Пошел. Не оборачивайся, — раздался из глубины низкий голос.

Первым показался Дик, за ним следом двое помощников, обслуживающих взлетные полосы, и Бирт. Только, в отличие от остальных пленников, гоблин выглядел не таким напуганным. Не сводя глаз с окованной цепями процессии, я попытался подобраться ближе. Мелкими перебежками мне удалось оказаться практически на расстоянии вытянутой руки.

Замедлив шаг, Бирт повернул голову. Янтарные глаза блеснули, в уголках возникли веселые морщинки.

Он все знал заранее. Знал, что блюстители устроят ночной рейд. Или мне это почудилось?

Горящие бледно-голубым светом цепи и кандалы дернулись и натянулись. Я покосился в конец группы. Ее замыкали северяне. Тот, что помладше, заметил меня и, одарив хищным взглядом, стал что-то шептать себе под нос.

Скрывшись за преградой, я ощутил мелкую дрожь. Они считают предателем меня. Единственного, кто не присутствовал во время захвата! И кто до сих пор находится на свободе!

Небо вместе с молниями Тары и Икаром обрушились разом. Я вздрогнул и буквально услышал бешеный ритм собственного сердца. А следом наступило опустошение. Меня словно вывернули наизнанку, как старый никому ненужный сюртук. Лишили опоры под ногами. И стоило ли радоваться тому удивительному везению, что мне удалось избежать цепких лап правосудия? Я не знал. Оставаться для всех предателем — но на свободе или оказаться в каменном мешке — в обмен на призрачное чувство единого целого. Хотя кого я обманываю? Никто из них не был мне семьей. Разве что механикус. Но и тот преследовал свои цели, пытался…

Сжав губы, я решил оставить подобные рассуждения на потом, и вновь прильнул взглядом к цепочке пленных. Ни Белого Хвоста, ни Тисы среди них не было.

— А это еще кто тут у нас? — внезапно донеслось сверху.

Меня обнаружили. Мысль пронеслась столь стремительно, что не оставила другого выбора — рванув с места, я быстро достиг соседнего моста. Но спасительный занавес темноты внезапно растворился в свете ярких огней. Блюстители были уже рядом. Всего двое — чтобы поймать неопытного лиходея, вполне достаточно.

Но сдаваться я не собирался.

Не сбавляя темпа, я быстро поднялся по ступенькам и побежал вдоль промышленных цехов, надеясь затеряться среди дымовой завесы и складских настилов.

Блюстители не отставали. Их тяжелые шаги отзывались глухим эхом, похожим на удары молота, который вот-вот должен настигнуть меня, пригвоздив к наковальне правосудия.

Каменные близнецы, лестницы, арки, тупики, подъемы и спуски — преследование давило на плечи, высасывая из меня последние силы.

Борясь с усталостью, я попытался свернуть в проулок между корпусами, но сужающаяся дорожка вынудила меня передумать. Загнать самого себя в ловушку! — это в мои планы не входило.

Неожиданно за спиной раздался протяжный вой.

Решив со мной не церемониться, блюстители использовали оружие.

В паре ярдов от меня вспыхнуло, и ослепляющий разряд молнии пронзил стену. Каменная крошка ударила в лицо, но я вовремя заслонился рукавом. Страх придал мне силы, открыв второе дыхание. Ускорив бег, я оторвался на достаточное расстояние, чтобы не бояться парализующего попадания, которое действовало всего на двадцать шагов. О возможностях современного оружия мне как-то поведал мистер Босвел, когда один из инчей закончился полным провалом.

Перемахнув через преграду, непонятно откуда взявшуюся на моем пути, я умудрился резко остановиться и, втиснувшись в проемы между пристройкой и гигантским дымящимся сооружением, затаил дыхание. Выбирать наиболее правильный вариант у меня времени не было. Единственное, что смущало меня в этом, достаточно авантюрном плане — ощущение чужого присутствия. Прячась от преследователей, я словно забрался в звериную нору, где в это самое время находился грозный хозяин.

И оказалось, что я не так уж далек от истины.

Блюститель возник среди дымовой завесы, словно Икар среди ясного неба.

Его темная с золотым отливом маска отразила свет луны, и я заметил горящие огнем глаза. Еще в детстве нас пугали грозными стражами города, носившими стальную броню, способную защитить от любого оружия. А еще их очи могли видеть даже в кромешной тьме… Как мы их только не называли: серые головы, молчаливые тени, приносящие скрежет.

Блюститель с легкостью заметил меня. Поднял руку — металлический эмплант, почти такой же, как у механикуса, только более массивный с усовершенствованными устройствами. Указательный палец, направленный в мою сторону, пригвоздил

меня к стене.

Шаг, второй, третий. Он хотел сжать меня мертвой хваткой и приподнять над землей, но кто-то или что-то помешало ему. Тень появилась из ниоткуда. Один короткий вдох, и она уже нанесла первому блюстителю разящий удар. Кровь и мелкие детали защитного жилета разлетелись вдребезги, словно искры металла, погруженного в кипящую лаву. Следующий настиг стража, пытавшегося произвести выстрел. Тень переместилась к стене, взмах разящего оружия. Блюститель схватился за разорванное горло — самое уязвимое место в совершенной экипировке. Захлебываясь, он попытался что-то крикнуть. Скорее всего, хотел позвать на помощь, но мой спаситель добил его без всякого сожаления.

От увиденного меня стало мутить. Я отвел взгляд от бездыханных тел и растерянно уставился на здоровяка. Юк вытер с лица пот, огляделся и оскалился, выпятив напоказ длинные острые клыки. И пускай выглядело это достаточно устрашающе, я знал одно — сейчас он улыбается.

Глава 7
На север, к губительным болотам

В кабине было душно и ужасно воняло чесноком и сыростью. Я сидел напротив совсем уж дряблой старухи, напоминавшей восковую фигуру. Ее голова медленно подрагивала в такт движению, и создавалось впечатление, будто бы она постоянно с чем-то соглашается. А еще ее шею украшала целая гирлянда сушеных кореньев, выдавая в ней отменную травницу. Рядом с ней расположились двое сорванцов лет восьми. Пытаясь не разбудить целительницу, они попеременно пробовали умыкнуть у нее одну из этих лесных бусинок. Но как только детская ручонка касалась корня, старушка просыпалась и осторожно била неудавшегося воришку по руке. Дети заходись смехом, травница улыбалась, а сидящие рядом родители умилялись забавной шалости отпрысков.

Никто из присутствующих меня не замечал, и я был вполне доволен этим обстоятельством. Кого заинтересует юноша в дорожном плаще, погруженный в свои мысли, мрачно уткнувшийся в пол? А подумать было о чем…

Ожидая ночной экспресс, Юк обмолвился со мной лишь парой слов. Рассказал, что в городе начались гонения на частных пилотов. Многочисленные аресты захлестнули Дымный отсек,

поэтому мне лучше переждать смутные времена где-нибудь на Плацте — ближайшем к нам острове, приписанном к свободным землям. Я кивнул, соглашаясь. Циклоп вручил мне десять оловянных рейтенов. Сумма вроде бы небольшая, но вполне сносная, месяц можно спокойно протянуть, если учитывать тот факт, что билет до Плацте был у меня на руках. Еще Юк позаботился о путевом листе. Бронзовая пластина на моей груди, похожая на медальон, содержала полную информацию о владельце, вплоть до его ближайшего родства и его передвижения по материку. Выбитые на поверхности крохотные точки складывались в замысловатый рисунок, прочитать который можно было лишь с помощью специального прибора Гортани.

Когда я садился в дилижанс, циклоп пожал мне руку и быстро удалился, оставив меня одного, наедине со своими мыслями.

За недолгий месяц меня второй раз выкинули на улицу, как ненужную выбраковку, которой может найтись место только на масляной помойке. Но главное, что я вновь не принадлежал себе. Хотя о чем я говорю! Как человек, имеющий отметку приюта, может быть полностью свободным? Даже если бы я получил диплом Цеха, это мало что изменило бы в моей жизни. Вначале опекун, позже — наставник, затем — покровитель. И всегда должен находиться кто-то рядом с тобой… кто-то, кто имеет право решать за тебя…

По закону 'Параменика' каждый житель архипелага должен был находиться на своем месте, как винтики в общем механизме. И любое передвижение осуществлялось исключительно с разрешения представителя инспекции праведности.

Свободу надобно заслужить потом и мозолями, — говаривал мистер Босвел, которому за всю жизнь было позволено покидать город не чаще одного раза в год и не далее чем на пятьсот лиг. В случае неповиновения он мог лишиться не только своего имущества, но и звания виртуоза.

Сравнив столь незавидный поступок с моим походом в Ржавый город, побег от блюстителей и работу в одном ангаре с контрабандистами, я понял, что если попадусь на рубежном посту, то мне уж точно не сносить головы. Поэтому, решив сойти с дилижанса раньше, чем мы окажемся в зоне проверки, я закрыл глаза и погрузился в полудрему, нарушаемую лишь посторонними голосами и вечными дорожными ухабами.

Усталость навалилась на меня с такой силой, что когда я продрал глаза, то понял — пассажиры уже предъявляют опознавательные пластины.

— А у вас что, мистер? — поинтересовался скуластый Рубежник в темно-коричневом плаще и округлой шляпе с

нашивкой южного предела.

Медленно расстегнув рубашку и достав путевой лист, я мгновенно оценил ситуацию. Путь для побега был перекрыт двумя солдатами, которые хмурясь, держали в руках огромные стальные фонари.

Старший рубежник небрежно провел большим пальцем по медной поверхности документа и, видимо, не обнаружив никаких нарушений, обратился к травнице.

— Разрешение на вывоз? — понюхав корень, он резко отпрянул назад, успев заслонить нос рукой и смачно чихнуть.

— Так это же для домашних нужд, милок, — попыталась объяснить старушка.

Рубежник чихнул в очередной раз, и еще дальше отстранившись от источника внезапной хвори, указал на выход.

— Всем немедленно покинуть повозку!

Его подчиненные расступились, позволив пассажирам дилижанса исполнить приказ.

Прохладная ночь заставила меня поежиться. Радовало лишь одно — сон как рукой сняло и больше не чувствовалось усталости и ломоты в костях.

Пограничный пост был хорошо освещен и окружен высокими столбами, между которыми тянулись золотистые электрические линии защиты, жалившие не хуже савиарских змей. Возле закрытых ворот высились несколько наблюдательных вышек. И казалось, что из этой мышеловки не выскочит ни одна мышь.

Рубежники взирали на нас сверху вниз, держа наготове мощные крутящиеся пулеметы — будто мы не путешественники, а опасные повстанцы с диких островов Лилового рифа.

Рядом с нашим дилижансом стояло еще четыре повозки — только гораздо крупнее, а потому и количество пассажиров в них исчислялось, по меньшей мере, тремя дюжинами. Недовольная толпа гудела, но противиться приказам солдат не собиралась.

Я и представить не мог, что к островам устремилось так много горожан. Обычно дилижансы отправлялись из Плакты редко: один, максимум два раза в день. А тут настоящее столпотворение. Словно все, кто здесь собрался, просто бегут, а не путешествуют на юг по своим делам.

Старший рубежник что-то недовольно выкрикнул. Двое солдат, приподняв указательный и средний палец вверх, отдали честь и, пропустив внутрь площадки еще одну повозку, закрыли ворота.

Силуэтов в темно-зеленой военной одежде прибавилось. Следуя четким указаниям начальства, они окружили периметр — деваться мне было некуда. Оставалось только смиренно ждать,

надеясь на предусмотрительность Юка и удачу, посланную мне великим Икаром.

Нас построили в ряд, поставив во главе сгорбившегося под тяжестью лет усатого возницу. Его тощее скрюченное, словно рыболовный крючок, тело покачивалось на ветру, вызывая лишь жалость к весьма преклонному возрасту. Интересно, сколько лет ему отмерила благородная Эверика? Сняв с головы сильно растянутый цилиндр и пригладив растрепавшиеся редкие волосы, старик покорно опустил голову. По всей видимости, для него такие проверки были привычным делом.

Как минимум семьдесят, — выдвинул я первое предположение.

В ответ старик пошамкал беззубым ртом и подкрутил широкие, похожие на пену седые усы.

Нет, наверное, чуть больше, — не согласился я сам с собой.

Словно отреагировав на мою догадку, возница закатил глаза и тяжело вдохнул морозный воздух. Из его легких вырвался глухой протяжный свист, сменившийся надрывным кашлем.

— Нет, все-таки сто, — поставил я жирную точку в своих рассуждениях.

Внезапно раздался короткий приказ.

Перед нами замелькала стальные пики динтовок. Мы подравнялись в строю и вытянули руки по швам. Я ощутил, как на лбу выступил пот, и тело кинуло в жар. Шанс выбраться из этой передряги в моем случае равнялся нулю.

Не ведая, что нас ожидает, я осторожно коснулся дорожной пластины, прилипшей к моей груди. Ладонь обожгло, и я едва сдержал резкую боль.

— Всем приготовить назначение! — рявкнул старший рубежник.

Пассажиры, будто превратившись в опытных солдат, вытянули вперед пластины.

В начале строя появился низкорослый кранкс в огромной военной накидке. У него на груди, как шарманка, висела массивная машинерия, извергающая странный щелкающий звук и имевшая множество рычажков, тумблеров и датчиков.

Подойдя к столетнему вознице, кранкс волнительно покрутил что-то на приборе — внутренности неизвестного мне аппарата откликнулись воющим звуком, и в стеклянном окошечке началось движение. Две катушки стали одновременно вращаться, а расположенная между ними лента натянулась и начала колебаться, будто струна.

Мне было хорошо видно все, что происходит с машинерией, пока кранкс стоял в пол-оборота. Но как только он извлек из

прибора длинный шланг с окошечком на конце, я заметил лишь яркую вспышку, создавшую вокруг дорожной пластины старика лиловый кокон.

Возница заметно побледнел. И даже в свете ярких фонарей был заметен его нарастающий страх.

Нет, с этой процедурой он явно сталкивался впервые.

— С какой целью следуете в свободные земли? — поинтересовался стоявший рядом с кранксом рубежник. Его длинный крючковатый нос приблизился к старику и обнюхал того с ног до головы.

— Доставляю пассажиров, — раздался короткий ответ.

На вышках зажгли еще пару фонарей, ослепив нас ядовитым светом. Пока я жмурился, ощущая в глазах неприятную резь, допрос продолжился.

— Количество путешественников?

— Шесть, из них двое детей, — загибая пальцы, рассудительно изрек старик.

— Пункт назначения?

— Почтовая станция в Бриге. Та, что на Колючей глыбе.

— Путь следования?

— По дороге Рейны, через Кривые холмы.

Рубежник немного задумался. Внимательно изучил всех пассажиров и вновь обратился к вознице.

— А все ли собираются путешествовать до Бриге?

— Да, сэр, — устало кивнул старик и, немного поразмыслив, добавил: — С другой стороны, они могут сойти и раньше. Ну, сами понимаете, я им не указ. Откроют дверцы и шасть. Я что же, их тогда ловить буду?

— Не умничай, старик. Отвечай, что спрашивают, — прорычал рубежник.

Возница вздохнул и состроил невинную рожицу, мол, как пожелаете, мне без разницы.

Разочарованно махнув рукой, старший перешел к следующему пассажиру. Процедура проверки повторилась, за одним маленьким исключением — вопросов к травнице у представителя закона было куда больше.

Когда очередь дошла до меня, я изо всех сил пытался скрыть нарастающее волнение. Буравящий взгляд рубежника пронзил меня насквозь.

— Куда направляетесь, юный мистер?

— На Колючую глыбу, — стараясь сохранять самообладание, неуверенно проблеял я.

Мелкие, близко посаженные глаза впились в мой наряд. Короткая куртка, рубаха без ворота и свободные плотные штаны

— так одеваются те, кто принадлежит к Цеху или имеет возможность трудиться независимо.

— Студиоз? — сделав молниеносные выводы, поинтересовался рубежник.

— Почти, — уклончиво ответил я, не сводя глаз с кранкса, который уже включил свою ужасную машину.

Жетон погрузился в лиловое сияние гофрированного хобота машинерии и я впервые в жизни увидел, как работает 'Сборщик информации'. Пластина жадно поглотила свет и мерно распределила его по всей площади, и вскоре крохотные углубления, напоминающее мелкие зазубрины на лезвии кинжала, стали входить в световые пазы, соединяясь темными нитями. Метки нанизывались одна на другую. Внезапная вспышка — и неведомые мне символы превратились в знакомые слова.

Кранкс указал старшему на внутреннюю часть машинерии, где располагался увеличительный экран, позволяющий прочитать столь мелкие символы.

Кривоносый рубежник задумчиво помял подбородок. Кинул короткий взгляд в мою сторону и задал следующий вопрос:

— У кого вы обучались, молодой адепт?

И тут меня словно осенило. Я ведь абсолютно не знаю, какую именно информацию содержит мой поддельный жетон? Отражена ли в нем хоть часть правды? Или сплошной обман?

Если бы я смотрел на себя со стороны, то наверняка бы заметил, насколько стремительно побледнело мое лицо. Но рубежника, скорее всего, насторожило мое замешательство.

— Вас затруднил вопрос?

Глупо улыбнувшись, я протянул ему билет до Бриге. Судя по всему, мой поступок оценили по достоинству.

— Он, по-моему, не в себе, — предположил кранкс, указывая на экран.

Старший, кивнул, соглашаясь с мнением подчинённого. Его взгляд словно прилип к монитору. Я без труда проследил, как стремительно меняется лицо рубежника. Сначала на лбу возникли глубокие рытвины морщин, а в глазах появилась тревога, которая мгновенно передалась мне.

— Милостивый Икар! Не повезло парню, — прошептал кранкс. Старший ничего не ответил, но по выражению лица было понятно — он полностью с ним согласен.

Затаив дыхание, я ждал, когда меня выведут на чистую воду. Но в последний момент мои опасения развалились как карточный домик.

К старшему подбежало двое запыхавшихся солдат и, обернувшись, указали куда-то на дальнюю часть площадки, туда,

где несколько здоровенных солдат пытались утихомирить не в меру разбушевавшегося пассажира. Тощая высокая фигура, возвышавшаяся над другими горожанами, что-то жестикулировала, пытаясь объясниться перед мундирами: указывая то на въезд в зону досмотра, то на выезд, перегороженный огромными ежами. Рубежники кивали, соглашаясь с ним, а потом достали кандалы и, позвякивая цепями, решили больше не слушать глупых речей и перешли в наступление.

И тут началось такое! Я увидел, как долговязый оттолкнул одного из солдат в сторону, а другого ударил нагой в грудь.

Рубежники на вышках зашевелились, свет фонарей нашел в полумраке худощавую фигуру ретивого пассажира, облаченного в твидовый костюм. К нему уже спешили несколько солдат, пытавшихся прямо на ходу зарядить ружья и расчехлить штыки. Но проворный бунтарь действовал на удивление весьма умело. Перескочив через двадцатиместный дилижанс, он выхватил из костра толстенное полено и зашвырнул его в упряжку. Лошади, испуганно заржав, дернули вправо, перегородив дорогу бегущим солдатам. Растерявшись, те сбились в кучу, не зная, как преодолеть возникшее на их пути препятствие. Испуганные животные кружили на месте. Следом за ними всполошись еще три упряжки. Площадку наполнили встревоженные крики людей. Началась настоящая сутолока. Кто-то задел меня плечом, перед глазами замелькали силуэты, невнятные команды караульных растворились в истошных женских воплях.

Последующая суета заставила меня воспринимать происходящее короткими урывками.

…Толпа подалась вперед. И сразу же в надрывные голоса пассажиров вплелись одинокие выстрелы, словно мы вмиг очутились среди двух враждующих лагерей дикарей Эзиума — самого западного от архипелага острова. Я кое-как успел различить стремительные движения столетнего возницы. Он ловко заскочил на козлы, ударил хлыстом, и длинная вереница дилижансов сдвинулась с мертвой точки. Ворота, которые прикрывала малочисленная группа солдат, слетели с петель, открыв нам путь в свободный мир, где действовали совсем иные правила.

Хитрюга Икар знал, когда проявить свою милость.

В нашу повозку успели заскочить всего двое. Я и одноногий бородач, внешним видом походивший на неприступную пирамиду, которую легче перепрыгнуть, чем попытаться обойти. Подав ему руку, я втащил здоровяка внутрь, практически на полном ходу.

Прильнув к заднему стеклу, я с безразличием наблюдал за полыхающими строениями Рубежа. Все еще слышались приглушенные крики о помощи, пулеметные выстрелы. Апогеем случившегося стал короткий хлопок взрыва. Видимо, пламя добралось до складских помещений.

Огненный кокон еще долго мелькал среди деревьев, пока окончательно не скрылся за поворотом.

Волнующее зрелище закончилось так же внезапно, как и началось. И я мог лишь догадываться о причинах, побудивших неприметного господина из второго дилижанса устроить подобное.

Повалившись на неудобное сиденье, я машинально схватил цепочку с жетоном и — Проклятые Молнии Тары! — обнаружил лишь оборванное кольцо. Мой главный путевой документ (если не считать оставленного у рубежника билета) исчез. Нервно обшарив карманы куртки, подкладку и бегло осмотрев дилижанс, я пришел к неутешительному выводу: единственное напоминание, что осталось у меня от материка, был знак, сделанный мне еще в приюте 'Примитивного механизма' — крохотная татуировка втулки с огромной буквой 'М'. Символ, означающий отсутствие семьи, которой у меня не было и теперь уж точно не будет, потому что винтик, выпавший из сложного механизма, не вернется на свое привычное место. Его просто заменят новым, с хорошей резьбой и блестящей шляпкой.

Почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, я поднял голову и наткнулся на косматое лицо спасенного мной одноногого крепыша. Шмыгнув носом и приветливо подмигнув, он протянул мне руку и представился…

* * *

Чем дальше мы удалялись от границы, тем сильнее ощущалось, что я нахожусь совершенно в другом, чуждом мне мире. Даже деревья здесь были другими: низкие, кряжистые, они клонились к земле, скрывая в своих ветвях вконец разбитую дорогу.

Сбавив темп, возница все реже ударял хлыстом, и дилижанс, перестав трястись, мерно поскрипывал старыми осями.

— Да, дела, — раскурив трубку, задумчиво пробурчал мой новый знакомый.

Он называл себя тэром Ди Райдер. Правда, внешне он совершено не походил на представителя сословия летных капитанов. И дело даже не в изношенной донельзя одежде, а в самом элементарном поведении. Грубый неотесанный летун, скачущий на одной ноге и воображающий себя представителем

благородных кровей.

На самом же деле его манеры были ужасны. Он вел себя как неотесанный гоблин-раб из плавильных Цехов, которому ненароком пересолили обед. Сплевывая терпкий табак, он изрыгал наружу кучу проклятий по поводу и без повода. А когда мы решили перекусить, разделив скромный ужин, оставленный одним из пассажиров, я еще раз убедился в правильности своих суждений. Мало того, что тэр Райдер оставил половину съеденного на бороде, так ко всему прочему еще и расшвырял отбросы вокруг себя.

— Ну, вроде бы подкрепились, — констатировал он.

Недовольно сморщившись, я пересел на третью скамейку, чтобы быть подальше от этого бардака.

— Сам-то из каких мест будешь?

— С материка, — нехотя пробурчал я себе под нос.

— Маааатериикааа, — передразнил меня нечистоплотный тэр.

Если бы только мой бывший учитель, мистер Босвел, увидел подобное пренебрежение к приему пищи, он заверещал бы не хуже лоарстких попугаев. Но, к счастью, у сегодняшнего представления был только один зритель.

Повозка затормозила так резко, что я едва не слетел с сидения, а мое воображение уже нарисовало неутешительную картину нашего ужасного падения в пропасть. Лошади истошно заржали, а возница сквозь зубы процедил грязные ругательства, которые я без труда расслышал благодаря открытому окошку.

— Все, выходите, господа хорошие… Растудыть ее, треснутое колесо! Дальше дороги нет!

В отличие от меня Райдер отреагировал молниеносно. Сунув подмышку свой деревянный костыль, он толкнул дверь и аккуратно спрыгнул вниз. Я последовал за ним.

В лесу было полно мошкары и ужасно пахло серой, словно нам не посчастливилось остановиться возле зловонной кучи каких-то отходов. Такой запах обычно витал в лаборатории кривоносого Дикса — алхимика с большим стажем, у которого мой прежний учитель виртуоз Босвел заказывал золотую краску для табличек, содержащих подробное описание его изобретений.

— Чего встал? Пошли, поможешь.

Не оборачиваясь, возница недовольно похромал вперед по дороге, где всего в десяти ярдах от дилижанса, перегородив движение, лежало огромное ветвистое дерево.

Возница замер возле массивного препятствия. На вытянутой руке он держал небольшой масляный фонарь. Такой редко встретишь в наше время неумолимого прогресса и повсеместного

использования пара.

Возле меня возникла плечистая фигура Райдера, державшего наготове пистоль. Я едва успел разглядеть изящную вязь узоров на длинной рукоятке и два расположенных вертикально ствола. Раритетное оружие всегда пользовалось большой популярностью среди мастеров Цеха, и я слышал, что за редкий экземпляр старинного оружия можно было выменять даже механический дилижанс. Только использовать подобный экземпляр в целях обороны, на мой взгляд, было абсолютно бессмысленно.

Очутившись рядом с возницей, Райдер грубо отстранил его в сторону и одним быстрым движением затушил фонарь. Стелящийся по дороге туман, широкий ствол дерева и ночные тени — мгновенно скрылись во мраке.

— Мы словно кактус посреди пустыни! — недовольно буркнул мой попутчик, предвидя возмущение старика. Следующее обращение было адресовано уже мне: — Ну-ка, холера тебя подери, помоги-ка нам…

Я не стал артачиться и перечить, просто подлез под преграду. А дождавшись четких команд одноногого, начал толкать.

— И раз, и раз, навались… и раз, и раз, давай… и раз, и раз, сильнее…

Старик, в отличие от меня, не выкладывался даже на треть, лишь делая вид, что оказывает посильную помощь. На самом деле он просто прислонился к поваленному дереву и повис на нем, создав дополнительную нагрузку.

Выглянув из-под ствола, я наткнулся на пристальный, холодный взгляд Райдера. Держа пистоль наготове, он внимательно следил за небольшим бугорком, скрытым мрачной стеной деревьев.

— Давай, малой, шибче. Иначе я успею положить только двоих, — прошептал он, даже не посмотрев на меня.

— Болотные разбойники для здешних мест не редкость, — подлил масла в огонь возница.

— Не мели чушь, старик. — Прищурившись, Райдер внезапно подал знак рукой, чтобы все замолкли.

Пауза длилась недолго.

— Показалось…

Я стер струившийся с лица пот, убил парочку прожорливых комаров и продолжил свой каторжный труд.

Монотонный голос одноногого гнал и гнал меня вперед. Пыхтя, словно копавшийся в земле вепрь, я чувствовал, насколько стремительно улетучиваются мои силы. Толчки стали слабее, а дерево продолжало упираться ветвями в пыльную дорогу, перекрывая нам путь.

— Бесполезно, — подытожил старик.

— Не сдаваться! Давай!

Голос Райдера оглушил меня, заставив совершить последний отчаянный рывок. Хруст. Земля ушла из-под ног, словно я вступил на скользкую ленту погрузчика. Преграда откатилась вбок, увязнув в водянистой почве у самого края дороги.

— Вот это да, тудыть-растудыть! — старик схватился за голову и, разинув рот, уставился на моего попутчика. Тот, сунув пистоль за отворот затертого камзола и бубня под нос какую-то весьма пошловатую песенку, прихрамывая в такт мелодии, направился обратно к дилижансу.

Я покосился на возницу пытаясь угадать причину его удивления. Но в ответ получил лишь неоднозначный жест, означающий, что все заслуги в преодолении препятствия принадлежат одноногому, а не мне.

Глава 8

Берег у Кривого холма

Через три часа мы сделали первую остановку. Оказавшись на постоялом дворе возница долго ругался с местным служкой, пытаясь отвоевать лучшее место для ночлега и только вдоволь наоравшись, позвал нас и предложил размещаться.

Хорошенько потянувшись, я уставился на звездное небо, где среди рваных облаков, медленно плывущих на запад, виднелись несколько горящих точек.

— Всполошились, — раздался рядом со мной глухой бас попутчика. — Видать, здорово им досталось.

Рассеянно кивнув в ответ, я осторожно поинтересовался:

— Быстро летят. Это крылопланы? С материка?

Достав из кармана трубку и прикурив, Райдер хмыкнул и сплюнул себе под ноги.

— Это их так на материке кличут. Здесь, в свободных землях, мы называем их летунами. Здоровенные, трехярусные. Если не ошибаюсь — сорвиголовы. Настоящие профессионалы.

— Кто?

— Вы называете их Совами, — объяснил Райдер.

Еще раз покосившись на черные силуэты в небе, я, как бы парадоксально это не звучало, попытался разглядеть тех самых летунов, о которых на материке частенько складывали настоящие легенды. На самом деле, обладая современной техникой, их особо и не боялись, а пугали новичков скорее для проформы, чтобы те

не переоценивали свои силы. А о том, как муштровали юных летунов, я знал не понаслышке — рядом с домом виртуоза располагался один из корпусов воздушной пилотажки.

Я сразу же вспомнил, как бледнели лица курсантов-небесников, когда им сообщали, что очередной крылоплан попал под обстрел Совиного звена.

— Ладно, кончай глазеть, — разогнал мои воспоминания попутчик. — Чужие дела — не нашего ума дела. Пойдем устраиваться.

Ничего не ответив, я кивнул и посеменил следом, поймав себя на одной вполне закономерной мысли: здесь, за границей материка, все было проще, без сложных правил и постулатов, словно все вокруг замерло на какой-то низшей ступени развития. И только пышущие паром небесные тихоходы напоминали мне о неумолимом прогрессе Верхушки — грозном соседе, чье неусыпное око следило за южными островами.

Остановившись у коновязи, Райдер позвал чумазого пацаненка и, дав тому монету, попросил проследить за лошадьми нашего возницы. Объяснения не заставили себя ждать: оглядев скромный двор станции, одноногий указал на несколько дилижансов, как две капли воды похожих на нашу повозку.

— Хозяева редко балуют тех, кто их возит. А дальше дорога лежит через Кривые холмы, где частенько ломаются не только оси, но и кони падают замертво. Так что лучше позаботиться заранее.

— Может быть, потом истребовать с возницы?

— Зачем? — насупился Райдер. — Это мне, а не ему нужно поскорее добраться до Бриге. К тому же старик едва стоит на ногах. Так что маленькая помощь ему уж точно не повредит.

Возразить мне было нечего. И раз у нас завязался разговор, я решил удовлетворить свое любопытство:

— Скажите: там, в лесу, кого вы опасались?

Райдер почесал затылок:

— Да как тебе сказать. Всех. В болотах часто пропадают целые караваны.

— А как же рубежники?

— Хо-хо, — схватившись за живот, засмеялся одноногий. — Если хочешь выжить в нашем свободном мире, лучше забудь о порядках и законах материка. Здесь приходится рассчитывать только на собственные силы и оружие, в противном случае — ты мертвец.

По коже пробежали мурашки, но я во что бы то ни стало попытался скрыть нарастающее волнение. Мой собеседник был прав на все сто. Мир за гранью напоминал хаос, в котором

варятся сотни различных рас, отстаивающих свои интересы. И никакая власть — тем более такая призрачная, как Совет независимых — не сможет контролировать жителей островов.

Хозяин постоялого двора принял нас холодно. Пристальным взглядом, полным недоверия, он долго осматривал новых постояльцев с ног до головы, а потом, получив положенную плату в целых три рейтена, выдал долгожданные ключи от комнат.

Повалившись на жесткую кровать, я долго пытался ухватить сон за крылья, но в конечном итоге скинул подушку на пол и, загасив одиноко горевшую на столе свечу, вышел в коридор.

Дверь в соседнюю комнату была приоткрыта, и я невольно заглянул в щелочку.

— Проходи, не стесняйся, — донесся изнутри голос Райдера.

Присев напротив, я уставился на одноногого, который за несколько минут успел заметно измениться. Борода стала меньше почти на половину, а вместо дорожной куртки он надел темный бархатный камзол старого покроя.

Подтянув к себе костыль, Райдер подцепил уступом дорожную суму, извлек из нее два небольших пистоля и принялся за чистку. Разложив составные части оружия на ветошь, он внимательно осмотрел дуло, зачем-то дунул в него, и только после этого странного ритуала принялся тщательно протирать каждую деталь.

— Вы ведь родом не с материка? Просто путешествовали по землям прогресса, — прервав затянувшееся молчание, спросил я одноногого.

— И до сих пор проклинаю каждый день, проведенный на чужой земле, — невозмутимо согласился он.

— Почему?

Райдер нахмурился:

— Прогресс зло. И никто не сможет переубедить меня.

— Неправда. Наука может не только разрушать, но и созидать.

— Например?

— Вы могли бы обратились к мастерам Храна. Они бы сделали вам отличный имплантат, — мой взгляд коснулся привязанной к обрубку ноги деревяшке.

— Считаешь меня беспомощным?

— Нет, ну что вы, — посчитав, что собеседник мог на меня обидеться, я смутился и попытался сразу же оправдаться. — Я просто хотел сказать, что так вам было бы значительно удобнее…

— С чего ты решил?

Райдер говорил спокойно, абсолютно без эмоций. Один пистоль был отложен в сторону, настала очередь второго.

— Простите, — на всякий случай я все же извинился, — но мне кажется, механическая нога лучше куска дерева.

— Потому что она красивее? Или потому, что она сделает меня сильнее? — Райдер на минуту отвлекся. Его лицо сделалось задумчивым и даже сквозь длинные патлы слипшихся волос стало заметно, как на лбу появилось множество глубоких морщин.

— Если считаешь, будто кусок металла, провода и шарниры смогут заменить совершенство живого организма, то ты глубоко ошибаешься, — внезапно изрек он. И, заметив мое недоумение, принялся объяснять: — Нам, островитянам приходится рассчитывать только на себя. Да, я лишился ноги, но пусть тот безумец, кто осмелится кинуть мне вызов, пеняет на себя. Я переломаю любого. И знаешь, почему? Я сумел приспособиться. Да мне было бы легче приделать себе железяку, и прыгать, словно молодой жеребец. Но скажи мне, что случится, если она в один прекрасный момент выйдет из строя?

Я растерянно пожал плечами.

— Стану беспомощным. Понимаешь? Когда я учился заново ходить, то тысячу раз падал, вставал и снова падал. Но в итоге добился того, что перестал ощущать собственную ущербность…

Собрав второй пистоль, Райдер зарядил его и сунул себе за пояс.

— Там, на материке… Чем ты занимался?

Он произнес это так, словно до Плакты было не сто миль, а нас уже разделяли волны Серого океана.

— Ходил в помощниках у виртуоза, — дрогнувшим голосом ответил я.

Райдер махнул мне рукой и быстро покинул комнату.

Спустившись в зал, где уже весело гуляли шумные компании возниц, мы вышли на постоялый двор и направились к воротам. И только сейчас я заметил, что одноногий не прихрамывает при каждом шаге, а слегка пританцовывает, всем своим видом доказывая, что движения даются ему с невероятной легкостью.

До рассвета оставалось всего пару часов, а на небе все еще ярко горели путеводные созвездия, образуя настоящие серебряные туманности. Покинув владения пересадочной станции, мы поднялись на ближайший холм, откуда открывался завораживающий вид на болотистую долину.

В свете луны были отчетливо видны прогалины, полностью заполненные водой, практически как зеркало отражающие ночное небо. Отсюда, с холма, они напоминали бездонные дыры, окруженные плотным кольцом осоки и багульника. Чуть дальше маячили каменные проплешины — словно лысины увязших в трясине великанов, они тянулись на восток до самой кромки

леса. Там была моя родина. Скрытая лесной полосой, она сейчас озарялась лишь яркими всполохами пожара.

На душе заскреблись кошки. Может быть, зря я доверился Юку? И не стоило мне садиться в дилижанс и искать спасения в чужих краях? Но теперь ответы на эти вопросы были абсолютно бесполезны. Без путевого жетона я не мог вернуться на материк и исправить собственные ошибки.

Серые клубы дыма угадывались даже в призрачной дымке горизонта. Плотные и густые, они создали настоящую завесу, заслоняя собой часть звездного неба.

— Это место называется — Трактом пустоты, — вкрадчиво произнес одноногий, заставив меня обернуться. И убедившись в том, что я его слушаю, продолжил: — Великие болота создают между материком и островами некий пояс, который еще лет сто назад был сплошным. Не существовало дорог и иных путей сообщения. И чтобы оказаться в свободных землях, путник обязан был преодолеть целых три мили топей. Словно открытый лабиринт, где невозможно ошибиться и, уткнувшись в стену, начать дорогу заново. Оступишься и пропадешь. Выберешься на сушу — значит, победил…

— И много было желающих?

— Ооооо… — Райдер обвел костылем открывшиеся просторы. — Превеликое множество. Сотни тысяч половников, стремившихся как можно скорее покинуть границу.

— Но зачем они бежали из Мехны? — изумился я.

— Кто знает? — собеседник пожал плечами и, сделав шаг к обрыву, остановился. — У каждого, вероятно, была своя причина, но основная, наверное, заключалась в желании обрести долгожданную свободу.

— Свободу?

— Именно. В не такие далекие времена Мехна выбрала очень опасное для себя направление науки. Паровые двигатели — вначале простые, затем — сложные конструкции, вскоре все на материке стало подчиняться лишь одной цели. Машинерии стали главным смыслом вашей жизни. А человеческая жизнь, свобода отошли на второй план.

— Но ведь они создаются, чтобы помогать нам! — мне понадобилось немало усилий, чтобы скрыть свое возмущение.

— На первом этапе, возможно, — отчего-то слишком легко согласился одноногий. — А дальше? Даже самая миролюбивая машинерия модернизируется. На гусеницах возникают смертоносные шипы, к кабинам крепятся пулеметы, ковш заменяют пушки, и вот уже 'тягач', предназначавшийся для добычи руды, превращается в 'кровавую давилку' для тех, кто не

согласен с новым указом Верхушки.

— Ну, это скорее сказка, чем быль, — не поверив ни единому слову рассказчика, фыркнул я в ответ.

Райдер промолчал. Сделав еще один последний шаг перед обрывом, он ловко спрыгнул вниз и стал быстро спускаться по узкой, едва различимой в ночи тропинке. Мне ничего не оставалось, как только последовать за ним.

У подножия холма почва была мягче, напоминая желе. Я едва не оступился, угодив ногой в прогалину. Такое впечатление, будто меня кто-то ухватил за штанину и потянул вниз. Не на шутку испугавшись, я рванул вперед и едва не наткнулся на Райдера.

Берег резко обрывался, исчезая в зеленовато-молочной ряске. На кочках, словно ощетинившиеся ежи, торчали пучки осоки, а чуть дальше виднелись остовы сгнивших деревьев.

Вместе с запахом свежих трав и кустарников легкий ветерок принес запах опасности. Словно мы оказались в стенах Храма Икара, где властвовал аромат эфирных масел и свеч.

Подхватив лежавшую палку, Райдер извлек из камзола тряпку и, смастерив факел, озарил крохотный островок, на котором мы очутились. Огонь, жадно потрескивая, выдернул из мрака низкие кусты и мутную поверхность воды.

Одноногий указал мне на ближайшую кочку и повел пальцем вниз. Я пригляделся и, едва не отшатнувшись, вцепился в его руку. Возле островка, напоминая бревно, лежало застывшее человеческое тело. Скрючившись в неестественной позе, мертвец пытался дотянуться до спасительного бережка, но так и не успел покинуть губительной трясины. Болото, не отпустив свою добычу, оставило несчастному крохотную надежду на спасение. На лице несчастного все еще угадывалась легкость, подаренная ему смертью.

Вытянув руку, Райдер осветил берег справа. Я повернулся и зажмурился. Но за долю секунды до этого успел различить множество обглоданных тел, которые почти добрались до заветной цели, но им не хватило самой малости — последнего шага.

— Их путь обернулся бесконечными страданиями, — шепотом произнес одноногий.

Сделав над собой усилие, я открыл глаза, ощутив дикое биение сердца. Мертвые путешественники были повсюду. Женщины, дети, старики, — безжизненными телами оказался усеян весь берег. Ближние и дальние кочки, островки и дорожки. Топь всех прибрала к себе, украсив болотный пейзаж скульптурами несбывшейся надежды.

— Это случилось во времена, когда милях в пятидесяти от Плакты открыли новое месторождение пара. Ты когда-нибудь слышал о Рифте? Это единственное место на побережье, которое материк заполучил в свои владения.

Я слушал, а передо мной прямо из земли, наполненный жарой, песком и пустотой, вырастал Ржавый город.

— Поначалу все были рады. Необходимый ресурс сулил процветание не только всей Мехне, но и ближайшим островам, которые только осваивались переселенцами. Со всей страны потянулись обозы с теми, кто желал осуществить скромные мечты и верил в светлое будущее. Над Рифтом всего за пару лет возник настоящий город. Работа продолжалась и днем, и ночью. Пока не наступил хаос… — одноногий запнулся. Его голос дрогнул и стих.

Огонь осторожно подрагивал, постепенно затухая. Власть света уступала свои границы мрачным теням, что все еще бродили по низинам и моховым коврам. Теперь их дом был здесь, между старым и новым миром, на перешейке прошлого, которое не желало отпускать беглецов, и будущего, которому не суждено было свершиться.

* * *

Экипаж несся с невероятной скоростью. Лошади хрипели и недовольно ржали после каждого удара возницы. Плетка в очередной раз взлетела ввысь, щелкнула и под оглушительный свист кучера ударила о спины запряженной шестерки.

Преодолев Сайлетский мост, беглецы оказались всего в семи милях от границы. Но даже здесь, вдалеке от Рифта, ощущалось тяжелое дыхание тех, кто сейчас властвовал в Ржавом городе.

Никто не мог представить себе, что сегодняшняя ночь пятницы станет для добытчиков роковой. Произошедшее нельзя было назвать бунтом или протестом — все выглядело гораздо серьезнее. Власть у месторождения перешла в руки механикусов, тех, на кого уповали, и тех, кого почитали трудившиеся на Рифте.

Как они могли так поступить? Что заставило их поступиться? И почему они стали уничтожать ни в чем не повинных собратьев? Вопросы, вопросы… Их было миллион, но никто не знал ответа.

Ровно в полночь прогремели первые выстрелы. Словно раскаты грома, они ворвались в привычную и размеренную жизнь добытчиков. Вместе с осознанием беды пришел оглушительный гул машин. Бездушных, лишенных эмоций механических гигантов, которые неукоснительно выполняли приказы своих создателей.

…Кирк Даглас, южанин с острова Рок-би, всегда был

неробкого десятка, и когда дело касалось принятия решения, он принимал его в считанные секунды, нисколько не сомневаясь в правильности. Так произошло и сегодня, в день великого Икара.

Ворочаясь, он никак не мог заснуть, размышляя о новом месторождении, которое открыла бригада Симуса Бирта. Болтали, что, мол, добытый пар гораздо плотнее, чем на западных скважинах, а еще по городу пронесся слух: этот самый пар имеет серый оттенок, словно запачкан глубинными породами подземного царства Итара.

Когда жители Мехны сталкивались с чем-то неизвестным, злым, имеющим все признаки коварства, они олицетворяли это с братом Икара, Итаром, который, подрезав крылья, не дал возможности великому изобретателю достигнуть небес. И если бы у предателя могли быть потомки, то Кирк посчитал бы, что один из них — бригадир Симус.

За окном послышались беспокойные крики. Ночное небо озарилось светом сигнальных вспышек и факелов. Не тратя времени понапрасну и догадываясь об истинных причинах внезапного беспокойства, Кирк приказал семье собираться. Его жена Тина пыталась возразить. Взывая к здравому смыслу, она попыталась успокоить мужа, но глава семьи был непреклонен. Договорившись с Грудом — местным возницей, он быстро погрузил вещи в экипаж, и низко поклонившись временному пристанищу, которое на четыре с лишним года стало ему домом, попросил сгорбленного гоблина гнать без остановки.

Пытаясь успокоить детей, Тина продолжала противиться внезапному решению мужа. И лишь когда у них за спиной раздались первые взрывы, все встало на свои места. Стерев с лица слезы, жена мгновенно успокоилась, Груд перестал придерживать вожжи, а Кирк понял, что оказался прав и на этот раз.

Уже через час всполохи заполнили почти все небо над Рифтом. Теперь город напоминал проснувшийся вулкан, пожелавший уничтожить вокруг все живое. И даже на расстоянии пяти миль, среди стука колес и свиста возницы слышались отчаянные крики тех, кто не успел покинуть гиблое места.

Плач и стоны преследовали беглецов до самого рассвета, но главный кошмар ждал их не позади, а впереди. Сразу за Сайлетским мостом.

Кирк хорошо помнил липовую аллею, которая тянулась вдоль дороги, навевая тоску и скуку. Но в ночь Икара зло коснулось не только Ржавого города, а распространилось гораздо дальше.

Экипаж качнуло сначала вправо — будто выбило из колеи, а затем повело влево и закружило по дороге. Кирк выглянул наружу, пытаясь поговорить с возницей. И обомлел. Вдоль всего

тракта, по обеим сторонам, возвышались столбы с мертвецами. Десятки, сотни, тысячи — Кирк не умел хорошо считать, но знал, что количество загубленных душ равно, по меньшей мере, жителям десяти городских улиц.

Изуродованные долгими пытками лица, лишенные глаз и языков, кровавыми провалами взирали на одинокий экипаж, которому удалось вырваться из самого итарова пекла.

— Что там? — спросила Тина, увидев охваченное ужасом лицо мужа.

— Смерть, — раздался в ответ неуверенный голос.

Распоряжение о закрытии границ пришло слишком поздно, когда многие обозы уже покинули пределы материка, и все же рубежники успели выставить усиленные посты.

Кирк хорошо помнил того офицера, что остановил их экипаж. Стеклянные глаза, осунувшееся лицо и дрожащий, срывающийся на крик голос. Не получив требуемых документов, он стал обвинять их в измене, угрожал сообщить о беглецах начальству. Но в конечном итоге сдался.

Вести с Рифта уже достигли южных границ Мехны, — и каждая новая была страшнее предыдущей. Почти весь город был уничтожен группой повстанцев, которые умудрились подчинить себе все движущиеся механизмы. Те, кто до недавнего времени считался гордостью материка, в одночасье превратились в отступников.

— Вам не перебраться на ту сторону, — сбавив тон, равнодушно сообщил сержант рубежников.

— Прошу вас, пропустите нас, — взмолилась Тина. — Клянусь Икаром, мы никогда не вернемся на материк. И никому не расскажем, что вы нам помогли…

Двое розовощеких карапузов, услышав отчаянный голос матери, заплакали навзрыд.

Потупившись, офицер долго теребил жетоны в руке, а потом протянул их Кирку.

— Надеюсь, вам будет сопутствовать удача.

— Спасибо. Мы не забудем вашей милости, благослови вас Эверика! — прижав детей к себе, прошептала Тина.

Когда ворота приграничного поста закрылись и экипаж исчез в дремучих лесах свободных земель, Кирк уже знал, что больше никогда не увидит офицера. Чутье в очередной раз подало ему верный знак. Всего через сутки застава, притаившаяся на самом краю материка, была уничтожена звеном крылопланов, на чьих металлических боках красовался неведомый символ — круг со знаком 'W' внутри. Знак новой власти Рифта…

Закончив рассказ, одноногий нервно раскурил трубку и, отсев к окну, уставился на мрачные пейзажи бесконечных желтеющих полей. Я не стал спрашивать: что случилось с его семьей. Любая история из прошлого должна оставить напоследок несколько неразрешимых вопросов, иначе ошибки прожитых дней навсегда забудутся и повторятся вновь. Так поговаривал мой старый приютский учитель мистер Фрес, и у меня не было причин не доверять этому весьма емкому утверждению.

Расположившись на противоположной скамье, я так же, как и мой сосед, решил немного помолчать. В окне промелькнули низкие кряжистые дубы, затем несколько ив, а следом начались голые поля бесплодных земель — мы пересекали самую последнюю черту материка. И я отчетливо осознал неустойчивость собственной жизни. Словно парящее в небе крыло, я мог повиноваться лишь повстречавшемуся на моем пути ветру и следовать его неукоснительным законам. Наверное, в этом было гораздо больше свободы, чем могло показаться на первый взгляд, и кто-то бы наверняка посчитал меня сущим глупцом, доверившимся слепой судьбе, которая с легкостью может привести к гибели, — и все же я был несказанно счастлив этому шаткому положению.

Глава 9
Побег, плен, свобода

Пересадочная станция Бриге, до которой мы добрались к рассвету следующего дня, напоминала огромный копошащийся муравейник. Одна из пяти взлетных площадок, откуда ежедневно на острова отправлялись сотни караванов с поселенцами, путешественниками и другими авантюристами, желавшими раз и навсегда изменить свою привычную жизнь.

Попрощавшись с возницей, я забросил на спину свой скромный скарб и направился в сторону огромного двухэтажного здания, возле которого приютилась высокая наблюдательная башня. Остановившись, я с интересом уставился на взлетающие крылопланы. В отличие от привычных металлических махин, что я ежедневно видел над Плактой, здешние оказались менее шумными и неповоротливыми. Они, словно облака, не спеша набирали высоту, исчезая среди слепящих просторов небесного океана.

— Поторопись, а то будешь ждать посадки до вечера, — хлопнув меня по плечу, предупредил одноногий.

Машинально потянувшись к шее, где должен был висеть жетон, я остановил руку. Без проездного документа мне не пройти даже посадочного контроля — что уж там говорить о самом полете.

Нахмурив брови, Райдер заметил оборванную цепочку, часть которой была обмотана вокруг моей руки. Его взгляд пару минуту блуждал по зданию летной станции, а потом вновь уставился на меня. Кажется, он и без моих сбивчивых объяснений понял, что к чему. Приблизившись к уху, он едва слышно прошептал:

— Остров Ли-Таки лучшее место для тех, кто встал перед сложным выбором…

— Дело в том, что я…

Рука Райдера с силой сжала мое плечо.

— Не надо оправдываться, сынок, — его глаза пристально уставились на мое растерянное лицо, и он добавил: — Жизнь сама расставит все на свои места. — Затем, пожав мне руку, засунул подмышку свой скромный дорожный мешок и, прихрамывая, зашагал к ангарам, расположенным в восточной части взлетной поляны. И на этот раз его шаг казался весьма неустойчивым: одноногий часто помогал себе клюкой, опираясь на нее всем своим могучим телом.

Не знаю, стоило ли доверять моему случайному попутчику, но выбора у меня не было. Если мне посчастливится добраться до Ли-Таки и не привлечь внимания рубежников, я поставлю Райдеру 'благословенную чашу' в храме Икара.

Последовав еще одному совету одноногого, я отправился в здание пересадочной станции, где, по всей видимости, и располагались отправительные кассы.

Стеклянные двери порта приветливо раскрылись передо мной, позволив без труда попасть в широкий мраморный зал.

— Волнения на границе! Жители материка в панике покидают города! Сенсационные заявления капитана Воздушных заступников Кемирона Фли! Только в 'Граничном вестнике'! Только у нас самые свежие новости с обеих сторон света!

Повернув голову, я без труда отыскал горластого продавца новостей, который на ходу придумывал свои забавные кричалки. Шныряя между хмурыми пассажирами, он с легкостью уличного жонглера подбрасывал свернутые газеты и получал взамен скромное вознаграждение от скучающих путешественников.

— Эй, юноша! — окликнул я сорванца.

— Да, мистер, — мгновенно откликнулся он и, шмыгнув носом, недоверчиво осмотрел мой более чем скромный наряд.

Видимо, здесь, как и в Плакте, печатными новостями в основном интересовались состоятельные господа, все остальные

же не желали тратить понапрасну время и деньги на столь дорогое удовольствие и удовлетворялись местными сплетнями и слухами.

Расставшись с парой монет, я сунул газету в мешок и попытался найти нужные мне указатели. Справа виднелась деревянная вывеска 'Небесное питание Клиф', рядом 'Выход для провожающих', а еще левее 'Владение созерцателя'. Я несколько минут гадал, кому из служащих станции может принадлежать столь странная должность и только когда увидел высокого плечистого усача в темно-синей парадной одежде с аксельбантами и металлическими бляхами, наконец, понял, что так на островах называют рубежников.

Протиснувшись чуть дальше, я попал в ту часть зала, где ожидали своего рейса пассажиры. Многие из них были одеты весьма состоятельно: мужчины — в дорогие сюртуки, а дамы — в пышные платья. И те и другие всеми возможными способами пытались спастись от изнуряющей жары. Мужчины махали перед собой шляпами или газетами, а дамы, закатив головы, прибегали к помощи вееров. Ни у кого из них я не заметил и намека на машинерию. Ничего. Даже крохотного вентилятора, который у нас в Плакте использовался почти повсеместно.

— Осторожно, куда прешься, — послышался злой, почти рычащий голос.

Я отпрянул назад и только сейчас заметил, что все это время стоял на мыске длинных лакированных штиблет. Владелец элегантной обуви не стал слушать мох оправданий. Оттолкнув меня в сторону, он зло огрызнулся и, вытащив изо рта толстенную сигару, обратился к сидящей рядом даме.

— Милая, я же предлагал тебе покупать билеты в Локрии, там гораздо меньше проходимцев.

— Ты прав, дорогой. В следующий раз не будем скупиться и полетим избранным классом.

Попытавшись извиниться, я быстро поклонился и поспешил к стойкам, возле которых змеей извивалась длинная очередь пассажиров.

В центре касс высился огромный помост с обычной темной доской, где белым мелом были расчерчены неровные квадраты, содержащие информацию о рейсах. Вначале указывался номер коридора, куда следовало заходить, чтобы попасть в нужный дирижабль, затем имя капитана воздушного судна и время отправления.

Суетившийся возле доски гном кружился по подиуму, словно механическая балерина. Вытирая бородой надписи, он постоянно вносил в расписание изменения, одновременно пытаясь что-то

растолковать сгрудившимся возле него пассажирам, из-за чего среди недовольных постоянно разгорались стычки. Сам бородач, теряя к происходящему конфликту всякий интерес, продолжал свою суетливую работу.

Решив, что перепачканный мелом гном — мой единственный шанс отыскать в этом нескончаемом лабиринте нужную кассу, я вклинился в толпу, добрался до стойки, поднял руку и попытался привлечь его внимание.

— Тебе чего, паря?! — незамедлительно отреагировал бородач.

— Мне нужно в Ли-Таки, — попытался я перекричать толпу.

Недовольно поморщившись, гном вытер руки о широкие шаровары и указал в левую часть зала, где между двух мраморных колонн виднелся крохотный темный коридор.

Я попытался поблагодарить бородача, но толпа мгновенно выдавила меня назад, отстранив от помоста.

— Быстрее на посадку, Итаровы дети! Скорее! Иначе жагрою двери, к таким-то небесным демонам! — громко возвестил чей-то дребезжащий механический голос.

Стеклянные стены, открывающие замечательный вид на взлетные полосы, где, словно пузатые жуки, ожидали своей очереди гигантские дирижабли, задребезжали. И очередной перевозчик стал вальяжно приподниматься с насиженного места.

— А ну дорогу! — меня едва не сшиб худощавый гоблин, кативший перед собой тележку с толстенными чемоданами.

— Осторожно, юноша. Вы разве не видите, что я здесь ожидаю!

Повернувшись, я уткнулся в презрительный взгляд пожилой особы, державшей над собой табличку с двумя рунами.

Нет! Пожалуй, достаточно! У меня едва хватило терпения не сойти с ума в этом вареве из ора, суеты и недовольства. Успев проскочить перед стройными рядами тех счастливцев, кто сошел с ближайшего рейса, я нырнул в длинный указанный мне гномом коридор.

Не успев сделать и десяти шагов, я ощутил, как исчезает неприятное напряжение. Здесь было гораздо тише и спокойней. Пассажиры, вытянувшись в шеренгу, молчаливо ожидали своей очереди, лишь изредка перешептываясь друг с другом. И причин столь спокойного поведения оказалось несколько. Во-первых, за стойками касс, насупив свои сморщенные носы, гордо восседали несколько старых, ворчливых леприхунув. Зло зыркая на противших пассажиров, они недовольно выписывали билеты. И если кто-нибудь позволял себе возмутиться и повысить голос — незамедлительно следовала ответная реакция карликов.

Коротким знаком они поднимали свои кривые пальцы и указывали на возмутителя спокойствия.

А дальше происходило следующее: в тени коридора что-то начинало шевелиться, с потолка сыпалась крошка и, распрямляя могучие плечи, в свете тусклых ламп появлялся двухметровый голем. Толпа, постанывая, принимала появление гиганта с обреченностью. Каменное создание, оживленное сложными механизмами, с легкостью подхватывало неугодного пассажира и вышвыривало его наружу, за пределы длиннющей очереди. Потом в коридоре наступала тишина, и через мгновение работа возобновлялась. Громко ударяя печатями, леприхуны штамповали билеты, а замершие в ожидании пассажиры, стараясь не проронить больше ни звука, продолжали топтаться на месте.

— Куда? — раздался дежурный вопрос, когда я дождался своей очереди.

— Один до Ли-Таки.

На миг леприхун задумался, поправил съехавшие на нос очки и внимательно посмотрел на меня.

— Вы уверены, юный путешественник?

— Всенепременно, — твердо ответил я.

— И ответите также утвердительно, если я спрошу вас повторно? — уточнил кассир.

— Безусловно, мистер.

— Очень смелый поступок, юный путешественник. С вас семь монет, — хмыкнул липрихун и, дунув на штемпель, дежурно хлопнул печатью.

* * *

Поспешив узнать последние новости из Плакты, я с трепетом развернул газету и быстро пробежал по черно-белой странице, разделенной на восемь ровных колонок. Первые шесть были посвящены светским новостям:…о скором приезде знаменитого на весь материк певца; внезапном разводе одного очень известного толстосума; и падении цен на нюхательный табак и специи с острова Ней-крис. Следом шли две статьи о невероятной засухе, постигшей южные острова Ли-Клекс и Бал-Гилкс. И только в самом конце я увидел подчеркнутый жирной полосой заголовок. Механик Фолкс сообщает: 'Ночной удар блюстителей'.

С замиранием сердца, я прочитал первую строчку.

… позавчера, около полуночи, служители закона устроили в Плакте несколько весьма значимых задержаний. В северной части города, по указанию городских властей, были арестована дюжина весьма почитаемых механикусов. Причина данных событий осталась без комментариев. Глава блюстителей полковник

Сатенли Рикс пояснил, что в настоящее время, в интересах следствия, он не может раскрыть подробностей ночной операции.

Также нашим специальным корреспондентам стало известно, что при задержании в ангарах Рокса погибло двое блюстителей. Другой информацией наше издательство в настоящее время не располагает.

По факту смерти представителей власти проводится дознание силами городских блюстителей…

Дальше следовали многочисленные мнения очевидцев и просто сторонних наблюдателей, а также довольно резкое высказывание главы Цеха Изобретателей, который весьма критично оценил работу блюстителей. Сам же городской совет, по всей видимости, отказался от объяснений, не желая совать свой нос в дела законников.

Тяжело вздохнув, я покосился на боковое стекло. С высоты пассажирской кабины открывался великолепный вид на ровную поляну. Внизу суетились механики, проводя последнюю подготовку к полету. Еще час, и я навсегда покину родной материк. И все страхи, и неприятные воспоминания останутся за бортом моей привычной жизни.

— Простите, разрешите полюбопытствовать ваш билетик?

Опустив газету, я протянул плотную картонку с печатью пузатому мужичку в светлой униформе. Деловито раздув щеки, он не спеша вынул из кармана жилетки монокль, прищурил глаз, и внимательнейшим образом изучил билет. Причем его тщательности и скрупулезности позавидовал бы даже самый искусный часовщик.

Минут пять он водил большим пальцем по шершавой поверхности картонки. Еще столько же времени ему потребовалось, чтобы прочитать все надписи. При этом он держал билет в такой близости у глаза, что мне показалось, будто контролер слепой, словно крот, и просто создает видимость работы. После этого он устроил сверку дат и времени. Достав из кармана круглые часы, он неоднократно смотрел на циферблат, бормотал себе под нос какие-то цифры, а затем делал пометки карандашом на обратной стороне картонки.

— Все в порядке? — уточнил я.

— Да, да, конечно, — кивнул контролер, продолжая вносить записи.

Пытаясь утихомирить нарастающее раздражение, я решил отвлечься и повернул голову к окну. Двое служащих уже отвязывали канаты, пытаясь закрепить их на борту дирижабля. Помощник капитана, высунувшись из рубки, что-то гневно кричал на механиков. Я зевнул и безучастно уставился на здание

пересадочной станции. Из нескольких ворот тянулась вереница пассажиров, пробовавших отыскать на летной площадке необходимый дирижабль.

Достаточно скучное зрелище в следующую секунду превратилось в занимательное представление. Живая цепь разлетелась в мгновение ока. На площадке возникли три огромные фигуры. Если меня не подводило зрение — это были клыкастые орки. Растолкав пассажиров, они принялись пристально оглядывать дирижабли и в конечном итоге устремились в нашу сторону.

— Одну минуточку, — пробухтел контролер.

Возможно, мне просто показалось, но когда я повернул голову, лицо служащего выглядело обеспокоенно. Сунув билет в карман, он отступил к выходу и, привстав на мыски, уставился в окно.

С площадки послышались громогласные голоса орков.

— Не взлетать!

— С дороги! Пошел прочь!

От этих слов меня едва не подбросило на месте. Контролер был с ними заодно и, проверяя мой билет, он просто тянул время, дожидаясь, пока здоровяки попадут на дирижабль. Неожиданная догадка обдала меня жаром и заставила действовать решительно.

Вскочив со своего места, я толкнул контролера и, пробежав по пролету, кинулся вверх по винтовой лестнице. Не зная устройства кабин, в данную секунду я хотел просто затаиться, избежав опасной встречи.

Поднявшись на второй ярус, я попал в зону, где размещались пассажиры, заплатившие за комфорт кругленькую сумму и желавшие получить взамен безмерное спокойствие и небывалое обхождение.

Не получили.

Ворвавшись в узкий проход, я вихрем пронесся между ровных рядов кресел, сбив с ног двух юных стюардов. Ахнув и вжав головы, словно нашкодившие студиозы, никто из персонала так и не попытался остановить меня, предоставив возможность свободно миновать второй пролет.

Выбор — наверх или вниз — оказался мгновенным. Почти слетев по лестнице, я очутился в подсобном помещении. Возникшая на моем пути преграда — дорогая деревянная дверь, покрытая лаком, податливо скрипнула и отворилась. Захлопнув ее за собой, я прислонился спиной и замер, стараясь восстановить прерывистое дыхание.

Снаружи послышались быстрые шаги и неразборчивые крики охраны.

Меня уже искали.

Осторожно повернув замок, я только сейчас осознал, что нахожусь в полной темноте. Нашарив на стене несколько светочей, я стал искать включатель, но не нашел даже намека на тумблер, которым обычно зажигались газовые фонари.

За дверью вновь стало шумно. Короткие выкрики сменились отдаленными шагами. Вроде бы все улеглось. Но только на время. Я знал точно, что смогу выиграть еще пять, от силы десять минут, а потом клыкастые орки отыщут меня, даже если я спрячусь в моторном отделении, где стойкий запах масла и отработанного пара перебивает все на свете.

Опять голоса.

Я инстинктивно сделал шаг, и рука сама нащупала крохотную квадратную коробку. Огниво попалось мне как нельзя кстати. Щелкнув колесиком, я без труда заставил подсобку наполниться ленивым желтым светом. Глаза быстро привыкли к полумраку и в дальней части укрытия обнаружились узкие шкафы с униформой.

Осторожно выглянув в коридор, я закрыл за собой дверь своего временного убежища, отряхнул неудобный длинный пиджак, напоминающий строгое одеяние блюстителей, и не спеша двинулся в направлении лестницы.

Остановившись возле перил, я заглянул наверх, прислушался. Никаких звуков, напоминающих волнение.

Неужели обо мне уже все позабыли?

Довольно ошибочное мнение тут же развеял внезапно возникший на ступенях между ярусами управляющий. В такой же строгой униформе как у меня, с одной лишь разницей — правый рукав украшали три золотистые галки — знак третьей ступени.

— Куда ты подевался…Э-э-э, как тебя там?

— Дейв, сэр, — вытянувшись в струнку, отрапортовал я.

— Хорошо, Дейв, — кивнул управляющий и, нахмурив свои густые брови, замер, видимо, припоминая незнакомое имя.

— Вы что-то хотели сэр? — звонко гаркнув, я попытался вывести его из ступора.

— Да, хотел… — задумчиво протянул он. — Как ты говоришь, тебя зовут?

— Дейв, — мой голос слегка дрогнул. Но управляющий не стал долго напрягать свою память и повел меня за собой.

Второй ярус после моего визита напоминал бочку с порохом, которая могла в любую секунду взлететь на воздух, причем отдельно от дирижабля.

Не на шутку перепуганные пассажиры, вскочив со своих мест, бойко возмущались, вереща на все лады, словно испорченный

двигатель.

— Он пронесся, будто вихрь!

— Сбил меня с ног и даже не обернулся!

— Ужас! У него в руках сверкнул кинжал! Я едва осталась жива!

Больше всех верещала дама в огромном пышном платье. С легкостью перекрикивая своих оппонентов, она уже покрылась багровыми пятнами, но судя по всему не собиралась останавливаться на достигнутом.

— Эй, помощник, — махнул мне управляющий. — Как там тебя? Ах, да, Дейв. Иди сюда!

Я быстро переместился в начало прохода, через который не так давно и попал на второй ярус.

— Значится так, — он указал мне на винтовую лестницу. — Всех, кто попытается побеспокоить наших уважаемых пассажиров, смело гони в шею. Понял?

Я незамедлительно кивнул.

— И еще, если кто-то попытается покинуть ярус, не выпускать ни под каким предлогом. Понял?

Я вновь ответил согласием.

— Так, ну, вроде бы, все, — он задумчиво почесал подбородок, и уже собираясь уходить, обернулся и, протянув мне свисток, прибавил: — И если явится охрана, сразу сигнализируй. Я буду поблизости.

Оставив меня на воображаемом посту, он пулей пролетел по проходу, не забывая на ходу успокаивать возмущавшуюся толпу.

Теперь у меня появилась возможность немного расслабиться и собраться с мыслями.

Итак, обстоятельства складывались весьма удачно: во-первых, мне удалось избежать нежелательной встречи с воинственными преследователями, а во-вторых, не попасть в лапы разъяренного персонала дирижабля. Череда удачных обстоятельств привели меня к весьма приятному выводу: успокоиться и ждать, пока капитан не выгонит серокожих с борта и объявит отбытие. И времени на это — как мне казалось — должно было уйти не так много.

Развернувшись на месте, я уткнулся в высокого плечистого пассажира, пожелавшего вопреки всем запретам пройти в привилегированный салон. Облаченный в длинный потрепанный плащ, жилет и широкие кожаные штаны, гость занял практически весь проход, заставив меня растерянно отступить назад и попытаться позвать на помощь. Я поднес к губам свисток. Но в последний момент твердая рука перехватила мое запястье и хорошенько вздернула, словно тряпичную куклу.

— Пшеллл… прочьссс… щеноккк!!!

Я затравленно поднял голову и встретился с безумным взглядом орка. Слава спасительному Икару! — серокожий даже не посмотрел в мою сторону. Быстро осмотрев салон, он недовольно рыкнул, обнажив обломанный клык, оттолкнул меня в сторону и стал продвигаться к противоположному выходу.

Застыв между двух высоких кресел, я провожал взглядом могучего воина, у которого из-под плаща выглядывали огромные ножны мечей, а рука твердо сжимала рукоять четырехзарядного пистоля.

Свободный сыскарь проделал ровно половину своего пути, когда кто-то из пассажиров решил выместить справедливый гнев на новом объекте. Полная дама, словно вечно суетливая наседка, преградив ему путь, стала без остановки молоть какую-то несусветную чушь, обвиняя орка во всех мыслимых и не мыслимых грехах.

Словесное противостояние продолжалось недолго, всего шесть или семь секунд. Схватив безумную дамочку за шею, серокожий взревел, будто разъяренный лев, и отшвырнул надоедливую пассажирку на сиденье.

В салоне воцарилась гробовая тишина. Больше никто не пытался заслонить проход или высказать орку свои претензии.

Поборов оцепенение, я стал отступать к ближайшему выходу.

План был прост до безумия: улучить момент и вернуться обратно в салон низшего класса, а оттуда, продолжая притворяться стюардом, покинуть дирижабль.

Свободные сыскари — это не шутки. Они не остановятся ни перед чем, пока не перевернут эту летающую посудину вверх тормашками. И никакая хитрость не поможет мне укрыться от их хищного взора, когда всех пассажиров лично выставят к стенке, чтобы отыскать одного настырного беглеца. Даже если они не знают меня в лицо, для подобных существ это не беда. Почувствуют по запаху. Для них он гораздо важнее внешних признаков: лица, волос, одежды. Все это можно с легкостью изменить, запутав любого даже самого изощренного в преследовании мастера. А вот запах… Он у каждого уникальный…

То ли я слишком громко подумал, то ли серолицый умел читать мысли, но случилось то, что случилось. Не дойдя до противоположного выхода всего дюжину шагов, орк остановился, обернулся и повел носом.

Не успев спрятаться за креслами, я оказался на прямой линии его хищного взгляда.

— Ижжжжж…есттттьь…беглец! — прорычал сыскарь.

Пистоль в его руке дернулся вверх. Я, пытаясь сдержать страх, сковавший мои ноги, рванул вниз по винтовой лестнице. Великий Икар! Пролет был свободным. Всего за пару прыжков я достиг нижнего уровня.

Пассажиров практически не было. Лишь несколько напуганных мастеровых настороженно озирались по сторонам, пытаясь угадать: отменят полет или все загвоздки уже урегулированы?

Надеясь на удачу, которая, надо заметить, покровительствовала мне в последние дни, я на ходу ловко свалил парочку тяжелых чемоданов, преградивших и без того узкий проход и сиганул в полумрак коридорной кишки. До выхода оставалось всего несколько ярдов, когда меня окутала темнота.

Я не почувствовал ни боли, ни оцепенения — просто потерял сознание.

***

Похожая на проплешину выжженная трава, прижавшись к земле, проплывала у меня перед глазами мутными пятнами. Запрокинув голову, я уткнулся в небесный океан, где еще маячил исчезающий в облаках дирижабль.

С большим трудом я попытался повертеть головой: сначала налево, потом направо. Что тут говорить, моя удача в очередной раз упорхнула, оставив после себя неприятный привкус разочарования. Сплюнув кровь, я, не ожидая, что мне ответят, все же поинтересовался:

— Куда вы меня?

Правый орк оскалился и недовольно фыркнул. Левый слегка подбросил меня вверх, отчего сильно заныло плечо.

— Здесссссь не место! Живвввво к крыпппппоплану!

Приказ донесся откуда-то со спины. Я попытался повернуться, но получил еще одно напоминание о том, кто здесь хозяин.

Меня вынесли со взлетной полосы. Двое созирцателей, кинув в нашу сторону взволнованный взгляд, мгновенно отвернулись, не желая вмешиваться в происходящее. В этот момент я окончательно потерял надежду на благостный исход.

Остановившись возле металлического бока крылоплана, орки швырнули меня на землю, словно ненужный мешок. Больше я их не видел, но чувствовал — мои пленители где-то рядом.

Я выжидал недолго, может быть, минуту, а потом решил бежать. Не строя планов и не пытаясь предугадать действия моих похитителей, я просто вскочил на ноги и рванул прочь.

Шаг, второй, третий…

Укол в спину был сильнее электрического разряда, который настиг меня в доме виртуоза Босвела. Я хорошо запомнил тот резкий удар, показавшийся мне чем-то невероятным. Яркая вспышка. Шок. И пустота. Меня словно выкинули из внешнего мира, лишив возможности двигаться, кричать и даже думать.

Сквозь пелену бесконечного головокружения я услышал звон металла, выстрелы и сдавленные стоны. Вновь выстрелы и тишина. К жуткой головной боли прибавилась жажда.

Я отчетливо помню, как кто-то подал мне воды, расстегнул верхнюю пуговицу рубахи.

Опять обрыв.

Время растянулось для меня в некую величину не поддающуюся никакому логическому исчислению. Я падал и падал в какую-то темную дыру, не имевшую ни начала, ни конца, пока меня не выдернула наружу чья-то сильная рука.

— Ты как? Все в порядке?

Возможно, между двумя этими вопросами существовала настоящая пропасть длиной в несколько часов, а скорее дней. А дать на них ответ я смог гораздо позже.

* * *

Одноногий сидел напротив меня и, раскуривая трубку, смотрел куда-то вдаль. В первые минуты мне показалось, что мой спаситель всего лишь плод измученного воображения. Но оказалось, я ошибся. К моим коротким видениям, преследовавшим меня в дыре, куда я погрузился после удара в спину, образ Райдера ни имел ничего общего. Он был так же реален, как и все, что меня окружало.

Убранство комнаты напоминало скромную корабельную каюту. Никаких излишеств — только стулья, широкий стол и несколько подсвечников.

— Где я? — мой первый вопрос растворился в густых клубах дыма.

Закатив глаза, Райдер еще раз затянулся и тихо произнес:

— Ты завел себе весьма опасных друзей. Сыскари так просто не отступают. А я не собираюсь тратить свои силы за просто так.

— У меня больше нет монет, — разлепив ссохшиеся губы, прошептал я в ответ.

— Я говорю не о деньгах, — покачал головой одноногий. — Мне нужно знать, ради чего я рискую собственной командой.

Молчал я недолго, всего пару ударов сердца, а потом заговорил.

Наверное, со стороны мой рассказ напоминал жалобу на нелегкую судьбу юного проказника, но после всего случившегося

я должен был выговориться, и вот это наконец произошло.

Одноногий слушал внимательно, ни разу не перебив и не прервав меня вопросом, а когда я закончил, он просто встал и направился к двери. Я ждал от него жестокого вердикта, но вместо этого получил двусмысленное молчание.

Приоткрыв дверь, Райдер остановился, задумчиво опустил голову, словно что-то вспоминая, и немного помедлив, произнес:

— Занятная вышла история. Как-нибудь перескажешь ее на досуге еще разок. — И буркнув еще что-то неразборчивое, покинул каюту.

Глава 10
Через два небесных океана

Ловко выскочив на бушприт, я уцепился за крепление парусов, резко дернул, проверив их надежность, и вернулся на палубу.

— Ей, малец, погляди еще вон ту, — раздался с мостика надрывный голос старпома. Я оглянулся, проследил за его движением и, отсалютовав, стал стремительно карабкаться на мачту.

Наш полет длился шестой день, и до цели нашего недолгого путешествия оставалось всего несколько часов. Упиваясь небесным великолепием, я с небывалой легкостью выполнял приказы мистера Барибалы. Пузатый здоровяк, как оказалось, был правой рукой капитана Райдера, и пользовался немалым авторитетом в команде. Любая мелочь на нашем летающем гиганте не обходилась без его всевидящего ока. И хотя один его глаз был скрыт темной повязкой, он не испытывал неудобств и всегда оказывался в нужное время в том самом месте, где затевалось что-то нехорошее. Лично я дважды стал свидетелем его невероятной прозорливости.

В первый же день нашего восхождения мы наткнулись на пару летающих карсов, пожелавших испортить нам путешествие. Разместившись на краю крыла, они заметно затруднили управление кораблем. Последовав примеру летных, я схватил багор и попытался прогнать этих мерзких длинноносых тварей, которые к тому времени, почистив перышки, уже начали присматриваться к деревянной обшивке.

К несчастью, наши многочисленные попытки прогнать пернатых не увенчались особым успехом. Наши острые крючки немного не доставали до карсов, а когда один из летных,

перегнувшись через борт, проявил излишнюю прыть — птицы разозлились. Захлопав крыльями и издав душераздирающий вопль, они взмыли ввысь. Помню, кто-то даже порадовался, решив, что проблема упорхнула сама собой. Но не тут-то было. Потревоженные птицы не собирались сдаваться. Сделав круг почета, они устремились на своего обидчика.

Попятившись, напуганный летный отбросил бугор и бросился к капитанскому мостику.

Зависнув над парусами, карсы атаковали. Острые перья градом обрушились на бедолагу-летного и он едва успел увернуться. Но опасные птахи не собирались сдаваться, не дав передохнуть, они оглушили нас очередным боевым кличем и обрушили новую порцию острых игл.

Я схватил первое, что попалось под руку — деревянная крышка от пузатой кадушки защитила не хуже щита. А вот летному, побеспокоившему карсов, на этот раз не повезло: два пера воткнулись ему в ногу. От боли он запрокинул голову и, подвывая, стал кататься по палубе, даже не пытаясь увернуться от опасности.

Мы были в панике. Не зная, как справиться с подобной напастью, большая часть команды металась среди мачт, стараясь найти надежное укрытие. Именно в этот самый момент и появился старпом.

Хлопнув в ладоши, он гаркнул на нас, заставив выйти из ступора и перестать паниковать. Следом мистер Барибала начал командовать. Выходило у него это просто на загляденье. Четкие, рубленые фразы содержали максимум информации при минимуме времени.

Всего через пару секунд мы уже дружно меняли направление ветра, переставив паруса на противоположную сторону. Не ожидая такого поворота событий, карсы врезались в плотную парусину и с недовольными криками отправились восвояси. Маленькое сражение осталась за нами.

Распорядившись сменить рулевого и оказать помощь раненому, старпом сцепил руки за спиной и поспешно удалился к себе в каюту. Позже от беззубого Билла я узнал, что карсы опасны до тех пор, пока им не окажешь сопротивления — лишь после этого они бегут без оглядки, прищемив свои клювы.

Второй случай, когда Барибала пришел нам на выручку произошел на второй швартовке.

Небольшой Каймовый островок приютил нас всего на ночь. Приказ капитана был безапелляционным — всем оставаться на корабле, а любой, кто ослушается, действует исключительно на свой страх и риск. Я не сразу понял, к чему нужна такая

строгость?

У воздушного пирса, где пришвартовался наш летающий гигант, было более чем безопасно. Десяток легких строений, носивших, скорее всего, хозяйственное назначение и еще ряд жилых шалашей. Местные жители тоже выглядели вполне приветливо: улыбались, махали нам руками, некоторые из них даже умели общаться на материковом наречии. Но главным был тот факт, что никто из них не носил оружия. Я не заметил даже крохотных кинжалов — только трубки и бамбуковые палки за спиной.

Звезды стремительно заполонили небосвод, округа вспыхнула множеством костров и по острову поползли тягучие мелодии. Незнакомые мне инструменты играли приятно, создавая впечатление иллюзорности окружающего. Я словно слушал звуки ветра, деревьев, успокаивающий шум моря, но только не струны неведомых артистов. Спустя некоторые время в плавную мелодию вплелись женские голоса. Мягкие слова, вздохи усыпляли и расслабляли, обволакивая ночной дымкой безмятежности.

Подойдя к борту, я посмотрел вниз, уставившись в иссиня-черную рябь воды. От горизонта, прямо к нашему кораблю тянулась лунная дорожка, приглашая меня отправиться в дальнее путешествие.

Я смотрел на проплывающие облака, мириады звезд, ночной пейзаж и понимал, что нахожусь сейчас за сотни миль от привычного для меня мира. Там, где живут совсем по иным законам, и солнце светит слишком уж ярким белым светом.

Веки стали слипаться. Я уже не стоял, а плыл, медленно паря над высокими каменными постройками города. Уворачиваясь от высоких шпилей производственных цехов, возле которых кружили боевые крылопланы, я летел вдоль улиц, где, пыхтя как натруженные жуки, толпились механические повозки. Знакомые улочки, дворы, проулки — я упивался приятным зрелищем, вдыхая тяжелый запах городской гари.

Случайно в толпе мелькнула знакомая куртка. Я напряг зрение, присмотрелся. Неужели это я? Прозорливый Итар! Кто же еще? Безусловно — я! Я и никто другой. Совершив размашистое движение руками, я устремился вниз.

Небольшая пробежка. Я едва не упал, хотя в целом приземление прошло удачно. И вклинившись в толпу, стал одним из немногих, кто спешил по своим делам, выполняя заранее установленные задачи, функции, требования. Город-механизм не терпел хаоса — четкость во всем, вот каков был девиз Цеха механикусов. Только мне сейчас было не до прописных истин — меня больше интересовал таинственный двойник.

Мрачные лица, стеклянные глаза, механические движения — я не сразу понял, что те, кто меня окружают, совсем не похожи на обычных горожан. Винтики в огромном узле городского механизма. Даже слова, которые удалось мне услышать, отдавали туннельным эхом. Но и на эти очевидные детали я не обратил внимания.

Мой бег по собственному видению продолжается. Здесь я не чувствую усталости. Дотягиваюсь рукой до впереди идущего. Очень знакомая куртка, и старое масляное пятно на месте.

Поворот.

Я пошатнулся и замер.

Передо мной оказалось мое собственное лицо. Очертания, глаза, скулы — с одной лишь разницей. Мой двойник был полностью металлический, словно порождение искусного мастера, он являлся истинным воплощением безумного гения. Миниатюрные медные линии создавали овал черепа, две огромные шестерни напоминали мозг, а крохотные окуляры впитали в себя цвет голубых глаз — моих глаз!

Механическая рука медленно поднялась, и указательный палец осторожно коснулся моего плеча. Теперь уже я оказался в роле экспоната, приводящего в восторг моего механического двойника. Сотни, тысячи глаз уставились на меня. Чужака. Пришельца из другого города. Иного мира, где существует жизнь, а механика — всего лишь способ выразить свой талант.

Рука сомкнулась на моем плече — я почувствовал легкое покалывание, а чуть погодя тело обожгла жгучая боль. Я вскрикнул. Лица вокруг меня изменились. Стали злыми, острыми. Сотни механических людей, сложные конструкции города, созданного вовсе не из каменных глыб, а сотканного из металлических свай и пластин. Только теперь я понял, что вокруг меня все чужое! Лишенное жизни и плоти!

Я не сразу узнал Рифт в его былом виде…

— Хватит спасть! Очнись, новичок!

Меня словно выбросило на берег крутой волной. Один миг — и свет сменил полумрак ночи, высоченные строения — хлипкими лачугами, и не осталось и следа от медных жителей неведомого, но в то же время узнаваемого города. И разве что крепкая рука все еще сжимала мое плечо.

Мистер Пирси, наш рулевой, испуганно взирал на меня и, по всей видимости, уже собирался звать на помощь старпома.

— Со мной все в порядке, — я легко втянул дурманящий аромат ночи. Сколько же запахов собрала она сегодня в этом прекрасном месте? Тысячи, не меньше. Прохлада легкого бриза затерялась среди свежести зелени и пряностей, выложенных для

сушки трав и кореньев, а море добавило к этому аромату благоухание сушеной рыбы и бамбуковых заготовок.

— Опасное место, сынок. Разрази меня туча, если это не так!

Я с недоверием покосился на старика, хотя прекрасно понимал, что нет причины не доверять его словам.

— Вы бывали здесь раньше?

— Утащи меня Буй, если я поверну штурвал сюда еще хоть раз!

Взгляд рулевого заметался по острову, словно наш корабль пытались окружить ночные ворчуны, способные проделать дырку в любой, даже самой крепкой обшивке.

— Тогда откуда такая уверенность?

— А то сам не видишь? — уклончиво ответил старик, и недовольно шмыгнув носом, сплюнул за борт. — Ты глянь, тут же все кишит опасностью. Эти голожопые только с виду радушные хозяева, приютили на ночку и ходят лыбятся.

— И что же в этом плохого? — не понимая, куда клонит Пирси, продолжил я спор.

— Все плохо. Добра не может быть так много. Тем более, здесь — в Небесной пустоши. Что, удивлен? Не слыхал о такой? Так вот, тогда сиди и не спорь, а послушай-ка лучше, что про нее летные рассказывают… Просторы эти опасны в первую очередь своими облаками. Глянь, какие они большие, пузатые, — дрожащий палец рулевого уткнулся в линию горизонта. Дождавшись, когда я посмотрю на небо, голос продолжил: — Гиблые они, новичок. Ох, какие гиблые! Представь, летишь ты по бескрайним просторам, вдруг, хрясь, — ладони старика сомкнулись и издали глухой хлопок. — И перед тобой такая вот громила нарисовалась. Ну, приборы там, магнитные карты, все в порядке. А как попадешь внутрь — и день с ночью изменится, горизонт с небом махнутся местами, и сам уже не знаешь, то ли в этой ты жизни находишься, то ли в той…

Я завороженно смотрел на старика, не в силах понять, пугает ли он меня, или все это чистая правда? Но пока я размышлял, Пирси продолжил рассказ:

— Бывало, что Потерянные — так мы называем летных, что попали в небесный капкан, — появлялись вновь… Только это были уже совсем другие люди. Голова вся седая как лунь, хотя со дня их исчезновения прошел день или неделя, да ко всему прочему плетут всякую чушь о летающих тварях, что способны пожрать само пространство.

Я почувствовал, как по коже побежал морозец. На материке, в отличие от свободных островов, ничего подобного не рассказывали. Даже Граничные торговцы, от которых всякое

можно услышать, никогда не упоминали о потерянных кораблях и чем-то похожем.

— А островитяне знают, что творится в небесах?

— Думаю, да. — Рулевой прищурил глаза и покосился на ближайшие шалаши. — Этим хитрецам ведомо гораздо больше, чем нам. Все эти истории родились не на пустом месте, сынок. Да и на островах у них худого хватает. Ты думаешь, капитан по доброте душевной нам на берег запретил спускаться? Нет, я его хорошо знаю, не первый год с ним вместе летаем… Опасается он за нас. Дурное чует, вот и предупредил. Так бы я уж давно к местным мулаточкам в гости наведался. Я в этом деле знаешь какой… О-го-го! Только начну, не остановишь…

Обнажив пеньки старых, сгнивших зубов, Пирси хищно улыбнулся и ловко притопнул ногой.

Рулевой уже собирался перевести разговор в иное русло и поведать мне о своих любовных приключениях, но я вовремя остановил его, задав очередной вопрос:

— А бывали случае, что аборигены нападали на летных?

Старик мгновенно погрустнел. Обветренное лицо осунулось, и выцветшие глаза стали пронзительно синими. Подозвав меня ближе, он огляделся и тихо прошептал на ухо:

— Можешь не верить, но лично мне кажется: здешние поселенцы одержимы…

— Как это? — удивился я.

— Да очень просто. Есть тут поблизости один островок, называют его Серым поплавком, ну навроде удильной принадлежности. Когда к нему подлетаешь, создается впечатление, что он покачивается на волнах. Хотя о чем это я… Один штурман сболтнул — остров тот и правда двигается, смещается то в одну, то в другую сторону. Но не это самое странное. Приземлялись мы как-то на Поплавок, и знаешь, что там произошло?..

Рулевой заговорщически оглянулся и продолжил:

— Поначалу все шло вроде бы хорошо. Мы праздновали удачную вылазку в Стронцу, где продали весь табак из Лукретца. Веселье устроили знатное: ромус, дурманящий лист, южные фрукты. Но после полуночи — праздник закончился. Мы не сразу разобрали, что произошло, а когда, наконец, поняли, было уже поздно. Они накинулись на нас, словно пантеры… черные тени, способные только убивать… крик, кровь, боль — вот как нас встретили на Поплавке…

— Это были звери?

— Звери, а кто же еще, Итар их забери! — всплеснул руками Пирси. — Поджарые, низкорослые, с горящими глазами! Сущие

твари, не иначе! И зубы такие острые — словно добинские иглы.

— А откуда они взялись?

— Знамо откуда, из деревни. Я же к чему и говорю: с аборигенами связываться себе дороже. Ходят слухи, что они специально выпивают какую-то дрянь и становятся одержимы, вот оно как…

Живая картина настолько отчетливо нарисовалась в моем воображении, что я едва не вздрогнул от ужаса. Люди рвали людей на части. Да как такое вообще могло произойти?!

— Почему они так поступили?

— Да кто ж его разберет? — пожал плечами старик. — Может, прогнать нас хотели, а может, полакомиться решили человечиной. Я же тебе о чем и талдычу: Небесные океаны — гиблое место, не заплутаешь, так в силки попадешь. Не погибнешь в небе, так на земле глотку перегрызут…

— Осторожнее! Смотрите, там!

— Куда он лезет! Совсем ополоумел!

— Хватай его! Помогай!

Десятки голосов обрушились на нас со всех сторон. Я резко повернул голову и ахнул. Один из наших — кажется, его звали Перстом — перемахнул через борт и, очутившись на берегу, беззаботно растянулся на песке. Но не это заметил дозорный со своей вышки. Рядом, всего в паре футов от берега, возле двух пальм показались черные тени.

Если бы не рассказ рулевого, я принял бы их за пару неподвижных валунов, но сейчас мне удалось уловить в сложной игре света и тени легкое движение.

Люди?

Точно — люди!

Догадка оказалась еще кошмарнее рассказа Пирси. В ночи возникли горящие огнем буркала и угловатые формы худощавой фигуры распрямились… Миг! При всем своем умении и помощи команды Перст не успел среагировать — нападавшие оказались быстрее молнии.

Жадно чавкая, они впились в его тело, разрывая его в клочья. Захлебываясь собственной кровью, летный попытался отползти к воде, но не тут-то было. Одержимые не собирались отпускать жертву.

Я стоял, замерев на месте и четко осознавая, что не могу сделать и шага. Все тело сковало такой ледяной коркой, словно я превратился в одну из статуй первых механикусов, стоявших в летнем парке Пара-винта.

— Пошли прочь! — один из летных, высокий бородач в широких штанах и жилетке, ловко спрыгнул за борт и, обнажив

кривую саблю, стал приближаться к аборигенам.

— Стоять! Не сметь!

Голос старпома обрушился на нас сверху как раскат грома.

Команда замерла в исступлении, и только бородач не остановился, продолжая осторожно двигаться вперед.

Несчастный уже не орал, а тихо постанывал. Его тело непроизвольно содрогалось под напорами ненасытных ртов. Чавкающее хрюканье стало отчетливо слышно даже на корабле, а вскоре раздался хруст ломающихся костей.

— Будьте вы, прокляты, итарово отродье! — взревел бородач и занес саблю для удара. В этот самый миг его запястье оплел кнут старпома.

— Не сметь!

Тело летуна дернулось и повалилось на землю. Барибала оказался возле бородача и, прижав того коленом к земле, одним ловким движением отобрал оружие. Затем он повернулся к нам и, указав на одержимых, произнес:

— Напасть на них — значит умереть! Помочь жертве — значит умереть! Попытаться спасти — умереть! Варус, выпускай…

Летный отсалютовал и отпустил с цепи огромного пса, на котором, будто на гирлянде, висели связки каких-то весьма вонючих плодов. Пленник припустился прочь, а старпом задорно присвистнул.

Одержимые отвлеклись, и заводили носами, будто голодные волки. А уже через мгновение они на четвереньках помчались вслед за четвероногим.

Дождавшись, пока одержимые не исчезнут в ночном сумраке, старпом подошел к безжизненному телу летуна и повязал ему на запястье красную ленту — в знак воздушной традиции. Именно такой дар должен был принести мертвец, попав на суд к воздушному покровителю Икару.

Утром мы отвязали концы и стали медленно набирать высоту, оставляя за спиной прекрасный пейзаж опасного острова. Аборигены весело кричали, улюлюкали, провожая нашу летающую крепость. С наступлением солнца их неведомая болезнь исчезла без следа, оставив после себя лишь неприятный привкус крови и багровые следы на песке.

* * *

— Чего застыл? Живо к капитану! — рявкнул мне на ухо старпом и, смерив меня злобным взглядом, толкнул в спину.

Недавние воспоминания в одну секунду рассеялись, словно дымка над водой, и я поспешил в верхнюю каюту.

На мой неуверенный стук послышался слегка хрипатый голос

одноногого. За долгий месяц путешествия мне так и не удалось перемолвиться с ним словом. Райдер не часто появлялся на палубе, проводя время в уединении, как мой бывший наставник виртуоз Босвел.

— Проходи, садись, — холодно произнес одноногий.

Сам он расположился возле небольшого секретарского столика.

Прикурив трубку, капитан долго изучал какие-то пожелтевшие бумаги, а затем, не глядя на меня, поинтересовался:

— Та история, что ты рассказал мне… Могу ли я верить твоим словам?

— Мне нет выгоды врать, тэр, — не раздумывая, ответил я.

— Стало быть, ты действительно какое-то время был в услужении у гнома-великана и даже умудрился побывать с ним в Ржавом городе…

— Так и есть, — кивнул я в ответ.

Капитан отложил исписанный лист в сторону. Затем глубоко затянулся и выпустил наружу клубы сизого дыма.

— Ты говорил, его рука была механической. Верно? Точно ли ты запомнил: правая, а не левая.

— Безусловно, — вновь откликнулся я.

Оказавшись возле стола, одноногий уткнулся в небесную карту, по которой осторожно со скрипом передвигались металлические конструкции облаков и воздушные караваны тянулись с запада на восток, создавая настоящий небесный тракт, отмеченный тонкой красной нитью. Подобное чудо техники, созданное искусными кранксами, мне не раз приходилось видеть на материке, но здесь, в свободных землях, где презирали технический прогресс и любое изобретение механикусов, подобная вещь была явна в диковинку. Я искренне удивился, но спросить капитана о ее происхождении так и не решился.

— Тебе знакома эта конструкция? — одноногий указал на карту.

— Мне приходилось собирать подобный механизм, когда я служил у моего учителя, виртуоза Босвела, — честно ответил я.

Капитан кивнул:

— Что ж, это хорошо. Видишь эти два полукружья? — капитан обрисовал рукой огромное пространство. — Мы называем их Небесными океанами. Мир, который живет по неведомым нам законам. Можно долго рассказывать о тех чудесах, что творятся в его пределах, но найти им хоть какое-то внятное объяснение — невозможно. Направление ветра и общие ориентиры здесь не поддаются никаким законам, впрочем, как и все на свободных островах. Именно по этой причине я пользуюсь

механической картой… — Правая линия широты, которая должна была перемещаться вместе с движением корабля, внезапно остановилась и задрожала будто струна. — Гадский гоблин! — прервав беседу, прорычал капитан и, потеребив металлические крепления, пожаловался: — Всегда заедает… Ну что ты будешь делать?

— Это все из-за пружины, она, видимо, совсем проржавела. Если желаете, я могу посмотреть, — тут же откликнулся я.

— А сможешь?

— Да раз плюнуть, — откликнулся я и, не дожидаясь позволения, принялся откручивать расположенные в углах крепления.

Управился я не так скоро, как хотел, но в целом капитан остался доволен и даже похвалил меня. Если бы он только знал, каких усилий стоила мне эта, казалось бы, незначительная поломка, он никогда не назвал бы работу "отличной". Механизм лишь внешне выглядел безупречно, а вот внутри творилось нечто невообразимое. Ржавые детали увязли в толстом слое вековой пыли, а от смазки не осталось и следа. Я был поражен — как вообще этот механизм до сих пор функционирует и умудряется сбиваться лишь на один градус в сутки?

Я поправил маховик, подтянул крепежи и сделал неутешительный прогноз:

— Вам повезло, что эта карта все еще работает, тэр.

— Неужели все так критично? — удивился капитан, осторожно выглянув у меня из-за плеча.

— А как же? — всполошился я, даже не почувствовав, насколько приятно ощущаю себя в привычной среде. Проверив еще два узла, я неспеша принялся объяснять: — Вот здесь вот кривошипно-шатунный механизм почти вышел из строя. А тут — поршень едва работает. Так что, на мой взгляд, еще неделя — и ее смело можно отправлять на свалку.

Райдер заметно погрустнел.

— Да, действительно, дело плохо. В Небесных океанах без карты никуда. А лететь нам как минимум один лунный цикл, — и после недолгой паузы поинтересовался: — Скажи, а может быть, что-нибудь можно придумать? Ну, подлатать там, например, или что-то поменять, переставить? Прости, я плохо в этом разбираюсь…

— Сейчас посмотрим, — растерянно оглядев конструкцию и прикинув, что к чему, я стал перечислять: — Мне понадобится: ветошь, машинное масло, набор ключей и…

Капитан внимательно выслушал, и уже через десять минут у меня были все необходимые вещи. Еще раз бегло осмотрев

сложный кранкский механизм, я решил начать с шестеренок: подтянул крепления, хорошенько их смазал и, перепроверив работу, остался вполне удовлетворен.

— Знаешь, раньше было куда проще, чем сейчас, — стараясь не отвлекать меня от работы, тихо произнес капитан. — Ни тебе тяжеленных машинерий и самозаводящихся вещичек типа этой. Все проще и легче…

— Но ведь они вам помогают! — Уже зная как одноногий относиться к прогрессу, я все-таки удивился.

Но у него и на это нашелся вполне вразумительный ответ.

— Все очень просто. Механизм лишь поначалу работает на своего создателя, а потом происходит необратимое и они меняются местами — создатель становится рабом своего детища. Так называемая зависимость.

— Я о таком никогда не слышал, — честно признался я.

— Уверен? Тогда попробуй вспомнить свою жизнь на материке.

И тут меня словно осенило. Из памяти, как из табакерки, выпрыгнули манипуляторы — лишенные контроля и способные выполнять лишь запрограммированную функцию. Уж не их ли имел в виду капитан?

— Механикусы всегда были слепы в своем выборе. Для них была важна сама цель, а не последствие, — скрывшись за клубами дыма, вкрадчиво прошептал одноногий. — Да что там говорить: долгие годы я ошибался, доверяя лишь неумолимому прогрессу, который несся вперед с бешеной скоростью. Безумный монолотив, сносящий все на своем пути. Но когда-то он должен был сломаться. И это произошло именно на Рифте, месте, где никогда не существовало правил и запретов. Знаешь, Ржавый город всегда напоминал мне здешние просторы. Только небо, море и сотни лиг настоящей свободы.

— Вас сковали законам? — предположил я, припомнив рассказ Хвоста.

Райдер грустно улыбнулся и покачал головой:

— Мы сами загнали себя в ловушку. Пошли слишком легким путем. Решили, что машинерии способны полностью нас заменить. Понимаешь? Полностью. Зачем утруждать себя? Копать, переносить, колоть, если за тебя это может сделать ратник…

— Ратник?

Во взгляде капитана появилась некая тревога.

— Я совсем позабыл… В твоем рассказе их звали манипуляторами. Это вначале они казались бесценными помощниками, а сейчас, по всей видимости, они обычные стражи ржавой равнины. Псы на поводке, способные только лаять и

огрызаться на непрошеных гостей.

— Получается, что машины вышли из-под контроля? — как мне виделось, я дал вполне правильный ответ, но одноногий не согласился со мной.

— Уверен, что нет. Даже умудренные в своем деле кранксы не способны вложить в созданную им вещь человеческий разум. Впрочем, давай не будем ворошить прошлое… Ну, что у тебя получилось?

Я отложил инструмент и продемонстрировал капитану работу.

— По-моему, великолепно!

— Надеюсь, мы дотянем до намеченной цели, — я стер со лба пот и завел хорошо смазанный механизм.

Карта протяжно скрипнула, выказывая свое нежелание работать, затем защелкала и после недолгого ожидания стремительный бег механизма начался вновь. Символ нашего корабля — крохотный треугольник — устремился на запад, а фигурки островов, облаков и других небесных путешественников стали медленно плыть вдоль металлических границ.

— Слава, Икару! Тебе удалось оживить эту старую, скрипучую гадину, напоминавшую мне о подагре, — расплылся в улыбке капитан. — Клянусь бурей, мы достигнем Глаага точно в срок.

Наверное, даже подслеповатый Керк, что служил на корабле дневальным, заметил бы, как я изменился в лице. Мысль о том, что мы вновь окажемся на земле, и надо мной нависнет угроза столкнуться с опасными преследователями, заставила содрогнуться. Даже два небесных океана не смогут остановить свободных сыскарей, если они получили контракт.

Заметив мое волнение, капитан задумчиво побарабанил пальцами по столу и вскоре изрек:

— Предлагаю тебе сделку… — я открыл было рот, но одноногий незамедлительно пояснил: — Твоя безопасность — в обмен на небольшую услугу…

— Что я должен сделать?

— Ничего невозможного, — попытался меня успокоить Райдер. — Тебе необходимо всего лишь повторить свой рассказ, слово в слово.

— И только? — удивился я.

— Абсолютно. Большего я от тебя не требую.

— Кому же будет интересна моя история?

Капитан внимательно посмотрел мне в глаза, словно решая — стоит мне знать ответ на этот вопрос или нет, и, видимо, так и не сделав выбор, уклончиво ответил:

— Ее хочет услышать один мой старинный приятель, живущий на самой окраине Глааги.

Иной информации мне знать не следовало.

Немного подумав, я согласился. Мой скудный выбор все равно не оставлял мне другого варианта.

Ударив по рукам, я бросил взгляд на механическую карту, которая, надо заметить, худо-бедно, но продолжала работать и, поклонившись, оставил капитана наедине со своими мыслями.

Глава 11

Суеверия и предрассудки

'Подать узел' на этот раз мне удалось с первого раза. Я долго целился в узкую прорезь огромной металлической платформы и, наконец, рискнул. Одним движением руки направил узел точно в цель. Вуаля и канат змейкой угодил в приготовленное для него отверстие. Теперь наш летучий корабль мог швартоваться.

Скрипучий механизм колеса заработал на полную и вскоре наш красавец, выпустив пар из воздушных резервуаров, покачиваясь, приземлился на подготовленную площадку. Двое неугомонных гоблинов — служители посадочной платформы, еще долго размахивали флажками, указывая нам на лучший вариант, но капитан, отдав приказ, стал стремительно спускаться вниз.

— Подавай мостик, криворукий малек! — скомандовал старпом.

Сэм и Нилс, братья близнецы, исполнили все в лучшем виде. Деревянные края вошли в пазы, дерево затанцевало под тяжелой поступью Райдера, и уже через мгновение он вступил на твердую поверхность.

— Нельзя, нельзя! — засуетился один из гоблинов, тот, что носил на голове смешной остроконечный колпак. — Подъем, потом, сноваааа вниз! Слишком криво, может быть крен!

Капитан обернулся, сделал мгновенную оценку и вынес свой вердикт.

— Не стоит беспокоиться. — Потом нашел взглядом меня, и грозно сдвинув брови, погрозил пальцем, мол, почему это я все еще на корабле.

Отсалютовав в ответ, я подхватил сумку с инструментом, подаренную мне капитаном, и прыгнул за борт.

Перед тем как мы очутились на узких улочках Глааги, нас поджидал еще один неприятный служитель воздушного порта. Коротконогий кранкс, указывая на нас пером, уже спешил не выпустить нас с поляны.

— Погодите, господа! Не спешите, господа!

Едва не потеряв свою толстенную кожаную тетрадь, кранкс весьма проворно проскочил в арку, и встав там, словно пробка в бутылке, попытался для начала отдышаться.

— Очень своевременно, господа хорошие, — наконец пробухтел он себе под нос и прежде чем внести очередную запись, поинтересовался: — Позвольте уточнить: откуда вы прибыли в наши края?

— Разве это столь важно? — удивился капитан, пытаясь обойти внезапную преграду.

— А как же? Еще как важно! — широкое лицо кранкса расплылось в масленой улыбке. Сделав шаг вбок, он лишил одноногого последнего шанса избежать неприятного разговора.

— Не вижу необходимости отчитываться перед вами, — не растерявшись, ответил Райдер и попытался обойти сборщика с другой стороны.

— Поспешу с вами не согласиться, милостивый капитан. — Узрев на рукаве капитана потертую от времени нашивку, кранкс попытался рассмотреть рисунок. Остановив одноногого, он прищурился и, нервно покусывая перо, стал шептать известные ему символы тэров.

— И без этой информации никак нельзя? — решив играть по правилам бюрократа, деланно удивился Райдер.

— Ни единой возможности, — раздался в ответ тяжелый вздох. — Новые правила требуют жесточайших мер. Мистеру Сквайру, нашему любезнейшему господину, который, между прочим, входит в городской совет, жизненно необходимы подобные сведенья. Вопрос безопасности как-никак. Не поймите меня превратно. Да вы ведь и сами все понимаете, мистер. Э-эээ простите…

— Капитан Райдер. Свен Райдер.

— Ну конечно же, тэр Райдер. Мы наслышаны о вас и вашем великолепном дирижабле. "Купер", так, кажется, его название?

— В самую точку, — согласился капитан.

— Бесспорно, это прекрасный корабль, — восхитился кранкс, хотя мне показалось, что в его словах не было и капли искренности. — Ветер донес слух, что вы весьма состоятельный ловчий.

— Именно по этой причине я и не хотел бы распространяться о цели своего визита и подобных регистрационных мелочах, которые не играют существенной роли. Не так ли, мой дорогой друг?

Сборщик заискивающе уперся взглядом в капитана. Разговор явно был ему по душе.

— Конечно же, прославленный капитан прав. Тысячу раз прав, но, к сожалению, я не могу ослушаться своего господина. Мистер Сквайр весьма суров со своими служащими и порой никакие увещевания не могут усмирить его безмерной ярости…

— Но даже у самого сурового тирана существует пята — так сказать, слабое место, — заметил капитан.

— Увы, — кранкс мгновенно изменился в лице, изобразив печаль. — Отыскать у мистера Сквайра столь ценный ключик не так-то просто. Это требует, как вы понимаете, определенных затрат.

Капитан хмыкнул, и коротко кивнув, сунул в руку кранкса несколько латунных монет. Оценив размер вознаграждения, тот низко поклонился и, не произнеся больше ни слова, проводил нас до самого выхода, при этом его лоснящееся лицо светилось от радости не хуже прожектора.

— За подобное вымогательство у нас давно бы окольцевали, — задумчиво произнес я, проводив взглядом сборщика.

— Окольцевали?

— Ну да, достаточно эффективный способ для борьбы с типами вроде этого хорька.

Видимо, капитан был не в курсе тех методов, что использовали в своей работе блюстители.

— Знаете, это такие металлические рукавицы.

— И они способны отучить от пагубного пристрастия? — удивился Райдер.

— Я думаю, что эта мера устрашения используется скорее для остальных горожан. Клеймо блюстителей — хорошее предупреждения для любого, кто собирается преступить закон.

— Вот как? — глаза капитана округлились.

— Да, подобная жесткость законников известна всем с самого детства. Оступившись, любой житель города получает от блюстителей грубую метку. Знаете, в детстве я боялся этого знака

больше, чем ячменной чумы.

— Серьезные меры, — согласился капитан.

— Обычные.

— Но не для них, — капитан обвел рукой свободные улицы города, совершенно не похожего на Плакту. Ни единой машинерии, даже самой захудалой ветрянки. Удивительный мир островов.

Мы двинулись вверх по улице вдоль одноэтажных каменных домов, которые словно вырастали из огромных, покрытых мхов валунов. Крутой подъем был всего лишь подножием горы, но даже тут ощущался крутой нрав этого гиганта. И чтобы не будоражить беспокойного соседа, жители Глааги строили дома как продолжение природного ландшафта.

Узкие улочки напоминали мощеные булыжниками ступеньки, где вверх-вниз сновали груженые повозки, да так умело, что я просто диву давался их изворотливости. Приближаясь к какой-либо преграде, извозчик издавал звук на подобие "хой" и в эту самую секунду остальные участники движения мгновенно расступались, включая тормозной механизм своих повозок. Рычаг с деревяшкой на конце повозки начинал скрипеть, но останавливал груженую махину. Затем следовал повторный сигнал, и процессия двигалась дальше, не создавая заторов в движении.

Со стороны это цепочка невысоких смуглых людишек напоминала неутомимых муравьев.

— Я чувствую себя мастером среди сборища дикарей, — пробурчал я себе под нос, однако капитан меня услышал.

— Если бы мир вокруг нас определялся только прогрессом и ничем больше, я бы непременно с тобой согласился.

— А разве это не так?

Райдер покачал головой:

— Многие из них бежали с материка не только из-за губительной силы механического нашествия, но и от его последствий.

— Я не совсем понимаю, о чем вы тэр?

— Скажи, ты знаешь, почему правила "Параменика" настолько строги?

— Вероятно, по причине большого количества брака в работе неопытных механикусов, — произнес я первое, что пришло в голову.

— По сути своей так оно и есть. Но подобный ответ является лишь поверхностью истинной причины. Гильдия боится не недоучек, способных обгадить самую великолепную идею. Они опасаются, что материк настигнет участь Рифта.

— Вы имеете в виду мятеж?

Капитан нахмурился.

— Мятеж по своей природе не так страшен, если его цели пусты, а поддержка ничтожна. О нет, юноша, я веду разговор совсем о других материях. То, что случилось на Рифте, нельзя отнести к разряду обычного бунта. Тогда власть столкнулась с более серьезной проблемой, чем им показалось вначале. И в этом их огромная ошибка. Именно она стала причиной последующих неверных шагов.

Я обратился в слух, приготовившись слушать. Но капитан, указав на деревянную вывеску " Горный ковш" радостно сказал.

— Кажется, нам сюда, — и интереснейшая беседа закончилась, так и не успев начаться.

Таверна была весьма скромной — всего три круглых стола и хозяйская стойка, за которой возвышался представитель семейства циклопов. Облаченный в кипельно-белый фартук и темную бандану, он умело протирал тарелки, недовольно поглядывая на пустое помещение.

— Ого-го-го, Луцлаф! Не морщись, иначе Икар никогда не проявит к тебе свое великодушие.

Мгновенно отложив свое скучное занятие, циклоп кинулся навстречу капитану. Два быстрых шага, — и от его объятий у Райдера затрещали кости.

— Ну, довольно, дружище. Хватит, а то меня потом придется собирать по частям, — простонал капитан.

Поставив гостя на место, циклоп вытер глаз, который уже начал слезиться и, не обращая на меня внимания, пригласил капитана к столу.

— Какими судьбами, мой спаситель? — поинтересовался Луцлаф.

— Хотелось бы сказать, что проездом, но это не так, — отмахнулся капитан.

— Ладно, к Итару все разговоры, давайте-ка для начала я вас хорошенько накормлю. Эй, юноша, ну что стоишь столбом? Присаживайся рядом. Или испугался моей физиономии? Не бойся, я не кусаюсь! — циклоп хлопнул Райдера по плечу и оба громко рассмеялись.

Я приблизился, присмотрелся к лицу Луцлафа и вздрогнул. Те глубокие морщины, что издали, выглядели достаточно безобидно, оказались глубокими уродливыми шрамами. Извилистые швы походили на впадины с узкими поперечными линиями. Но главное, их было такое бесчисленное количество, что создавалось впечатление, будто лицо циклопа соткано из множества крохотных лоскутов песочной кожи.

— Ты что, и вправду никогда раньше не видел одноглазых? Я слышал, в Плакте их живет не так уж мало.

— Наши совсем другие, — растерянно ответил я. — У них лица содержат множество родовых татуировок и они на голову меньше вас, мистер…

Циклоп подошел ближе и, указав на шрамы, пояснил:

— Так обычно выглядят наши северные братья. Рисунки на их лицах напоминают о прошлом величии, а мои — о прошлых ошибках. Понимаешь?

— Кажется, не совсем.

Однако циклоп и не подумал объяснять. Вместо этого он вновь рассмеялся, и на этот раз так громко, что с потолка посыпалась соломенная крошка.

Принимали нас как дорогих гостей, от снеди, выставленной на стол, трещали подпорки и к середине трапезы я понял, что если съем еще хотя бы кусочек, то обязательно лопну. Капитан же, в отличие от меня, и не думал останавливаться, продолжая набивать брюхо.

Циклоп с радостью суетился вокруг нас, время от времени поднимая с Райдером бокал во славу их прошлых побед!

— Он летал с вами на " Купере"? — улучив момент, поинтересовался я у капитана.

— Конечно же нет, мой друг, — дожевав мясо и запив его вином, откликнулся Райдер. — Луцлаф осел в Глааге еще до моего вступления в ряды ловчих пара. Порой мне кажется, что он живет здесь целую вечность. Весьма мягкие порядки и размеренная жизнь изменили моего друга до неузнаваемости. Если бы ты только знал, каким могучим воином он был раньше.

— Почему бы вам тогда не предложить ему присоединится к нам, и принять его в члены команды?

— О нет, юноша! Луцлаф не согласится, — отмахнулся капитан. — Слишком много времени прошло с тех пор, как он держал в руках оружие. К тому же циклопы жутко боятся летать. Я слышал, что даже сюда, на Глаагу, мой друг добирался морем, что заняло у него целую прорву времени.

В этот момент циклоп выпорхнул из кухни, держа в своих лапищах огромный поднос с жареной индюшкой в окружении диковинных фруктов.

— Нет-нет, ни в коем случае, — мгновенно запротестовал капитан. — Я ценю твои кулинарные способности, мой друг, но еще один кусочек разорвет меня в клочья, — в знак подтверждения своих слов Райдер похлопал себя по выпирающему пузу.

Дальше последовал долгий и, на мой взгляд, весьма скучный

разговор, наполненный множеством абсолютно без интересных воспоминаний.

Вначале капитан перечислил с десяток незнакомых мне имен, а циклоп, уставившись в одну точку, грустно кивал, временами протяжно вздыхая и потягивая вино. Потом они поменялись местами и история повторилась.

Стараясь не мешать задушевному разговору, я незаметно выскользнул на улицу и, облокотившись на каменную стену, принялся с интересом наблюдать за жителями Глааги.

Ростом они были гораздо ниже жителей материков, а самый высокий из них доставал мне разве что до плеча. Однако этот недостаток с лихвой компенсировала природная крепость — широкие в плечах, они могли претендовать на явное родство с гномами, и лишь отсутствие растительности на лице и голове отличало их от жителей рудников.

Одежду островитяне носили свободную и одновременно весьма простоватую: мужчины — холщовые штаны и рубахи; женщины предпочитали халаты или всевозможные юбки с сорочками, и даже знатные по виду товарки отличались от простых трудяг лишь изящной вышивкой и насыщенным цветом ткани.

В целом мне здесь очень понравилось. Неспешный ритм жизни сильно отличался от городского. Островитяне никуда не спешили. И даже если где-то в толпе раздавались возмущенные возгласы, заставлявшие поторопиться, они быстро стихали, и все возвращалось на круги своя. Размеренность и медлительность опутывали город у подножия горы.

— Вы не могли бы мне подсобить? — раздался низкий мужской голос.

Деревянная повозка, груженная тяжеленным белым кирпичом, лишившись одной из опор, держалась исключительно на одном колесе. С другого же края, вцепившись в борт и пытаясь дотянуться мыском ноги до потерянного колеса, стоял короткостриженый тянульщик. Судя по выражению его лица и испарине, выступившей на висках, держался он из последних сил.

Подскочив, я ловко подхватил деревянный борт повозки и дополнительно подпер его металлической шпалой, которую прихватил у входа в " Горный ковш".

Извозчик среагировал мгновенно. Подняв колесо, он тут же приладил его на место, несколько раз глухо ударив по нему киянкой.

— Благодарствую, молодой путешественник, — прижав руку к груди, извозчик низко поклонился. — Мое имя — Эл-Сид. Если понадобится помощь, только попроси, меня здесь все знают.

Всегда буду рад отплатить вам той же монетой.

— Спасибо, но, надеюсь, не пригодится. — Отряхнув куртку, я уже собрался было идти, но его голос заставил меня остановиться.

— Я бы и сам рад, только неспокойные нынче времена.

— Почему это? — опешил я.

— Калуку говорит: слишком много чужаков, жди беды. Время войн и сражений всегда приходит вместе с теми, кто прибыл к нам из-за большой воды.

— Калуку? — вырвал я из всей фразы непонятное мне слово.

Эл-Сид кивнул и указал на утопающий в небесах пик горы. Покрытый снегом склон выглядел довольно устрашающе — тонкие иглы вершин тянулись с запада на восток, создавая вид непреодолимой преграды, перед которой не могут устоять сами боги, и рваные облака были прекрасным тому доказательством. Мой взгляд опустился чуть ниже и сквозь надвигающийся сумрак я смог различить темные кроны деревьев — там, по всей видимости, не так давно случилось настоящее бедствие. Последствия пожара захватили огромную площадь и даже у последних городских домов возвышались обгоревшие груды пеньков.

— Он наш покровитель. Только благодаря ему мы все еще встречаем рассвет и вкушаем дары природы, — приложив руку к груди, раболепно прошептал Эл-Сид.

— Повезло вам с благодетелем, — решив не спорить, согласился я.

Попрощавшись, я уже собирался вернуться в таверну, но извозчик схватил мое запястье и быстро прошептал.

— Бойся ночного света, он наступает тебе на пятки и любая преграда на его пути — лишь испытание. — Его испуганный взгляд уставился на меня, будто на прокаженного.

— О чем это вы?! — возмутился я.

Тянульщик вновь стал прежним, исчезла бледность, дрожащий рот вытянулся в тонкую линию. Низко поклонившись, он в очередной раз поблагодарил меня за помощь и продолжил свой нелегкий путь в гору.

— Постой! — крикнул я ему в след, но он меня не услышал. Скрипучая повозка быстро исчезла среди узких проулков каменных домов.

Вернувшись в таверну, я устало присел напротив капитана. Зал был покружен в серую пелену табачного дыма. В отличие от Райдера, циклоп курил трубку с длинным мундштуком и делал это с таким изяществом, словно передо мной сидел не здоровяк, а манерный аристократ.

— Выходит, Латунный гигант не смог справиться с ним, — тяжело вздохнул Луцлаф.

— Я доверяю парню, и не думаю, что он мог спутать, — кивнул капитан.

Только сейчас я понял, о ком идет разговор, и немного напрягся.

— Голову даю на отсечение — на всем материке мы больше не сыщем такого высокого гнома, — хлопнул по столу капитан.

— Да уж, Хром всегда отличался от своих собратьев, — согласился циклоп.

Капитан повернулся в мою сторону и попросил:

— Пришло время выполнить уговор. Расскажи ему все, что знаешь. А лучше начни с вашего путешествия на Рифт. Я тебе скажу, Луцлаф, весьма занимательная история.

— Небесные силы, ты это серьезно? — циклоп едва не подпрыгнул на бочке.

— Провалиться мне на месте, — взревел капитан и подал мне знак начинать.

Вспоминать последние дни, проведенные в Плакте, оказалось не так уж просто. Постоянно сбиваясь, я едва смог пересказать историю своих злоключений до середины, когда Луцлаф остановил меня, и тяжело вздохнув, опустил голову.

— Не думал, что настанет время, и я вновь услышу о ставрийце еще хоть слово.

— Сам Икар даровал нам шанс заплатить сполна за наших братьев, — согласился капитан. Только в отличие от своего старого друга, как мне показалось, Луцлаф имел на данный счет противоположное мнение. Виновато посмотрев на Райдера, он устало поднялся, добрел до камина, над которым имелась полочка с памятными безделушками, и зажег огромную земляного цвета свечу.

— Ты чего? — удивился капитан.

Взяв паузу, циклоп прикоснулся указательным пальцем к огромному пепельному камню, похожему на огромное яйцо, и осенил себя странным знаком — приложив указательный палец ко лбу. И совершив странный ритуал, ответил:

— Все это пустое. Пускай прошлое остается прошлым. От наших ошибок сохранились только ржавые балки и заброшенный город на самом краю света. Возвращаться туда — не самая лучшая затея. Калуку не любит, когда беспокоят тех, кто ушел в долину истины.

Второй раз за сегодняшний день я слышал от островитянина имя местного божества, и вновь перед моими глазами возник недосягаемый пик великой горы, где, по всей видимости, обитал

загадочный покровитель Глааги.

— Да в своем ли ты уме? — не на шутку возмутился одноногий.

Еще одна свеча вспыхнула ярким, слегка голубоватым пламенем.

— Неужели ты все позабыл?! — не унимался Райдер.

К двум огонькам присоединился третий.

— Мы же поклялись! — не выдержал капитан.

Наконец Луцлаф повернулся — его глаз скрывала мокрая пелена.

— Именно поэтому я и не желаю больше крови. Думаешь, ты один помнишь тот проклятый день? Хватит! Мне надоело прятаться от теней, которые приходят по ночам. Пора успокоиться. И перестать тешить себя иллюзиями. У меня получилось. Советую и тебе поступить также!

— Советуешь? По-твоему, честно предать близких людей и бежать подальше, скрывшись за толстыми стенами убежища?!

— А что ты прикажешь мне делать? Вернуться на материк и отыскать причину всех наших бед? Выпустить ему кишки и посмотреть последний раз в глаза ненавистному врагу? Считаешь, что это нас спасет?!

Потерев глубокий шрам на левой щеке, циклоп обессиленно развел руками.

— Посмотри на что мы стали похоже, Рай. Сколько сил, сколько жизней было принесено в жертву. А что взамен? Где мы с тобой оказались? Ты вечный ловец, у которого вместо крова скрипучие доски под ногами, а я — забытый всеми ветрами чужак, сменивший веру, но так и не обретший родину. В награду за наши старания мы получили немыслимое горе и клеймо отступников. Чего еще тебе надо? Да пойми ты! Мы пилигримы, заплутавшие в чужих землях. Поиски истины и призрачной справедливости сделали нас отшельниками, а кучка головорезов продолжает топтать кости наших друзей. Чего мы добились, капитан? Кому нужна такая правда, скажи?

Райдер ничего не ответил. Встал, поклонился и вышел вон.

***

Темнело на острове стремительно, словно огромная птица в одночасье накрыла город своим размашистым крылом. Не успев спуститься к торговой площади, мы оказались среди одинаковых домов, разбросанных у подножья кучкой ненужных камней. Я старался ориентироваться на шпиль наблюдательной башни, что высилась у стен летной поляны, но капитан почему-то упрямо двигался в противоположном направлении, не замечая ничего

вокруг. Я послушно шел следом, не нарушая тишины и не задавая лишних вопросов.

Островитяне проскальзывали мимо нас серыми тенями, стараясь быстрее оказаться в свете факелов. Теперь, в ночном полумраке их напряженные лица виделись мне застывшими масками — воплощением местного божества Калуку. По непонятной причине с наступлением сумерек любая тень стала напоминать мне грозного покровителя здешних мест.

Узкая каменная дорожка привела нас к очередной возвышенности, за которой виднелась череда отвесных скал — такое препятствие не смог бы преодолеть сам Тартус, небесный отец Икара.

— Капитан, — осторожно позвал я.

Одноногий остановился и обернулся. Его задумчивый взгляд нашел меня.

— Кажется, мы выбрали неверный путь, — я указал на западную часть острова, где угадывались яркие огни взлетных лент.

— Все верно мой друг, — охотно согласился Райдер, — пока мы не попали на Ро-мини, стоит ограничить ночные прогулки.

Я кивнул, и только сейчас понял насколько он прав. Безлюдные улочки были идеальным местом для засады.

— Сыскари? — первое, что пришло мне в голову. Образы безжалостных убийц, выбравших своей целью мою скромную персону, в последнее время стали моим самым ужасным кошмаром.

— И они тоже, — нахмурившись, капитан извлек небольшой пороховой пистоль и направил его в темноту.

Вокруг не было ни одного постороннего звука, но я не стал разубеждать одноногого. В отличие от меня, капитан обладал исключительным чутьем, и не собирался паниковать понапрасну.

— Держись чуть позади, но не отставай. И смотри в оба, если что — не ори, а просто подай знак. Договорились?

Получив инструкцию и слегка ссутулившись — сам не знаю зачем — я двинулся следом за капитаном.

Приветливая днем, ночью Глаага выглядела устрашающе. Горбатые панцири улиц походили на чешую гигантской рыбы, которую выбросило на берег и палящее солнце оставило от нее лишь затвердевшую оболочку. Дома притаившиеся между валунами пугали меня своими массивными очертаниями. Я словно попал в другой мир, наполненный немыми слугами таинственного Калуку.

В отличие от меня капитан смотрел исключительно вперед, не замечая мрачные строения. Ускорив шаг, мы продолжали

блуждать среди одинаковых улиц, прислушиваясь к воцарившейся тишине. Удивительно, но отсутствие ноги не мешало капитану двигаться почти бесшумно, словно вместо деревянного костыля у него была мягкая подошва ботинка.

В конце улицы мы попали на перекресток. Внимательно оглядев три направления, Райдер выбрал правый поворот. Но, по моему мнению, данная дорога могла увести нас вглубь города, а никак не к летной поляне.

На улице не осталось ни одной живой души, и только пронизывающий морской бриз пытался задуть запрятанные в стеклянные колбы огоньки, тусклый свет которых вряд ли был в силах отвоевать у тьмы даже малую часть улицы.

— На что я им? — устав бороться со страхом, озвучил я собственную мысль.

И не надеясь на ответ, я все же услышал тяжелый голос капитана.

— Ты для них обычная цель. Одна из миллиона. Наемники не спрашивают у хозяина причину: они либо берутся за работу, либо скрещивают руки в знак нежелания присваивать контракт. Третьего не дано!

— Но почему именно я? Насколько я слышал, сыскари требуют за свою работу огромные деньги. Кто мог предложить им столь высокую цену за меня?

Не скрою, я до последнего думал, что мое неудавшееся похищение всего лишь ошибка, неприятное стечение обстоятельств, но Райдер в одну секунду разубедил меня, заставив совсем иначе взглянуть на проблему.

— Все дело в твоем последнем покровителе — Белом Хвосте. Ты даже не представляешь себе, с кем тебя свела Итарова судьба. Поверь, гном не прощает предательства…

— Но я ведь не помышлял… — едва не вскрикнул я, пытаясь оправдаться.

— Послушай! — Райдер внезапно остановился и, схватив меня за плечо, притянул к себе. — Тебе пора снять с глаз гугглы счастья! Ты попал в скверную историю, мой друг. Но даже из нее существует выход. Гном, что взял тебя в услужение, в прошлом был жениемятежником. Тем, кто поднял восстание на Рифте. От его действий пострадали тысячи безвинных душ. Для меня он исчадие Итара, не меньше! Поэтому намотай себе на ус: если будешь держаться меня, спасешься, решишь уйти — не протянешь и дня. Выбор за тобой.

Пораженный, я с трудом сглотнул. В горле все пересохло, и мир задрожал под ногами, словно могучий Калуку соизволил пробудиться и потревожить жителей островка.

— Я с вами, — едва слышно прошептал я в ответ.

— Правильный шаг, мой друг.

Не успел я опомниться, а капитан уже оказался у стены соседнего дома.

Дорога до взлетной поляны выдалась длинной — мы часто останавливались, Райдер, выдерживая паузу, указывал мне на случайную тень в переулке и затем произносил странной словно "ноэль".

Вначале я решил, что это означает нечто вроде 'опасность', но вскоре мои догадки разбились, обратившись жестокой реальностью.

Треклятые небесные океаны! Место, о котором летные всегда говорили с волнением, а многие откровенно выказывали страх перед этим огромным пространством свободных островов. Для меня, видевшего в своей жизни лишь чудеса механики, открывалась совершено противоположная сторона мира. Здесь не знали законы "Параменика" и не изобретали хитроумные машинерии. Здесь пытались выжить. Приспособиться, а вернее будет сказать — подчиниться, а не стать хозяином. Я не сразу уловил эту тонкую грань. И уж тем более не сразу понял причину подобного поведения путешественников.

Запределье — так переселенцы называли те необъяснимые явления, что случалось им встречать в свободных землях. Обман? Шарлатанство? Окажись я вновь на материке, то придумал бы именно такое объяснение, но здесь, на Глааге, а ранее на Каймовом островке, все сомнения рассеялись, уступив место неподдельному страху.

Ночь и день. Брат и сестра, разделенные горизонтом — так учили нас в приюте. Обычная сказка, объясняющая элементарное строение мироздания.

Но истина оказалась куда страшнее.

На материке с заходом солнца мир не переворачивался с ног на голову, сигнальные огни и фонари не задувал случайный ветер, а ночной туман не скользил вдоль домов шипящей змеей, ища себе беспомощную жертву. Там законы мира не менялись с заходом солнца. Единственная опасность, которая могла поджидать тебя в свете луны — отчаянный грабитель, ни разу не сталкивавшийся с блюстителями.

Так устроена большая суша, но здесь все было по-другому.

На островах Небесных океанов даже вооруженный до зубов блюститель порядка не осмелился бы выйти на улицу, когда повсюду властвовала тьма, потому как те, кто жил среди сумрака и ночной пустоты, не признавали чужих законов и чувствовали себя полноценными хозяевами жизни и смерти.

Каменная стена, хранившая на себе лунный свет, внезапно дернулась и пошла рябью, будто водная гладь. Я решил, что ночь играет со мной злую шутку. Забыв об осторожности, я сделал шаг вперед и был мгновенно остановлен тяжелой рукой капитана. Оттолкнув меня в сторону, он зажал мне рот рукой и указал на противоположную улицу.

— Смотри, — голос Райдера прозвучал у меня в голове.

Случайный ветер, заблудившись в переулке, засвистел, попав в металлический водосток. С этой минуты привычный уклад вещей закончился. Я отчетливо расслышал капли дождя — но на небе не смог разглядеть ни одного захудалого облачка. Кап, кап, кап. Невидимый поток усилился. Черепичные крыши отозвались звонкой дробью, заставив меня вздрогнуть.

Если происходившее со мной и было искусным обманом, то я — всемогущий Икар! — не мог раскрыть его секрета.

— Ноэли не любят чужаков. Внимательнее! — до боли сжав мое плечо, предупредил капитан.

Не вдаваясь в подробности, я кивнул, продолжая наблюдать.

Шум невидимого дождя стал громче. Удивительно, но никто из горожан не высунулся из своей каменной крепости.

Ничего не слышали или не хотели слышать?

Всплеск, будто кто-то со всего маху нырнул в воду. Я вытянул шею и попытался определить то место, откуда идет звук. Ничего. Только горбатая дорога, кряжистые, словно пни, дома и пара одиноких фонарей, огонь которых все еще теплился в закопченных колбах.

Сон наяву? Ловкий трюк? Фокус? Или все-таки что-то большее?

Вслед за новыми звуками пришел скрип. Нет, скорее, не скрип, а стон. Могу поклясться чем угодно, что мне удалось различить чей-то мерзкий дребезжащий голос. Еще секунда. Протяжное клокотание некоего существа повторилось, и я, наконец, разглядел того, кто потревожил тишину острова.

Каменная кладь одного из домов — того самого, что был освещен луной — изменилась. На ней возникло множество кругов. Один за другим они стали увеличиваться, исчезая между неровностей швов. Затем появилась лапа. Длинная и худая словно жердь, с острым загнутым когтем на конце.

Напрягшись, я покосился на капитана. Пистоль был направлен в сторону чудовища.

Следом за конечностями в стене возникла вытянутая клыкастая морда. Первое впечатление, что я наблюдаю за ожившей корягой, с множеством веток и отростков. Подав голос, чудовище продолжило высвобождаться из каменного плена.

— Вниз по улице и направо поляна! Когда скажу бежать, беги. Не оборачивайся. Жди минут десять. Если не появлюсь, кричи старпома. Берите факелы и на выручку. Главное, чтобы было больше огня.

Схватив меня за руку, Райдер вложил в мою ладонь пистоль и резко вынырнул из темноты, оставив меня одного.

Ноэль узрел жертву и издал такой рык, что меня мгновенно пробил холодный пот. Подобного чудовища я не видел даже на картинках 'Материкового уклада', в котором содержалось описание всех рас, проживавших по обе стороны Чисарских гор.

Наблюдать за тем, как ловко капитан управляется со своим костылем, мне приходилось видеть не раз, поэтому я не удивился, когда оттолкнувшись от стены, он ловко перепрыгнул через ноэля и побежал — невероятно! — вверх по улице. Резко остановился. И, повернувшись, выставил вперед тонкую иглу сабли.

Завыв, словно голодный волк, чудовище кинулось следом.

Выскочив из своего укрытия, я прицелился. Не знаю, что на меня нашло, но я не желал отступать, спасаясь бегством. Стиснув зубы, я затаил дыхание и прикрыл левый глаз. Ноэль отпрыгнул вбок, а потом ринулся на капитана. Я без труда навел пистоль. Медлить было нельзя. Я слегка придавил курок.

Напрягся.

И грянул выстрел.

Пуля прошла почти в дюйме от чудовища. Дернувшись, ноэль лишь на секунду замешкался, повернув морду чтобы найти мой силуэт во тьме — капитану этого оказалось вполне достаточно. Уйдя с линии атаки, он очутился за спиной клыкастого существа. Взмахнул саблей и ловко сбил уличный фонарь.

Когда ноэль резко повернулся и собрался совершить повторную попытку напасть на прыткую жертву, в него уже летел огненный шар.

Бах. Чудовище взвыло. Бах. Рык смешался с завыванием. Вздыбленная шкура, похожая на древесную кору, запылала не хуже гурских костров. Пытаясь сбить пламя, ноэль причудливо выгнул лапы и стал кататься по мостовой.

— Не стой! Беги! — махнул капитан, устремившись мне на встречу.

Недолго думая, я рванул в сторону воздушного порта.

Глава 12

Послание из прошлого

Утро следующего дня я встретил на дощатом полу 'Купера'. Вынырнув из тревожного сна, наполненного ужасными тварями, я почувствовал, что меня пронзила ноющая боль.

— А ну вставай, бездельник, — раздался надо мной громогласный голос старпома. — Все уже на палубе, а ты еще дрыхнешь, салага!

Вскочив, я вытянулся по струнке и, выслушав в свой адрес еще десяток бранных словечек, припустил вверх по лестнице, по дороге успев натянуть на себя форменные холщовые штаны, темную рубаху и красный жилет с гербом братства собирателей пара. На корабле творилось нечто невообразимое — команда копошилась, словно груда насекомых, перетаскивая, перекатывая и волоча всевозможный инвентарь.

— Поторопись! Ты глянь на обезьяний парус! Он совсем ослаб!

— Бочки в трюм! Мешки в оружейную!

— Шевелите задницами, черепахи!

— Куда прешь?! Не видишь паровые емкости!?

Даже перед отплытием летные не работали с такой самоотдачей.

Процедив сквозь зубы острое словечко, мачтовый ударил меня в плечо, заставив пошатнуться. Сзади, непонятно от кого, прилетело еще пару крепких толчков.

— Гляди, еще не оперился, а уже любимчик капитана, — произнес рулевой.

— Кончай болтать! А то похлебку из помойной бочки вам обеспечу! — прикрикнул старпом, поднимаясь на командный мостик.

Воспользовавшись небольшой заминкой, я пристроился в ряд тружеников.

— И раз, и два, — выкрикивал впереди идущий, задавая темп.

Я катил бочку, успевая стирать со лба крупные капли пота. Полуденное солнце на Глааге палило с такой силой, словно его пропустили через линз-стекло, способное воспламенить даже бумагу. Скинув куртку, я ловко заскочил на борт и стал проверять крепление тросов. Рядом оказался рыжий Свист — мой ровесник, числившийся на 'Купере' юнгоном.

— Чего это ты так рьяно спину гнешь, рваные паруса? — поинтересовался он.

Я пожал плечами:

— Так же как и все…

— А понятно, не успел у капитана отпроситься, — со знанием дела заявил Свист.

— Слушай! — я резко бросил работу и гневно уставился на

рыжего. — Брось молоть языком!

— А чего? — недовольно нахмурился Свист. — Все знают, что ты любимчик одноногого, рваные паруса. Скажешь не так?

Я открыл было рот, а потом понял — объясняться бессмысленно. Да и что я скажу: капитан вытаскивает меня из скверной истории… или о том, что у нас с капитаном появились общие враги… Да кто мне поверит? Сплюнув, я отвернулся, решив оборвать неудачный разговор. Свист не возражал — оставшись при своем мнение, он продолжил смолить палубу, сделав вид, что меня не существует. Работа продолжалась до полудня, а потом старпом объявил перерыв. Нам подали суп из каких-то водорослей и кислый эль местного разлива. Осилив обед лишь наполовину, я недовольно отставил тошнотворную похлебку, решив перекусить краюхой хлеба. В животе незамедлительно заурчало, заставив меня все-таки разделаться с жидкой отравой.

Летуны недовольно косились в мою сторону, словно я проиграл им в кости кругленькую сумму и не собираюсь раскошеливаться. Грустно уставившись в пустую миску, я, наконец, осознал, что вновь стал изгоем. Ненужным винтиком в сложном механизме, где все детали отличались размером и резьбой. И как бы я ни старался, мне не стать одним из них. Увы, но свободные земли отнюдь не сулили свободу от привычных проблем.

— Поднимай свою задницу, пострел! — Пирси кинул к моим ногам сумку и не спеша направился к пирсу.

— Постой. Куда мы? — засуетился я, радуясь, что хотя бы ненадолго смогу вырваться из окружения этих недовольных гримас, напоминавших статуи восьми уныний в парке Эль-сад.

У самого схода дорогу нам перегородил старпом. Скрестив руки на груди, он уперся в нас взглядом, способным испепелить кого угодно.

— Кто позволил?

— Приказ капитана. Сопроводить этого сопленыша до "Башни на краю". Там его ожидает тер Райдер.

Мне показалось или весь корабль и вправду притих, прислушиваясь к дребезжащему голосу рулевого. Каждый, кто тихо ненавидел меня, теперь желал только одного — сбросить любимца капитана за борт, когда мы достигнем первого пика высоты. Собрав в кулак всю твердость, которая у меня еще осталась на тот момент, я, гордо приподняв голову, стал спускаться вниз. Вступил на вытоптанную поверхность площадки, деловито отряхнул куртку и направился к въездным воротам. На Барибалу мое театральное представление не произвело должного

впечатления, а вот Пирси, напротив, повел себя как истинный зритель — высморкался, вытер руку об штанину и, немного похлопав, выкрикнул "бравилья!", чем вызвал у меня еще большее раздражение.

До недавнего времени на корабле ко мне относились вполне сносно. Не принимая в свой круг, члены команды скорее терпели мое присутствие. И мне было этого вполне достаточно. Но сегодня все изменилось. Я, словно чужую одежду, примерил на себя ярмо прокаженного. Осторожные взгляды сменились презрительными, едва слышное перешептывание — громкими насмешками, и даже слепой Керк и тот успел прошамкать своим беззубым ртом в мой адрес очередное проклятие. И только грозный нрав капитана удерживал их от скорой расправы надо мной.

Неудачи, ошибки, крупные и мелкие неприятности — все списывалось на мое скромное существование. Даже неудачный картежный кон имел прямое отношение к любимчику капитана.

— Пирс, скажи, за что они все на меня так ополчились? — не удержавшись, поинтересовался я у рулевого.

— А за что тебя любить-то? Ты ж не мадама на выданье! — уклончиво ответил старик, почесав щетинистую щеку.

Поняв, что и здесь не добьюсь внятного ответа, я отчаянно махнул рукой и, сбавив шаг, пропустил рулевого вперед.

После вчерашней встречи с ночным хищником Глаага уже не казалась мне такой приветливой. Вроде бы те же дома, жители, скрипучие повозки — ровным счетом никаких изменений. И все-таки город стал другим. И парящий среди изнуряющей жары ветерок враждебности был лишним тому доказательством.

Я попытался заглянуть в глаза случайного тянульщика — тот смущенно отвел взгляд. Или не смущенно… Скорее испуганно. Ему было неприятно. Так же как и летным. Погодите. Вовсе нет. Причина не в этом.

"Он видел нашу схватку с ноэлем!" — меня словно осенило.

Опустив голову ниже, тянульщик попытался как можно скорее покинуть поле моего зрения, ухватив повозку посильнее, и едва не опрокинул ее на повороте, когда резко сменил направление.

— Вот это устроил, — довольно хмыкнув, Пирс проводил взглядом покачивавшуюся тележку.

— Одним словом — островитянин, — попытался я поддержать беседу.

— Что верно, то верно, — откликнулся рулевой.

Я решил не упускать шанса и поинтересовался:

— Скажите, а на других островах жители такие же чудные?

— Еще какие, Итар их побери! — Пирс задумчиво почесал затылок и продолжил: — Помнишь людоедов с пересадки? — и, дождавшись моей реакции, продолжил: — Под сводами небесных океанов почитай сорок островов, и на каждом своя беда. Вот на Роксте-веле, например, местные аборигены при свете луны оборачиваются хвостатыми рыбинами — сверху вроде как люди, а снизу твари подводные. А на Бексте-ри правят песочные люди…

— Как это?

— Да очень просто. Прилетаем мы, стало быть, на остров. Берег пустынный в скалы упирается, а чуть выше непроходимые джунгли. Мы вроде осмотрелись, лагерь разбили. Капитан даже позволил бочонки с ромусом открыть. Ночью все было тихо, а утром мы обнаружили, что наш корабль почитай на десять футов в землю ушел. Болоны слегка сдуты, сам на бок лег, и вокруг горы песка, стало быть. Знаешь, словно ветрище барханы намел. Мы особо не рассуждали, взялись за лопаты и стали раскапывать, а оно гляди как вышло…

Желваки на скулах рулевого заходили ходуном. Тяжелые воспоминания захлестнули старика с головой, и он был не в силах докончить начатое. Видимо, встреча с жителями Бексте-ри обошлась для команды "Купера" слишком дорого, и я мог только догадываться, сколько летных погибло в то утро на песчаном берегу.

Мы миновали еще пару улиц перед тем, как я вновь решил заговорить.

— Скажите, за что они так со мной? Что я им сделал? — вопрос получился расплывчатый и корявый, но Пирс меня понял.

Он кинул на меня небрежный взгляд, насупился и начал объяснять:

— Ты поменял наш привычный образ жизни, сынок. Может быть, ты и не хотел — но что случилось, то случилось. Знаешь, летные не любят перемен, какие бы они ни были. Мы летали от острова к острову, торговали понемногу, если повезет, собирали серый пар — отдавали на очистку кранксам, взамен получали от Райдера звонкую монету и веселились в Булиарских кабаках. Так было до тех пор, пока не появился ты. И капитан стал другим. Забыл об обязательствах перед торговой гильдией, сборщиками. Бросил все на самотек. Понимаешь? Вместо Ферга-ры прилетел сюда на Глаагу, да еще маршрут избрал, что врагам не пожелаешь. Это же надо тащиться через Два Небесных океана! Уму непостижимо! Все равно что к рачерту в клетку сунуться. И все из-за тебя. Вначале мы решили, мол, нет у капитана детей, вот и решил тебе помочь, от бедовых орков спасти. Добросит до ближайшего островка, пристроит к одному из мастеровых и дело

с концом. Так нет же, все наперекосяк пошло! Не пойми зачем забрались на Глаагу, а сегодня утром и того хуже — Райдер объявил, что табак, который мы везли на продажу в Ферг-ду, нужно распродать по местным лавкам, а наш дальнейший путь лежит в Западные пределы! А это, стало быть, почище Небесных океанов будет. Там такие страхи водятся — куда там здешним чудищам! А я, знаешь ли, так запросто голову терять не собираюсь.

Теперь все встало на свои места. Познакомившись с капитаном, я оживил в нем воспоминания, связанные с Рифтом, круто изменив его привычную жизнь. Но еще сильнее на Райдера повлияла моя встреча с Белым Хвостом. Глубокая рана старых обид открылась и стала кровоточить. Я знал о таком не понаслышке, и прекрасно понимал, что теперь капитан ни перед чем не остановится, пока не отомстит. Его ненависть к гному растет с каждым днем, — и никакие уговоры не смогут заставить его свернуть с намеченного пути. С командой или без нее, независимо от обстоятельств, он вернется на материк и вынудит моего бывшего наставника ответить за грехи прошлого.

Только рулевому об этом знать было не обязательно. Даже под страхом смерти я не посмел бы выдать тайну капитана. Поэтому, немного подумав, я скупо произнес в ответ:

— Капитан сам решает: куда и зачем ему лететь.

Получилось вполне убедительно. По крайне мере Пирс не стал приставать ко мне с расспросами и прекратил бессмысленные упреки. Райдеру действительно было видней — забыть о давних обидах или встретиться лицом к лицу с прошлым.

***

Высоченная каменная башня, укутанная в плотные заросли плюща, находилась на восточном краю города. Одинокий каменный выступ, торчащий, словно больной зуб, казалось, пошатывался на ветру.

Осторожно приблизившись к обрыву, я посмотрел вниз, и у меня сразу же перехватило дыхание — минимум один фарлонг, если не больше. И зависшее на самом краю строение в ответ на мои мысли отозвалось протяжным скрипом, словно уставшая от бесконечного роста мачтовая сосна.

— Эй, чего встал, пошли, — позвал меня рулевой.

Сделав шаг назад, я еще раз взглянул на утопающую в облаках башню, на вершине которой виднелось несколько круглых выступов, и подошел к Пирсу.

— Чего угодно, гостям?

Дверь открыл пожилой островитянин. Такой же, как и все: невысокий, широкоплечий, облаченный в свободную рубаху до колен и широкие шаровары. В его черные кудрявые волосы уже закралась седина, а обветренное лицо украшала паутина морщин.

— У нас встреча с капитаном Райдером, — отчеканил рулевой.

— Конечно, проходите, — сложив руки лодочкой, островитянин низко поклонился и любезно пропустил нас внутрь.

Следуя за Пирсом, я ощутил охватившее его напряжение. Сильнее сжав рукоять сабли, он поцеловал висевший на груди медальон, пригнулся, чтобы не удариться о низкий потолок и шагнул в полумрак башни.

Проводник провел нас по темному коридору до винтовой лестницы и, остановившись, вновь низко поклонился:

— Дальше гостей проводит мой помощник. А теперь прошу меня извинить, гости, мне надлежит удалиться. Да благословит вас всевидящий покровитель.

Пирс коротко кивнул, а я успел заметить, как из тени выскользнул невысокий человек в длинном до пят халате.

Повторив привычную для нас процедуру приветствия, он перемолвился парой слов с проводником и подал короткий знак рукой — следовать за ним.

— Кабусовы дети, как нашего капитана занесло в такое место? — едва слышно прошептал рулевой.

— А где мы? — только сейчас такой простой вопрос соблаговолил прийти мне в голову.

— Шут его знает, сынок. Но чтобы здесь ни творили эти маленькие хорьки, клянусь Икаром, оно мне не по нраву.

Чугунная лестница, напоминавшая хрупкий каркас одного из творений виртуоза Босвела, которое носило название "верховоз", закончилось небольшим коридором, ярко освещенным десятком факелов. Закопченные стены создавали ощущение затхлости, но когда наш новый проводник распахнул двери и пригласил нас в огромный зал, все изменилось. В глаза ударил яркий свет, и я едва устоял на ногах, пытаясь сориентироваться в пространстве.

Не успев прозреть, я услышал сотни всевозможных звуков: крики, клекот, треск и даже стрекотание, напоминающее шум цикад. Щурясь, мне все-таки удалось сделать неуверенный шаг. Протянув руку, я облокотился на некую деревянную преграду и услышал оглушающий крик младенца.

— Милостивый гомункул, куда мы попали! — голос рулевого едва прорвался сквозь невообразимое завывание.

Я схватился за уши, и еще сильнее зажмурив глаза, застыл, надеясь, что эти мучения вскоре закончатся. Так оно и случилось.

Недолгая пауза вернула мне зрение и возможность безболезненно воспринимать окружающий мир.

Открыв глаза, мне удалось различить сначала проводника, а затем и ошарашенного Пирса, не выпускавшего из рук обнаженную саблю.

— Успокойтесь, гости. Здесь нет ничего страшного. Просто наши воспитанники немного волнуются, когда к нам приходят посторонние, — отвесив очередной поклон, пояснил островитянин.

И только после его слов, я, наконец, заметил многочисленные стеллажи деревянных клеток, на одну из которых я, видимо, и имел неосторожность опереться. Но самым удивительным было не это. Из-за деревянных стен, имевших множество крохотных отверстий, на нас с интересом взирали тысячи глаз.

Птицы. Именно, к этому виду я бы отнес тех существ, что томились внутри клеток. Имеющие яркий окрас от ярко-розового до темно-фиолетового, они обладали огромным тонким клювом, похожим на долото и, как я успел убедиться, невероятно пронзительным голосом.

— Что за чудо! — Пирс убрал оружие в ножны.

— Самые лучшие почтари на всем просторе Небесных океанов, — улыбнувшись, промурлыкал проводник.

— Как их называют?

— Латосас, — охотно ответил островитянин. — Они живут высоко в горах и чтобы отловить одного из них, охотники порой тратят целую луну.

— Луну? — не понял я.

— Лунный цикл, — буркнул рулевой.

— Все верно, — согласился проводник. — Мы считаем их добрыми вестниками покровителя, поэтому позволяем им совершить всего один полет, а потом отпускаем. Иначе можно разозлить Калуку. А разозлить Калуку означает смерть.

— Неужели эти птахи такие умные, что сами находят адресат? — поразился рулевой.

— Вестники покровителя не могу быть глупыми, — осторожно ответил проводник, и с опаской посмотрел по сторонам, словно нас могли подслушивать. — Но для того, чтобы выполнить поручение, все-таки необходимы определенные навыки.

— И как же вы им втолковываете, куда надобно отправить послание? — не унимался Пирс.

— Именно втолковываем, — на лице проводника застыла загадочная улыбка.

— То есть?

— Мы с ними говорим. Я же вам объясняю — они очень умные птицы.

— И они понимают?

Островитянин выдержал паузу, его улыбка поменялась на сдержанную и он произнес:

— Следуйте за мной, господа, и вы сами все увидите.

Следующий зал был чуть меньше предыдущего, и походил на ученический класс, завешенный всевозможными картами, черными досками и массивными полками с книгами и только вместо привычных парт вдоль стен тянулись жердочки. Вся комната разделялась на ровные участки. Мой бывший учитель Босвел назвал бы их — квадратурином.

Проводник повернулся к нам лицом и, приставив указательный палец ко рту, попросил вести себя тише. В комнате шел урок.

Почти на цыпочках мы приблизились к одному из учителей: тощий кривоносый островитянин, приспустив очки на самый кончик переносицы, громко размахивал руками и что-то курлыкал, будто настоящая птица. Я обратил внимание на сложную схему, нарисованную на доске. Мел кое-где стерся, из-за чего общая картина походила на неразборчивую мазню разбаловавшихся школяров.

Учитель продолжил свои странные манипуляции и, судя по его надрывному голосу и отчаянным взмахам, он почти выбивался из сил. В отличие от него, птицы, сидевшие на своих ученических местах, вели себя довольно смирно. Вылупившись на островитянина, они лишь изредка издавали довольное кряканье, видимо, подтверждая тем самым, что прекрасно понимают, о чем идет речь.

— Как продвигаются дела, мастер Лоп-ло-Вега? — поинтересовался проводник.

Учитель отвлекся, растеряно оглядел нас с ног до головы, и тщательно вытерев выступивший на лбу пот, изрек:

— Данные великие особи весьма сообразительны. Треть морского пути я уже объяснил, осталось еще тридцать миль сушей, горный перевал — и они с легкостью доберутся до адресата. — В конце он издал некий свист и радостный гогот, сравнимый с гусиным кряканьем.

— Тогда не будем вам мешать, мастер.

На этот раз проводник поклонился еще ниже — чуть ли не до самого пола. Повернулся к нам и указал на массивную дверь в конце зала.

— И как долго они шныряют туда-сюда? — явно утомившись долгим экскурсом, спросил рулевой, не забыв при этом сладко

зевнуть.

— Я же говорил: всего один раз, — пропел в ответ островитянин.

— Как один? В чем же тогда соль — так долго и упорно вдалбливать в их крохотные головки маршрут?!

Проводник остановился и уставился на нас так, словно мы несмышленые ребятишки.

— Поймите, — с должным терпением пояснил он, — латосас просто оказывают нам услугу. Мы взываем к могущественному покровителю, тот, в свою очередь, откликается на наши молитвы и дарует нам возможность прибегнуть к помощи его пернатых слуг. Но если мы задержим их больше, чем нужно — Калуку может разгневаться. Поэтому только один раз в своей жизни латосас несут письмо в далекие страны, и если того требуют условия сделки, возвращаются обратно. В знак признательности они получают от нас серебряное кольцо, и мы обязуемся никогда больше не просить их о новой просьбе…

— По-моему, он слегка того, — не дослушав проводника до конца, шепнул мне Пирс.

Я не мог с ним не согласиться.

На материке никогда с таким трепетом не относились к птицам. Конечно, их не истребляли почем зря, но и не ставили в один ряд с великим Икаром. Хотя, по слухам, некоторые механикусы пытаясь выведать у пернатых секрет свободного полета, усыновляли целые стаи голубей, изучая их особенности. На подобные чудачества все смотрели сквозь пальцы — среди представителей Цеха Изобретателей мало кого можно было назвать нормальным.

Следующий этаж башни растворился в полумраке тусклого света. Сотни свечей будто прорастали сквозь деревянные столешницы огромных рабочих мест, где трудились повторятели. Со всей скрупулезностью они копировали строчки из оригинального письма на свежий лист бумаги. Букву за буквой, слово за словом.

Щурясь, они внимательно изучали все завитушки, наклоны и угловатости почерка. Взмах — и письмо получало великолепную копию, а иногда две, три — столько, сколько прикажет хозяин Башни на краю.

Сложный механизм работал как часы и не останавливался ни на минуту. Когда один из повторятелей уставал, он поднимал руку и на его место вставал новый. Письма ложились на поднос ровными стопками: оригинал — слева, копия — справа.

— Зачем они это делают? — устало спросил рулевой.

— На случай, если послание не сможет достигнуть

адресата, — без особого интереса ответил проводник.

— Хотите сказать, что птицы не всегда добираются до цели? — вопрос сам сорвался с моих губ.

— Это довольно частое явление, — кивнул островитянин и, уставившись на наши удивленные лица, поспешил продолжить: — Понимаете, жизнь латосас коротка. В лучшем случае — это один небесный оборот. Но зачастую они сгорают гораздо чаще.

— Вы хотели сказать: умирают?

— Нет, — нахмурившись, проводник явно обиделся моей смелой догадке. — Слуги покровителя — бессмертны. Закончив свой короткий земной век, они вспыхивают в буквальном смысле этого слова. И тогда пепел тех грехов, что латосас забрали у нас, превращается в прах, а очищающий дым их душ возносится ввысь.

Закончив говорить, он заметно погрустнел и не произнес больше ни слова. Но на меня его рассказ произвел должное впечатление. Здесь, в мире, лишенном машинерий, любая работа выполнялась с таким усердием, что 'Пышка' виртуоза Босвела и другие изобретения показались мне сущей бессмысленностью.

И в ту же минуту мне стало жалко этих голосящих крох.

— Одного не могу взять в толк, — уперев руки в бока, фыркнул Пирс. — Какого руйя здесь забыл наш капитан?!

— О, уважаемый летный напрасно волнуется, — замахал руками проводник. — Ваш капитан для нас лучший клиент за всю историю башни.

Только новость отнюдь не успокоила рулевого, а, напротив, заставила нахмуриться.

— Вы, видно, тронулись головой! Чтобы капитан строчил послания, словно слезливая дуреха… Да еще платил за это деньги… Не поверю ни за что на свете.

— И все же придется, — без тени сомнения заявил проводник. — Прошу за мной. Сейчас вы сами все увидите.

***

Бескрайний океан хлестал соленым кнутом прибрежные скалы, шипя и плюясь от злости. Он гнал свое нескончаемое воинство на отчаянный приступ серой твердыни волну за волной. И, не в силах победить неуступчивого противника, лишь сглаживал его острые грани. Только в узком глазке подзорной трубы не было видно и десятой части всей этой прелести, поскольку взор смотрящего вдаль капитана был направлен в небеса. Он ждал последнего — девятнадцатого по счету посланника.

— Тэр, — нерешительно произнес Пирс.

Райдер поднял левую руку, замер. Труба медленно

опустилась вниз, и на нас нацелился отрешенный взгляд человека, лишенного последней, самой призрачной надежды.

— Я привел ваших гостей, — совершил привычный ритуал приветствия проводник.

— Благодарю Бао-Лога.

— У вас будут какие-нибудь распоряжения?

— Не сейчас.

Островитянин все понял с полуслова и уже через секунду бесшумно исчез за массивной дверью.

— Капитан, ваше распоряжение исполнено, — по-военному отчеканил рулевой.

Я облегченно выдохнул. В обществе капитана я чувствовал себя намного спокойней, нежели под неусыпным оком Пирса.

— Благодарю. Я знал, на тебя можно положиться, — устало произнес Райдер и обессиленно повалился в глубокое кресло.

Еще никогда я не видел капитана таким беспомощным.

— Рад стараться! — Заметив слабость одноногого, рулевой не спешил предлагать свою помощь.

Даже в свободных землях существовали незыблемые правила поведения в присутствии благородного тэра. Именно они запрещали воздушным странникам оказывать своему капитану излишнюю заботу. Поскольку бессилие летунов начиналось с бессилия их лидера, и главной задачей каждого члена корабля — не выносить это самое бессилие на всеобщее обозрение.

Безусловно, я тоже знал данный постулат и поступил так, как подобало поступить настоящему летуну. Опустив взор, я дождался, пока капитан немного придет в себя и продолжит разговор.

— Сти, присядь рядом, — Райдер указал на соседний с ним стул. — А ты, Пирс, возвращайся-ка на "Купер" и проследи, чтобы всем дали двойную порцию похлебки. Завтра мы отчаливаем.

Приставив к виску два пальца, рулевой отдал честь и направился к выходу. Всего на секунду он задержался у дверей. Сдвинул брови, немного подумал и, проглотив горькую пилюлю обиды, вышел вон. Только ни я, ни капитан не придали этому значения.

Пирс был старым летуном и умел хорошо служить, а стало быть и хорошо подчиняться, — и капитан ценил его за столь нужное качество, никогда не переходя тонкой грани, возникавшей между командиром и подчиненным. И никакой юный летун, стоявший на много ступеней ниже Пирса, не должен был нарушать этой четкой границы. Но вышло все иначе. В одно мгновение между Пирсом и Райдером возник 'след черной кошки', как говаривали в таких случаях. Одной короткой фразой капитан

умудрился посеять в душе рулевого ядовитый росток обиды.

Весь обратный путь до корабля Пирс ломал голову над сложной задачкой: почему капитан променял его и остальных членов команды на чужака? Зачем заставил сопровождать — назначив его чуть ли не нянькой? А когда надобность в нем пропала, отпустил восвояси, дозволив сопляку сидеть в присутствии тэра!

Так или почти так размышлял в тот момент рулевой — мне неизвестно. Только именно это недопонимание явилось началом череды довольно неприятных, а вернее будет заметить, весьма трагичных событий.

— Скучаешь по материку?

Повертев в руке мятое послание, капитан отбросил его в сторону — к куче таких же бесполезных скомканных листов.

— В первые дни думал, что да, а потом понял, что мне страшно возвращаться назад.

Отчего-то мой ответ совсем не удивил капитана.

Подхватив бутылку ромуса, Райдер наполнил кружку и залпом осушил крепкий напиток.

— Чего же ты боишься?

— У меня много страхов, — честно признался я. — Но определиться с главным трудновато.

— Разве ты клятвопреступник? Или совершил еще какой-то Итаров грех?

Я вздрогнул, вспомнив блюстителей, колонну арестантов и безумные взгляды контрабандистов. Неприятная картинка сменилась ощущением абсолютной свободы — мой первый полет на крылоплане.

— Я никого не предавал, — решительно ответил я.

— Тогда в чем же дело?

Разговор, стряхнув с себя налет недосказанности, обещал превратиться в исповедь. И я был несказанно рад такому повороту. Мне необходимо выговориться, сняв с себя невыносимый груз вины.

— Мне кажется, я запутался. До недавнего времени, жизнь сводила меня с людьми, которые предоставляли мне кров, заботились и давали работу, и я считал их хорошими. Но со временем я понимал, что ошибался. Я старался платить добром за добро, а мне давали пинка при первом удобном случае.

— Ты сейчас говоришь про своего учителя, мистера Босвела, — догадался капитан.

— Все верно, тэр.

— Продолжай.

— Все дело в том, что мастер Хвост… то есть, я хотел сказать:

если рассуждать о тех днях, что я провел в ангаре… в целом он ведь не такой плохой…

— Ты уверен?

— Не совсем так… — я слегка запнулся и замолчал.

Сомнение, — вот какое слово вертелось у меня на языке. Чувство, которое заставляет ошибаться в самые неподходящие моменты. Только благодаря ему летные капитаны выбирали неверный путь, а механикусы так и не решались совершить по-настоящему великое открытие. Именно оно заставляло довериться слепой удаче и в итоге оступиться, стоя на краю пропасти, и только из-за него я до конца так и не смог довериться Райдеру, назвав моего второго наставника — врагом.

Я прекрасно понимал, что Белый Хвост был больше, чем рядовой механикус. Он работал на Рифте, знал его как свои пять пальцев и с легкостью обходил ловушки Ржавого города. Уживаясь под одной крышей с контрабандистами, он пользовался непререкаемым авторитетом у служителей ангара. Кем же он был на самом деле? Талантливым самоучкой в услужении жадного леприхуна? Или мятежником, чей непокорный дух требовал новых жертв во имя высшей цели?

Сомнение — враг не только знати, но и простолюдинов, теперь заключило в свои крепкие объятия вашего покорного слугу. И теперь все суждения не стоили жалкого оловянника, поскольку каждый новый вопрос лишь порождал очередную неуверенность моих суждений.

Не отрываясь, капитан опустошил еще один стакан ромуса, задумчиво побарабанил по столу и, указав на рваные клочки бумаги, начал говорить:

— Ты, наверное, хочешь спросить: по какой причине я оказался здесь? — подхватив кувшин с вином, он наклонил его, и тонкая струйка протянулась красной нитью от медного носика до неровной поверхности ненужных обрывков, навсегда связав прошлое с настоящим. — Это все весточки свободных островов. А знаешь, что в них? Ни-че-го. Пустота. Одна пустота. Все, кто смог выжить в ту роковую ночь, кто проклял Рифт, назвав его стальной плитой для неудачников — мертвы. Икарова участь настигла их всех до одного. Мы бороздили небеса, расспрашивали пилигримов, переворачивали вверх дном города в поисках Хрома. Мы жаждали мести, но он успел ускользнуть и от регулярной армии, и от нас. Ему удалось стереть собственный след, оставив после себя лишь горькие воспоминания… Бесконечная гонка окончилась много лет тому назад, когда нам удалось-таки обнаружить обоз из маленького города Желзна, того самого, что стал единственным пристанищем и единственным напоминанием

о былом величии Рифта.

— И что же вы обнаружили? — с замиранием сердца спросил я.

— Доказательства, жезийские лжецы! Все, что мы увидели в тот день, было очередным обманом. И он достиг своей цели. Мы, наконец, поверили, что наше преследование увенчалось успехом…. Нападение на обоз произошло утром, когда Хром достиг Южной границы Рифта. Используя зажигательные смеси Болди и мощные самозарядные винтовки, мы сделали акцент на внезапность и не прогадали. Засада не была раскрыта, и нам удалось застать их врасплох. Мы не встретили серьезного сопротивления — три крытых повозки горели не больше минуты. Никакого шума и криков. Короткий бой, два десятка выстрелов и исход оказался предрешен. Тогда у нас не возникло сомнений. Нам казалось, что сам Икар в тот миг осенил нас своей дланью. Каждая пуля нашла свою цель. У нас ни одного раненого, у противника — один выживший, непонятно отчего решивший пустить себе пулю в сердце. Хотя о чем я, он, безусловно, поступил правильно. Я никогда не любил наемников, и если бы нам удалось взять его в плен, ему бы не поздоровилось. Тогда нами руководил слепой гнев, способный разорвать в клочья жизнь любого, кто попытался бы встать на нашем пути.

— И в одной из повозок вы обнаружили тело вашего врага, — сгорая от нетерпения, прошептал я.

— Все верно. Но самым ужасным было то, что мы не почувствовали желаемого облегчения. Нас словно выбросили на берег, как беспомощную рыбешку. Получалось, что все наши усилия, долгие годы стараний закончились, а Хром так просто взял и ушел в иной мир. Нет, не такой легкой смерти мы ему желали. Нам нужен был суд и мучительные пытки, чтобы каждый из нас высказал все, что накопилось у него на душе. Мы хотели произнести сотни имен. Тех, кому не удалось покинуть Рифт живым. Имена детей и их матерей, мужей и подростков, стариков и старух. Уж поверь, список у нас был подлинней министерских указов. Но, увы, он покинул наше общество, так и не успев выслушать наших проклятий.

— Так вы считали, пока не услышали мою историю, — догадался я.

Капитан кивнул и загадочно улыбнулся:

— Ты можешь мне не верить, но я словно заново родился, когда услышал от тебя о гноме-великане с металлической рукой. Признаюсь, он ловко обвел нас вокруг пальца. Но тем хуже для него, подумал я тогда. Теперь то мы уж точно захватим его и завершим задуманное. Суд состоится по всем канонам свободных

людей Рифта. И каждый будет вправе спросить с него лично за давнишние грехи. Но милостивый Икар! — как я ошибался. Время, к сожалению, сыграло злую шутку не с нашим врагом, а с его преследователями. Я остался абсолютно один. Мне некому сообщить радостную весть и некого позвать с собой в новый праведный поход.

Повесив голову, капитан уставился на ворох посланий.

Сомнения, чем они могу помочь? Уберечь от неверного шага или заставить заново проверить все расчеты и не допустить ошибки? Как ни крути, человек сам выбирает — стоит ли доверять своим чувствам.

И я сделал свой выбор.

— Я готов.

— Что? — не понял капитан.

— Я готов отправиться с вами в поход.

Сдвинув брови, Райдер растерянно посмотрел в мою сторону. Правда, его взгляд так и не смог сфокусироваться на мне, а завис в полумраке комнаты.

— Ты уверен?

Я кивнул.

— В приюте мне говорили, что мои родители трудились на Рифте. Если бы они выжили, то непременно нашли бы меня даже на краю света… Думаю, у меня тоже есть причины поквитаться с мистером Хромом.

Оглушительный писк раздался возле моего уха, заставив меня закрыть уши и спасти от внезапней атаки бедные перепонки, которые уже порядком настрадались за сегодняшний день.

Розовый латосас, распрямив крылья, плавно приземлился на спинку стула и гордо выпятив грудь, протянул капитану послание.

Дрожащей рукой Райдер принял конверт, скрепленный крохотной сургучовой печатью. Я успел заметить, что ни одно из предыдущих писем не имело подобного клейма.

— Мученик Икар, неужели кто-то откликнулся?

Неровно надорвав конверт, капитан приблизился к свечам, сощурился и стал читать. Его губы беззвучно шевелились, словно разъясняя хозяину смысл незнакомых ему слов. Несколько раз Райдер замирал, склонялся еще ниже и, по всей видимости, начинал перечитывать письмо заново.

Ожидание, превратилось для меня в настоящую пытку. Не смея нарушить тишину, я сгорал от нетерпения узнать, что за весть принесла капитану умная птица.

Наконец Райдер закончил читать. Откинул бумагу, но мять ее не стал. Затем закрыл лицо рукой и, отвернувшись, уставился на

клонившееся к горизонту солнце, которое окрасилось в мрачные тона приближающейся ночи. Решив не спрашивать разрешения, я осторожно поднял с пола пару рваных посланий.

" Простите, но мистер Морган, умер по старости лет".

" Смею заверить вас, что Чейз-Синкли скончался от страшнейшего недуга".

" Сожалею, но мистер Горди наложил на себя руки накануне дня Урожая"

Короткие, неровные строчки, способные поставить жирную точку в любой даже самой богатой биографии.

Я покосился на капитана. Он пребывал в таком же положении, как и минуту назад. Тогда я набрался смелости и притянул к себе последнюю весточку. Листок податливо пополз по столу и перекочевал на мою сторону. Обладая прекрасным зрением, я без труда смог прочитать послание от начала до конца…

Мой дорогой, Рай. Прости, что вновь докучаю тебя своим стариковским ворчанием, но на этот раз, как мне кажется, мои предрассудки не лишены смысла. Конечно, ты можешь решить, что я в очередной раз потерял свой новый осенний шарф или обнаружил возле калитки подозрительного типа, — спешу тебя разуверить — это не так.

Последнее время меня вновь стала мучить подагра — видимо, дни мои на этом свете сочтены и вскоре я отправлюсь в царство мученика Икара.

Старый я ворчун, опять морочу тебя своими проблемами. Пора переходить к главному. Ты, наверное, еще не страдаешь провалами в памяти и прекрасно помнишь те славные деньки, когда мы все-таки ухватили за хвост этого бромвиноского нава, Хрома! В ту минуту я радовался больше всех, представляя, как он будет жариться в подземелье Итара. И больше всех убивался горем, когда оказалось, что ему удалось избежать праведного суда.

Десять лет я неустанно молился, желая повернуть время вспять. Потому что не такая участь должна была ждать это чудовище. Он обязан был захлебнуться собственной кровью, метаться в агонии мучительной болезни, а не погибнуть от случайной пули, пускай и выпущенной одним из охотников.

Похоже, я опять забылся. Великодушно прошу меня простить.

Не прекращая финансировать своих ищеек, которых я выкупил из тюрьмы Антир-нак, я, кажется, сделал невозможное. Благодаря чудесному провидению я напал на след Хрома. Да-да, мой дорогой Рай, именно так. Не сочти за честь и прими слова

старика за чистую монету, на время отложив все сомнения в ящик для старого хлама. Не кривя душой, скажу: я и сам не сразу поверил донесениям моих верных помощников, но факт остается фактом — нашему врагу удалось перехитрить нас.

Скажу больше — его помыслы вновь прикованы к Рифту. Уж не знаю, что он задумал, только попахивает эта новость весьма скверно.

А теперь о главном. Обитает наш старый приятель в Плакте, граничном городе, но основную часть времени он проводит в Желзне. Да-да, мой доверчивый Рай, именно в Желзне, а ни где-нибудь на Марлайском побережье. Положи вещь на видное место, и ты никогда в жизни не отыщешь ее, если забыл, куда подевал.

Пожалуй, мне больше нечего тебе сказать милый мой соратник по охоте. Жаль только, что мне так и не повезет лицезреть финал этой великой гибели мерзкого чудовища, поэтому всецело вверяю мою судьбы и судьбу моих убиенных братьев и сестер в ваши руки. Будьте тверды и непреклонны. Да благословит вас Икар!

P.s. Не ищите помощи у Ристера, Брокка и Вальза — их души уже в мире более светлом и добром, нежели наш.

— Где ты добыл его? — голос капитана заставил меня резко поднять взгляд и отстраниться назад.

Птица подошла к Райдеру и стала что-то шептать ему на ухо.

— Молодец, — дослушав, он погладил ее по голове.

— Что она вам сказала?

— Усадьба моего старого приятеля давно разорена, остались только дырявые стены и остатки крыши. Латосас не стал улетать и ждал несколько дней. Упорная птица. Наутро второго дня в заброшенном саду появилась женщина. Она была стара и медлительна. Долго копошилась у заросшей тропинки, ведущей к дому, а потом приблизилась к птице и передала вот это письмо, сказав, что ее господин давно ждал посыльного.

— Получается, ваш приятель знал, что вы направите к нему латосас?

— Я с легкостью допускаю такую возможность. Мистер Филдж был весьма прозорливым кранксом, — заметил капитан.

Но меня не устроили такие объяснения. На материке — в мире рациональности и порядка не было и не могло быть подобных совпадений.

— И все что вы мне рассказали, вам сообщила птица?

— Именно за такие вещи их и ценят служители 'Башни на краю'.

Заметив мое желание продолжить расспросы, Райдер быстро встал со своего места, убрал доставленное латосас письмо во внутренний карман куртки, и внимательно посмотрев на меня, сказал:

— Похоже, нас ожидает славная охота, партнер.

Глава 13
Схватка без правил

В ночном свете любое оружие кажется безобидным атрибутом, который никогда не разразится оглушительным громом выстрела. То же самое касается и холодного оружия. В ночной мгле оно имеет вид жалкий и далекий от угрожающего. Возможно, все дело в отсутствии четких контуров, которые при свете дня пугают противника своей остротой и ослепляют невероятной яростью. С наступлением сумерек такого эффекта не увидишь. В мире серых тонов все одинаково — и дорогой клинок и дешевая сабля. Оценить огнестрельное оружие в полумраке практически невозможно и зачастую оно приобретает форму достаточно неопределенную, способную ввести в замешательство даже весьма искушенного противника. Может быть, именно по этой причине я со спокойствием каланийского удава готовился к ночному визиту сыскарей.

Точильный камень скользнул по идеальному лезвию.

Вжик, вжик, вжик — утопал в ночи резкий звук. Словно эхо предстоящего сражения, он скорее настраивал меня на нужный лад, а не пугал своей неизбежностью.

Как только мы покинули Башню на краю, я встретил в толпе знакомое лицо Эл-Сида. Тянульщик стоял под соломенной крышей и, озираясь по сторонам, ожидал моего появления.

Завидев меня, он махнул рукой, подзывая к себе.

Мы обмолвились всего парой фраз. Я поприветствовал его, а он в свою очередь предупредил меня об опасности.

С его слов, этим утром на остров прибыли мои враги. Очень грозные серокожие чужеземцы. Я сразу понял, о ком идет речь, — и вздрогнул. Новость неприятно кольнула, заставив вновь вспомнить материк, контрабандистов и опасные взгляды арестантов.

Эл-Сид поклонился и, скользнув в толпу, исчез между сотней похожих друг на дружку соплеменников. Исполнив обещание, он вернул долг, отплатив за добро той же монетой.

По дороге к взлетной поляне я не выдержал и все рассказал

капитану. Внимательно выслушав меня, он не произнес ни слова, но не успели мы зайти на борт, как Райдер начал действовать. Дав команде вольную до завтрашнего утра, он оставил на "Купере" только старпома. Видимо, из всех летных он мог доверять только ему.

Получив недельное жалование, команда, захлебнувшись радостными возгласами, быстро рассосалась по местным кабакам, а мы занялись приготовлением к сражению.

Капитан не сомневался — сыскари пожалуют к нам после полуночи. И получается, у нас осталось не так уж много времени для приготовления.

Не вдаваясь в подробности своего плана, Райдер всучил мне пару кремниевых ружей, короткую тонкую саблю и приказал: отполировать их и смазать, чем я, собственно, и занимался последний час, готовясь к встрече с опытнейшими наемниками материка.

Еще несколько месяцев назад, окажись я в подобной ситуации, безусловно растерялся бы и наверняка совершив череду глупых и неосознанных поступков, попался бы в лапы серокожих. Так бы произошло тогда, но не теперь. В данную минуту я находился под властью гнева, не дававшего мне угодить в омут жуткого страха. А чего мне было страшиться?! Наши силы неравны — плевать! Они опытны и коварны — зато у нас преимущество: внезапность! Их может быть больше — а на нашей стороне хитрость!

С легкостью городского стихоплета я мысленно выкрикивал лозунги нашей будущей победы, надеясь, что в скором будущем они станут пророческими.

Случайный шорох заставил меня отвлечься. Погрязнув в паутине собственных мыслей, я чудом заметил возникшие в пустоте сумрака фигуры.

Неужели они уже здесь?!

Вскинув руку, я прицелился, затаил дыхание и приготовился обороняться, совершенно позабыв, что мое ружье еще не заряжено.

— Стоять! — дрожащим голосом выкрикнул я.

Тень замерла. Немного сместилась к носу корабля.

Я нервно сглотнул, пытаясь держать цель на мушке.

Страха не было вовсе — только горькое разочарование. Грезя о победе, я совершенно позабыл о такой важной составляющей, как осторожность.

Тем временем тень сделала еще один шаг назад, утонув в глубине ночи.

— Стреляю! — предупредил я и спустил курок.

Раздался тихий щелчок, напомнивший мне о бесполезности собственных потуг.

Как я собираюсь тягаться с настоящими убийцами, если даже не могу подготовить оружие к бою?!

— Опусти ружье, — знакомый голос окончательно выбил меня из колеи, и я последовал приказу.

— Брррррр, ненавижу все, что отнимает жизнь.

Циклоп выступил на свет и устало посмотрев на лежавшие на палубе ружья, присел на закрепленные у мачты тюки.

— Зачем вы здесь? — стараясь проявить поменьше дружелюбия, я почти полностью скопировал голос и манеру капитана.

— А разве ты не рад меня видеть? — искренне удивился Луцлаф.

Немного растерявшись, я пожал плечами:

— Мне все равно. Просто не хочу быть свидетелем вашей очередной ссоры с тэром Райдером.

Циклоп едва заметно улыбнулся.

— Не беспокойся, я пришел не для того чтобы трепать языком.

— А для чего же вы здесь?

— Хочу помочь, — лицо Луцлафа вмиг стало серьезным. — Те, кто явятся к вам этой ночью, не будут вести долгих разговоров. Клянусь своим глазом, они вообще не будут говорить. Рапиры ценят свое время и тратят его с умом. Поверь, они могу себе это позволить. И никакие засады не спасут вас от неминуемой расправы.

— И в этом состоит ваша помощь? Сказать, что мы беспомощные мрыки?! — после слов циклопа меня охватил тревожный холодок, но я постарался не показывать волнения.

— Я пришел помочь, — настойчиво повторил Луцлаф.

— Слова — это не помощь!

— Тогда дай мне оружие и позови Райдера.

Одним движением он выхватил у меня из рук ружье и, бегло осмотрев, выдал свой вердикт:

— С таким допотопным однострелом против материковых динтовок вы не продержитесь и минуты.

— И что же ты предлагаешь? — послышался за моей спиной голос капитана.

— Огненный дождь, — не раздумывая, ответил циклоп.

— Преступить закон?! Ты с ума сошел!

— У тебя есть другие варианты? — поинтересовался циклоп.

***

Ночь упивалась своей властью. Крохотные звезды, спрятавшись за густыми облаками, изредка выглядывали из рваных щелей, словно играя с нами в прятки. Не обращая на них внимания, я изо всех сил старался не заснуть, но усталость, ненадолго отступая, наваливалась на меня с новой силой. Зевая в кулак, я внимательно вглядывался в темноту, пытаясь различить грозные силуэты серокожих. По моему мнению, они должны были осторожно вступить на палубу, а не штурмовать нас, уподобившись небесным пиратам, поэтому я старался не упустить из виду любое даже самое незначительное движение, из-за чего постоянно вздрагивал, принимая игру теней за появление сыскарей.

Укромное место мне выбрал циклоп, обосновав свое решение углом обзора и достаточно хорошей внешней защитой. Отсюда было удобно вести огонь такому неопытному стрелку, как я, и в тоже время у противника не будет возможности контратаковать.

Мне передали два десятка идеально круглых пуль и два пистоля в придачу, которые я приспособил на небольшом выступе внутри укрытия. Капитан предупредил меня, чтобы я не тратил выстрелы понапрасну, а целился наверняка, шагов на пятьдесят или, по возможности, меньше.

Стрелять мне в жизни приходилось нечасто, поскольку в Плакте существовал строжайший запрет на любое оружие. По законам 'Пароменика' даже егеря и свободные охотники обязаны были иметь особое разрешение на оружие и отчитываться за каждый использованный патрон. Поэтому мой скромный опыт ограничивался одним разговором с садовником мистера Босвела, который в свою бытность служил ветерским стрелком и охотился на перепончатых краз.

На палубе послышалось шевеление. Лунный свет занавесом опустился на деревянную поверхность, предрекая начало схватки. Напрягшись, я прижался к оружию и почувствовал нарастающий жар.

Но внезапного нападения так и не произошло.

Томительное ожидание переросло в настоящую паранойю. Любая новая тень воспринималась мной как знак неминуемого вторжения. Палец нервно срастался с курком, и я готов был поразить свинцовым жалом пустоту, лишь бы избавиться от липкого страха. И только напутствие капитана не позволяло мне совершить очевидную ошибку. Я знал, что Райдер где-то рядом, и в случае, если я промахнусь, он обязательно выручит. Не может не выручить.

Решив отвлечься, я слегка высунулся из своего укрытия и попытался определить место засады Луцлафа и Барибалы.

Последний раз я видел их на капитанском мостике. Где же они могут быть? За первым отсеком или за 'пленителем пара'? Но как я ни старался, так и не смог разглядеть огромного циклопа и не менее могучего старпома.

Меня отвлек очередной шорох.

Нет, скорее, это был протяжный, резкий скрип, словно кто-то не пытался скрыться, а наоборот нарочно хотел быть обнаруженным. И это уже не было игрой воображения. К нам на корабль действительно пожаловали гости.

Закрутив головой, я быстро огляделся. Палуба, мостик, темные углы и площадки — пусто. Мачты, крепления, баллон — тоже никого, даже темного пятнышка на фоне неровности сине-серого неба.

Тогда откуда ждать удара?

Напряжение росло. Я в очередной раз бегло изучил обозреваемый участок корабля. Ничего. Только монотонный морской бриз и обволакивающая пелена ночной дымки. Но что-то заставило меня снова пробежать взглядом по знакомым местам.

Секунда, две, три, четыре — ровно столько понадобилось мне, чтобы заметить орка. Его лапища цепко держались за край борта, отчего создавалось впечатление, будто он завис над землей. Медленный поворот головы: направо, налево. Меня охватила паника.

Я нырнул в укрытие. Сердце забарабанило, желая вырваться наружу. Отчего-то мне показалось, что я остался абсолютно один, и никто не может мне помочь.

Главное не паниковать. Набрав в грудь больше воздуха, я громко выдохнул, взвел курок и, упершись в приклад, приготовился атаковать. Только кого? Цель пропала в одну секунду.

Огонек тревожно потрескивал в глиняной чаше, отбрасывая на палубу вытянутые тени. Секунды, показавшиеся мне вечностью, оборвались внезапно, окатив, словно кипятком, чередой неприятных событий.

На деревянном помосте, как на театральной сцене, в тусклом свете луны возник первый персонаж. Мистер Барибала сделал несколько шагов и застыл, высоко задрав руки и выгнув спину так, словно служил в береговом патруле. Лицо старпома напоминало гипсовую маску — растерянный взгляд, острые скулы и сжатые в линию губы.

Милостивая Эверика, зачем ты покинул свой схрон?! — едва не выкрикнул я, заметив за могучей спиной Барибалы орка в темных одеждах.

Легкий тычок заставил старпома дернуться и сумбурно

заговорить:

— Мы проиграли. Выходите. Если мы сдадимся без боя, они даруют нам жизнь. Им нужен только мальчишка с материка. Капитан, не валяйте дурака! Это не наше дело!

Старпом вновь вздрогнул и замолчал, выполняя команды одного из рапиров.

На протяжении всего воздушного путешествия я считал Барибалу грозным воином, который даже в самой критической ситуации знает, что и как делать. Но на практике все его умения раскололись о четкие действия наемников. Он не успел даже обнажить оружие, в одночасье превратившись в безвольного раба серокожих.

Еще двое сыскарей возникли у левого борта. Массивные орки двигались словно кошки — бесшумно, осмотрительно, не спеша.

Как же им удалось с такой легкостью пробраться на корабль? Ведь не с неба же они свалились на нас!

И только теперь я понял правильность своих суждений. Прямо возле носа, где располагалась массивная конструкция "пленителя пара", виднелись свисавшие веревки. Я едва не застонал от обиды. Как мы могли так оплошать! Посчитали, что наемники явятся к нам прямиком по земле, а не будут карабкаться по пузатому баллону вниз.

— У вас осталось не так много времени! — напомнил о себе старпом.

Я судорожно посмотрел по сторонам — никакого движения. Неужели капитан и Луцлаф собираются пожертвовать старпомом ради меня? По спине побежала мелкая дрожь.

Возле шеи Барибалы возникло широкое лезвие кинжала. Видимо, сыскари не намеривались больше ждать, и перешли к решительным действиям.

Запрокинув шею, старпом взвыл, когда на коже возникла кровавая полоса.

Мои руки задрожали, и я едва не выронил ружье.

— Я не собираюсь упрашиваааааааать! — на этот раз заговорил орк.

Стальной, слегка рокочущий голос, настроенный победить и не ждущий никаких компромиссов.

Только сыскарю так никто и не ответил. Ни знака, ни шороха. Тишина. Теперь я не сомневался, что остался один и рассчитывать мне абсолютно не на кого.

Стиснув зубы, я стер со лба пот, взвел курок и, резко привстав, приготовился стрелять. Только в кого? Сыскарь, что скрывался за старпомом, был недосягаем, а двое других прятались за мачтами, медленно изучая палубу. И в этот самый

миг я посмотрел на Барибалу. Наши взгляды встретились, и я понял, что за меня уже сделали выбор. Старпом коротко моргнул и отвернулся, стараясь не выдать моего присутствия.

Я прицелился. Закусил губу и…

Огромная лапища зажала мне рот. Я даже не попытался вырваться, потому что невероятная сила оттолкнула меня назад.

Надо мной навис циклоп.

"Молчи, " — показал Луцлаф.

Я не возражал.

— Похоже, вы оказаааааались глупее, чем я думаааааал.

На этот раз голос орка прозвучал не так громко, но все также уверенно. В его деле нельзя было полагаться на согласие противника. Всегда должен оставаться запасной вариант.

Я видел легкое замешательство орка, а затем он коротко рыкнул и двое наемников, подчинившись его приказу, осторожно двинулись вперед.

— Когда я начну стрелять, прыгай и беги в город, — быстро объяснил циклоп. — Если повернешь направо и поднимешься вверх по улице, то чуть впереди увидишь двухэтажную гостиницу "Скалистый утес". Жди нас там. Все понял?

Я кивнул, покосился на затерявшиеся среди узких улочек Глааги ночные факелы и сразу вспомнил о кошмарных тварях, обитающих в полуразрушенных стенах. Луцлаф все понял без слов и поспешил меня успокоить:

— Не волнуйся, сегодня не их день, — и указал на полную луну, повисшую над горами, словно огромное око неведомого покровителя Калуку.

Долгое ожидание резко оборвалось чередой коротких, стремительных событий. Четко выполняя команды, я произвел один единственный выстрел. Пуля ударила в деревянную крышу трюма, заставив сыскаря, стоявшего за спиной старпома, лишь на секунду потерять контроль над ситуацией. Барибале вполне хватило одного короткого мгновения. Ударив орка затылком, он выскользнул из захвата и, развернувшись, впился тому в шею. Растерянный сыскарь выронил кинжал и попытался издать боевой рык, но сил на это уже не осталось. Я был поражен до глубины души — старпом оказался истинным виталлингом, существом, в котором уживались человеческая и животная сущность.

Далее прогремели еще два выстрела — на этот раз атаковали Райдер и Луцлаф. Только, в отличие от меня, они не собирались проводить отвлекающий маневр, а целились в двух оставшихся орков.

— Беги! — подал сигнал циклоп.

Бросив ружье, я рванул.

Ветер обжигал мое лицо, будто старался остановить этот спасительный забег — но у него ничего не вышло. Практически за минуту я преодолел поле. Массивные тени дирижаблей и небесных кораблей, образовав целые улицы, напомнили мне о Рифте и о том, как я спасался бегством от механических стражей. За спиной прозвучало еще два выстрела, заставивших меня остановиться.

Тяжело дыша, я обернулся, пытаясь разглядеть очертания 'Купера', а увидел лишь пузатые баллоны и острые грани дирижаблей. Внезапно небо вспыхнуло, окрасившись в ярко-оранжевые тона и разбросав по кругу разноцветные нити. Спустя мгновение меня оглушил резкий хлопок, словно лопнул резервуар с грязным паром. Земля под ногами дернулась, и я упал на спину, почувствовав ноющую боль в плече. Следом прогремел еще один взрыв, гораздо громче предыдущего. Заслонившись, я избежал ослепительной вспышки и серьезных последствий — но в руку стрелой угодил мелкий деревянный осколок. Впившись в предплечье, он вынудил меня взвыть и попытаться поскорее избавиться от коварной щепки. Отшвырнув ее в сторону, я поспешил покинуть взлетную поляну, надеясь лишь на то, что моим спасителям все-таки удалось выжить в этом безумном хаосе.

***

В те минуты, когда заканчивается страх, начинается неизбежность, которой невозможно противиться. И тогда остается только надеяться на могущество святого Икара, а еще на волю случая, способного в один момент все перевернуть с ног на голову.

Мне оставалось совсем немного — всего двадцать шагов и 'Скалистый утес' распахнул бы передо мной свои двери, но в самый последний момент, дорогу мне преградил высокий худощавый незнакомец. Полы его дорожного плаща легко развевались на ветру, словно воронье крыло.

Оторопев, я задрал голову. На меня из-под широкополой шляпы взирало почти обезьянье лицо с близко посаженными глазами, имевшее вместо носа некую выпуклость с двумя дырами-ноздрями. Подобное уродство я видел впервые, а вот силуэт незнакомца мне был хорошо знаком. В памяти мгновенно возник образ пограничного лагеря, а затем паб 'Веселая подкова'. Получалось, что этот уродец следовал за мной по пятам. Отступив, я попытался убежать, но твердая рука схватила мое запястье и крепко сжала его.

— Пора заканчивать, — раздался лишенный всяких эмоций

голос.

В ночи блеснуло лезвие, которое, как мне показалось, росло прямо из руки незнакомца. Поддавшись панике, я попробовал вырваться, но не тут-то было. Рука застряла в цепких клещах. Отвратительное лицо напряглось и, вздрогнув, изобразило некое подобие улыбки, не живой, механической, словно я попал в плен к жестяному истукану. Только верить в то, что меня схватил заводный манипулятор, совершенно не хотелось. Слишком уж правильно, по-человечески, двигался он.

Резкий удар не произвел никакого эффекта. Мой кулак угодил не в живот, а в пустое ведро, и глухой звук стал лишним тому подтверждением. Рука притянула меня еще ближе, и я почувствовал легкое дуновение смерти. Раньше я никогда не задумывался о подобных вещах — а вот сейчас, когда моя жизнь повисла на волоске, любая мелочь воспринималась как особый перст судьбы.

В кромешной тьме даже самый скудный свет становится ярче солнца: будь то свеча или луч электрического прожектора. В моем случае на помощь пришел огонь догорающего факела. Ночной охотник возник прямо за моей спиной, резко озарив лицо незнакомца. Узкие глаза исчезли, растворившись на белесом лице, словно их не было совсем, и я отчетливо различил протяжные механические щелчки. Неуклюже закрутившись на месте, он попятился назад, позволив мне вырваться.

Глава 14
Игра в лакоринские прятки

Меня хватило приблизительно на десять минут. Потом ноги превратились в ватные, и я едва добрался до следующего подъема. Упав возле огромного валуна, которых на Глааге, наверное, было больше, чем деревьев, я попытался отдышаться. Мысль вернуться обратно на 'Купер' показалось мне слишком отчаянной, именно по этой причине я сейчас бежал вверх, а не вниз.

В городе я вроде бы оторвался от преследователя, но стоило мне остановиться перевести дыхание, как неподалеку послышались нарочито громкие шаги. И я был вынужден отказаться от короткой передышки.

С исчезновением последнего дома спряталась под валуны и мелкие канавки нормальная дорога. Теперь мне приходилось пробираться сквозь остроконечные препятствия, чаще

оглядываясь назад. Иногда силуэт преследователя возникал в свете луны, а порой я настолько ясно слышал чужое дыхание, что сердце стыло в жилах. Охотник спешил за своей жертвой, не собираясь проявлять милость.

Внезапно рядом раздался отчетливый хруст веток, и я устремил взгляд на цепь карликовых кустов у правого обрыва.

"Кажется, показалось".

Три глубоких вздоха. Виски пульсировали, словно дрожащая стрелка манометра, и я отдавал себе отчет — мои силы на исходе. Вечно спасаться бегством я просто не смогу. Пять, максимум десять минут — и преследователю не надо будет стараться, он с легкостью загонит меня в угол, и тогда шансы на спасение будут равняться нулю.

Очередной хруст прервал мои сумбурные рассуждения. На этот раз опасность находилась от меня по левую руку.

"Этого не может быть! Он не способен перемещаться с такой скоростью! Если только он…"

Я замотал головой, пытаясь таким не хитрым способом избавиться от навязчивых мыслей.

Нарастающее волнение.

Охотник где-то рядом.

Страх вынудил меня продолжать бессмысленную гонку.

Примерно через тридцать коротких вдохов в ноги проникла ноющая боль. Дышать стало еще тяжелее и в очередной раз споткнувшись о внезапно возникшую корягу, я едва нашел в себе силы подняться.

" Необходимо отдохнуть. Иначе я не выдержу".

Стиснув зубы, мне удалось совершить еще один грандиозный по моим меркам рывок. Добравшись до очередного остроконечного рубежа, я привалился к холодной поверхности камня, почувствовав, как спину обдало жаром. Но и теперь я нашел в себе силы обернуться и посмотреть вниз. Теряясь между рваной поверхностью горы, там находилась ровная площадка, идеально освещенная лунным светом. Примерно на пятьдесят шагов, я смог бы разглядеть даже небольшого зверька, появись он здесь в разгар ночи. Получалось, я имел возможность смело передохнуть, дождавшись, пока преследователь вновь не вынырнет из темноты.

Мне посчастливилось немного успокоиться, когда сознание на короткий миг вернуло меня в реальность, показав тощую фигуру охотника. Его плащ распахнулся, словно занавес, продемонстрировав мне блестящий ствол динтовки.

Как я мог поступить так опрометчиво?! Ну, конечно же, у моего преследователя есть оружие, и он вовсе не обязан гоняться

за мной по высокогорью, ему достаточно просто прицелиться и спустить курок.

Забыв об усталости и цепляясь руками за землю, я пополз вверх. Мышцы из последних сил подтягивали измученное тело, а разум предлагал смириться с невыносимой болью. Все мое нутро изнывало от отчаянья, навалившегося на плечи, но я держался, прекрасно понимая, что любое промедление может стоить мне жизни.

Взобравшись на небольшой каменный балкончик, я повалился на бок, и жадно хватая ртом воздух, посмотрел на узкую тропинку. Размытые очертания кустов, неровностей и острых 'зубов' показались мне нарисованными узорами, которые обычно украшали локоринские ковры, — именно по этой причине я не сразу разглядел охотника. Он стоял возле небольшой сосны и неспешно готовился к восхождению. Скинул плащ, проверил, хорошо ли держится за спиной винтовка, подошел к выступу и вонзил свой взгляд вверх. Откатившись в сторону, я задышал быстро и часто, будто собирался поднимать тяжеленный груз.

До последней минуты я надеялся, что ошибаюсь, и худощавый преследователь с обезьяньим лицом — всего лишь случайная встреча с ночным мороком или жителем какого-нибудь дальнего острова, где даже у женщин присутствует растительность на лице. Но удача, по всей видимости, окончательно отвернулась от меня, предоставив мне возможность самому разбираться с собственными проблемами.

Сделав очередное усилие, я еще раз бросил взгляд в пугающую пустоту, и едва не ахнул — охотник был уже на полпути к цели.

***

Дырявая мгла облаков казалась естественным продолжением высоченных шпилей, что врастали в небесную твердь. Повсюду камень — слева, справа, под ногами и даже над головой, словно существуют твердые своды. Я двигался уже по наитию, не чувствуя собственных ног. Перед глазами маячила белая пелена, и только оглушающий стук сердца скорее успокаивал, чем раздражал. Он доказывал один простой факт — я все еще жив, а значит, способен бороться.

Следующая остановка подкараулила меня у пологого хребта, похожего на черепаший панцирь. Не рискнув падать на землю, я обхватил руками поваленное дерево и на мгновение сроднился с ним, будто сам врос в землю.

Вокруг было на удивление спокойно. Хотя на протяжении этой бесконечного восхождения я ни разу так и не услышал шагов

охотника, принимая случайный шум за его присутствие. Попытавшись уловить звуки гор, я разочарованно выдохнул — напрасно, только нескончаемый гул в ушах. И если преследователь и подберется ко мне вплотную, то я уж точно не смогу почувствовать этого. А кто знает, может быть, именно сейчас он уже взял меня на мушку и специально тянет время, чтобы насладиться своим превосходством. Я резко дернулся сначала вправо, потом влево, неуклюже перевалился через поваленный ствол и замер. Выстрела не последовало. Более того, наступила такая тишина, что я едва не закричал в отчаянной попытке порвать невидимые нити неизбежности.

За ближайшим холмом ухнуло. Резко и громко, будто лопнула моя последняя надежда на спасение. В стальное небо взмыли стаи напуганных птиц и, превратившись в точки, исчезли среди ночной мглы, я только и успел расслышать их отчаянное эхо.

При любых других обстоятельствах мне ни за что на свете не пришла бы идея идти в то место, которое вызывало у меня гнетущую истому, но сейчас меньший страх выглядел предпочтительнее леденящего душу ужаса, преследовавшего меня по пятам.

В какой-то момент мне показалось, будто я добрался до небес, и теперь уже вступаю не на рыхлую поверхность, норовившую выскользнуть у меня из-под ног, а иду по облакам. Еще шаг и я предстану перед воротами владыки Икара. Только пустит ли он меня в свои владения или низвергнет в подземные царства своего братца-предателя, мне было неведомо.

Из последних сил я поднял голову и уставился на арочный вход. Каменные стены тянулись вдоль неровных скал, теряясь среди редких деревьев.

'Неужели я добрался до владений первого механикуса?' — внезапная мысль настолько потрясла меня, что на глаза выступили слезы.

Приблизившись к входу, я разглядел сквозь патину кованых ворот внутреннее убранство двора. В дальней части располагалась двухэтажная каменная постройка, а по углам высились круглые смотровые башни, — и ни одной живой души. Протиснувшись сквозь узкую щель, я машинально потянул створку ворот на себя и та, отозвавшись протяжным скрипом, послушно захлопнулось. Я очутился в каменной клетке, которая вряд ли могла спасти меня от грозного оружия охотника, но иного выхода я не видел. Остановившись перед каменной стеной, я посчитал, что лучше будет прятаться за ней, чем блуждать вдоль препятствия, пытаясь обнаружить иной путь.

Сделав пару шагов, я осмотрелся. Ровные дорожки давно поросли травой и даже в кладке сооружения виднелись кончики настырных растений. Справа находилось что-то вроде склада, по периметру — узкие бойницы под деревянным навесом, а в центре выделялась вытоптанная площадка основной каменной постройки. Остальную часть скрывала ночная мгла, которая все-таки сжалилась надо мной и ненадолго отступила прочь.

Отыскав брешь в небесном полотне, луна выглянула наружу, осветив заброшенное место.

И я увидел больше, чем хотел. Неподалеку обнаружилась похожая на сторожку кособокая деревянная лачуга. Ее крыша давно обвалилась и сейчас больше походила на груду частокола. Я все понял без слов: дверь посечена глубокими рытвинами картечи, а в земле множество глубоких воронок. Отступив в сторону, я сделал несколько шагов по направлению к центральному зданию и, вздрогнув, наконец обнаружил бывших служителей заброшенного форта. У груды сделанных наспех укреплений лежало множество изуродованных тел. Нельзя сказать, чтобы меня шокировали облаченные в мундиры мертвецы, но теперь я посмотрел на крепость совсем другими глазами. Кошмарные эпизоды сокрушительного сражения, словно дождевые черви, полезли наружу, открыв истинное лицо форта. Разрушенные стены, следы разрывов и разломов, раскуроченные преграды и исковерканные тела воинов — печальные последствия последнего дня.

Пронизывающий ветер сгустил и без того мрачные краски. Я мог еще долго вглядываться в остовы стен, если бы не пронзительный звон, избавивший меня от давящих мыслей. Я покосился на колокольню. Маленький "глашатай" все еще висел на привычном месте, а вот второй — тот, что побольше — обессиленно лежал на боку. Нетрудно было догадаться, на чей зов я прибыл в этот Храм смерти.

Обернувшись, я в очередной раз вгляделся в темноту, пытаясь обнаружить охотника. И в очередной раз увидел лишь пугающую пустоту ночи и открытые настежь ворота.

Не чувствуя ни усталости, ни боли в ногах, я побежал к стене и уже через миг оказался возле ровного ряда бойниц. Отсюда внутренняя часть форта просматривалась идеально. Но ни охотника, ни кого-то другого я не увидел — только белесые черепа воинов.

Решив рискнуть, я кинулся вдоль по коридору, вверх по лестнице, прямиком в наблюдательную башню, каменная оболочка которой явно внушала уверенность. Мне казалось, что только здесь я, наконец, смогу укрыться от охотника и дождаться

помощи. Хотя надеяться на спасение капитана и циклопа не приходилось — я хорошо запомнил прогремевший на 'Купере' взрыв.

Дверь в башню была открыта, и я без труда попал внутрь. Быстро задвинул щеколду. Резко повернулся. Лунный свет, нашедший лазейку в узком оконце, вырвал из кромешной тьмы стол и сидящего за ним служаку. Выпрямив спину, он вытянул руки по швам, словно перед самой смертью услышал команду и приготовился ее исполнить. Если бы не настигшая его пуля. Камзол был разорван слева у самого сердца. Видимо, в момент штурма не только лучам солнца удалось проникнуть в неприступные стены укрытия.

На краю стола лежал журнал, опрокинутая масляная лампа и скрытый бахромой паутины пистоль. Именно его я заприметил не сразу, а когда обнаружил — побоялся брать, словно оружие мертвеца хранило на себе тень той роковой случайности, что вырвала из его тела жизнь.

Нащупав на каменном полу кресало, я быстро поджег фитиль и, взяв в руки лампу, осмотрел коридорчик и ведущую наверх винтовую лестницу. Ничего примечательного здесь больше не нашлось, и я уже решил продолжить изучение башни, когда прогремел выстрел. Коротко, будто исподтишка, пуля пронзила деревянное препятствие и вонзилась в истлевший камзол мертвого стража. Покачнувшись, мертвец мгновенно осунулся, и повалился на бок. Вольно. Теперь он навсегда избавился от команды, пригвоздившей его к стене.

Пуля лишь чиркнула мне руку, но я четко осознал, насколько близко была смерть. Проклятый пистолет очутился в моих руках, а глупые рассуждения остались в крохотной солдатской коморке. Впереди меня поджидал просторный зал где, по всей видимости, солдаты форта принимали пищу и получали приказы старших по званию. Также я обнаружил здесь три двери — одна была заперта, вторая — вела на смотровую площадку, а третья — на стену по которой можно было попасть в соседнюю башню. Именно там я и решил укрыться, отрезав преследователю путь еще одной преградой.

В лицо ударила игольчато-ледяная Лакоринская зябь — ветер, который преследовал нас на протяжении всего пути до Глааги. Не удержав лампу, мне оставалось лишь наблюдать, как она разбивается вдребезги, а на месте падения возникает и исчезает огненный всплеск.

В эту секунду меня настиг второй выстрел. Охотник решил не преследовать меня. Прекрасно понимая, что я не буду таиться и продолжу бежать, он устроил засаду. У меня существовал

единственный путь спасения, едва не ставшего для меня гибельными силками. Выбрав верную позицию, убийца совершил только один просчет, позволивший мне и на этот раз выжить.

Мое неловкое движение.

Пуля прошла в дюйме от головы.

Теперь преследователь не таился — действовал прямолинейно, в открытую. Я прекрасно видел, как он пересекает площадку, на бегу наступая на останки воинов.

Кости хрустят, ломаются, но ему на это плевать — у него существует цель, и он видит перед собой лишь короткую формулу скорейшего достижения результата. Прямо как хорошо смазанный механизм.

Подняться на противоположную стену, перезарядить оружие, прицелиться — и дело в шляпе!

И вновь я представил охотника бездушной машинерией, способной выполнять четкие команды своего создателя, и ничего сверх этого. Хотя для битвы, сражения или охоты подойдет именно такая исполнительность.

До противоположной башни было шагов тридцать, может быть, чуть больше. Только ситуация складывалась таким образом, что охотник окажется на позиции для выстрела раньше, чем я миную зону обстрела. Тогда, конечно, я не думал об этом настолько сложно, сопоставляя и прикидывая возможные варианты. Я просто понял — не успею. И решил рискнуть. Сколько раз за сегодняшний день меня спасал случай, так почему бы ему не оказать мне еще одну незначительную по меркам целого мира любезность!

Пригнувшись, я побежал к спасительной двери. Шаг, вдох, выдох, шаг. Боковым зрениям я видел охотника. Он уже на стене. Вскидывает ружье, перезаряжает, прицеливается. Нет, этого просто не может быть! Я словно не бегу, а топчусь на месте. Словно попал на движущуюся дорожку Босвела, которую в прошлом году непонятно зачем смастерил мой первый учитель.

Что же делать?! Упасть? Бессмысленно, мы с ним на одном уровне. Попасть в неподвижную цель ему будет еще легче. Тогда что?! Прыгнуть? Но куда? Слева обрыв, справа — слишком пологий спуск, исчезающий в непроглядной бездне. Сломав ногу, я только облегчу ему задачу.

Не знаю, как мне удалось за такой короткий миг пропустить через себя все эти вопросы, но время для меня будто замерло, превратившись в смолу, из которой невозможно выбраться, даже избавившись от обувки.

Выстрел.

По моим подсчетам, он должен был прозвучать именно

сейчас. Именно в данную секунду — ни раньше, ни позже. Сейчас пуля ворвется в мое сердце и тогда…

Набат выдался на славу! Не хуже громогласного кашля винтовки, и я не смог поверить своим глазам — большой колокол, еще недавно валявшийся на пузе, теперь очутился на своем привычном месте. А рядом с ним, взявшийся непонятно откуда, стоял человек. Даже во мраке легко угадывалась его военная форма и отменная выправка. Одной рукой он держался за язык колокола, вторая — покоилась на рукояти сабли. И как бы я ни пытался себя убедить в обратном — он был вполне реален.

Но не только меня удивило появление солдата. Переведя оружие на звонаря и не зная как ему действовать дальше, охотник застыл.

Зачем? Ждал приказа?

Тем временем солдат повернулся в мою сторону и отсалютовал, как это было принято на материке — приложив ладонь сначала к сердцу, а затем приставив указательный палец ко лбу. Резко повернулся направо, теперь уже лицом к охотнику и, вытянув руку вперед, указал на верхний ярус стены, который практически прилегал к опорным башням и потому был практически не различим на фоне нечетких ночных силуэтов.

Пытаясь угадать смысл этого знака, я совсем забыл о собственной безопасности и об охотнике, что находился в каких-то ста шагах от меня. Вдруг мой взор прилип к глубокой корзине, доверху набитой мешками. Только страховочные веревки тянулись ни сверху вниз, а слева направо, постепенно снижаясь до первого яруса стены.

Вот она — цель!

В одну секунду из жертвы я превратился в безжалостного, холоднокровного, расчетливого охотника. "Проклятый пистолет" нацелился на корзину.

Конечно, я понимал, что не умею хорошо обращаться с оружием, и уж тем более не могу рассчитать расстояние, разброс пули и подобную ерунду… Я просто выстрелил. Несмотря ни на какие сопутствующие факторы. И моему поступку вторил малый колокол, возле которого уже не было вытянувшегося по стойке смирно солдата, а "большой сигнальщик" продолжал бесполезно лежать на боку.

Пуля, как говорят в таких случаях, — попала в самое яблочко.

Корзина с мешками легко соскользнула вниз и, достигнув укрытия охотника, взорвалась. Алое пламя вырвалось изнутри, словно опасный зверь, высвободившийся из клетки.

Хлопок.

Удар.

Тишина.

Тело несостоявшегося убийцы охватил огонь и с жадным чавканьем стер того с лица земли.

Обессиленно повалившись на каменные плиты, я закрыл глаза.

До моего слуха еще долго доносились потрескивания огня и отголоски чужих разговоров, возникавшие то тут, то там, словно шуршание листвы.

Потом мне удалось различить отдаленные команды и отчаянные крики солдат, а когда я все-таки открыл глаза, форт окутала предрассветная дымка. Подняв голову, я нашел самый высокий пик и улыбнулся. Видимо, островитяне правы — справедливый Калуку никого не оставляет в беде, какой бы огромной она не была. И в знак подтверждения моих мыслей, откуда-то из самых недр гор послышался протяжный горн.

Трудно поверить, но меня искали, и спасательная группа уже спешила на помощь.

Звук повторился, отразившись от стен обрывистым эхом. Нет, это не иллюзия. Они были уже близко. Не найдя в себе силы ответить, я улыбнулся и закрыл глаза.

Калуку — милостивый покровитель, ты не оставил меня одного!

Глава 15

Даже мертвецы не умеют держать язык за зубами

Уставившись на обгоревший металлический корпус и клепки по краям детали, капитан нахмурился еще больше. Видимо, ему никак не хотелось верить собственным глазам. Я же, напротив, нисколько не сомневался — перед нами действительно лежат останки манипулятора, создания, способного ходить, говорить, делать что угодно, не хуже человека или представителя иной расы.

— Ты уверен? — раздался сдавленный голос Райдера. Создалось впечатление, что он произнес вопрос случайно, не обращаясь к кому-то конкретному, а пытаясь услышать наше мнение.

— Нехорошие дела, — выдавил из себя циклоп.

— Более чем, рваная черть, — согласился старпом.

Капитан осторожно коснулся металлической поверхности. По всей видимости, эта деталь являлась плечом охотника. Отложив ее в сторону, Райдер позволил всем нам увидеть еще несколько составных частей. Трубки — артерии, провода — жилы, стальные пруты — кости. Конструкция была простой и одновременно сложной, а вернее будет сказать — совершенной. Но главным откровением для всех нас стало сердце охотника. Округлая колба содержала в себе нечто темное, отдаленно напоминающее сгусток тумана, только гораздо плотнее и активнее. Стальные клубы пара шевелились, напоминая скопище змей, и даже сквозь паутину

трещин можно было различить бледные сполохи. Внезапно возникая, они мгновенно гасли, исчезая в недрах странной субстанцией.

— Ты ведь уже видел подобную штуку, — внимательно посмотрев на меня, произнес капитан. Он именно утверждал, прекрасно понимая, что я отвечу.

— Подобные колбы были на Рифте, — осторожно начал я и остановился, стараясь припомнить все до мельчайших подробностей. Затем продолжил: — Тогда мне казалось, что это некий источник света, наподобие газовых ламп.

— Почему? — удивился циклоп.

— Там эта штука находилась в другой емкости. Что-то вроде паровых контейнеров, с бледно-голубым свечением, словно внутри Пои — огненный фитиль.

— Сколько штук он прихватил с собой? — вступил в беседу Барибала.

— Около десятка, может быть, чуть больше… Но, насколько мне известно, в тот раз был не первый поход в Ржавый город.

— Гиблый бобл-ботус! — злобно рявкнул Луцлаф. — Хром стал еще большим безумцем!

— Он всегда был таким, — не согласился капитан.

Старпом взял мерцающее сердце охотника в руку и покрутил перед собой:

— Что же задумал этот ваш Хром?

Капитан устало отступил от стола и, погрузившись в глубокое кресло, достал трубку.

— Все дело в Рифте. Эти проклятые земли подарили нам надежду и сразу же растоптали ее, сделав всех нас безумцами, возомнившими себя богами. То, что ты держишь в руке, мы назвали Робусом. Черный пар, величайший источник жизни, дающий любому изобретению умение не только вращать поршнями, но и мыслить. Можете не воротить носами, я не выжил из ума и прекрасно отдаю отчет своим словам. Робус — это истинная искра любой машинерии, благодаря которой она могла встать в один ряд с людьми. Именно по этой причине механикусы, возглавляемые Хромом, решили поднять на Рифте бунт. И по этой же причине власти материка испугались и велели уничтожить всех, кто работал у разлома, не выбирая ни правых, ни виноватых. Они хотели похоронить главный секрет Ржавого города в руинах. И им почти это удалось…

— Многие из нас пытались помешать Хрому, даже не понимая, какую опасность несет его выходка, — продолжил рассказ Луцлаф. — Наша ошибка состояла в том, что мы недооценили Робус. Колоссальное открытие виделось нам новым

витком развития. Многокрылые машины, пароходы, паролеты, паротраки, нескончаемый полет мысли. Но Хром распорядился им иначе. Только во время захвата Рифта мы поняли, как сильно ошибались. Наш бывший соратник, лучший механикус разлома, решил применить Робус по-своему. Он умудрился вдохнуть жизнь во все технические средства, что работали на Рифте. Оснастил их вооружением, и жернова итарова правосудия закрутились, превращая в пыль человеческие жизни.

— Вы никогда не рассказывали об этом, капитан, — напряженный голос старпома возник и внезапно затих, будто он случайно произнес свои мысли в слух.

— Подобные вещи лучше забыть навсегда, иначе они никогда не выпустят тебя из своих хищных лап, — ответил за Райдера циклоп.

— Получается, именно Белый Хвост изобрел манипуляторов? — оказавшись возле окна, я покосился на следы взрывов, выгоревшую землю, и попытался представить, что же на самом деле творилось на Рифте в ту роковую ночь.

Капитан не спешил отвечать на мой вопрос. Хорошенько затянувшись, он долго молчал, наблюдая за извилистыми клубами дыма, такими безобидными, но в тоже время сильно похожими на черный пар.

— В первые месяцы все выглядело вполне обыденно — представители гильдии изобретателей корпели над Робусом, что-то сопоставляли, смешивали, разделяли, а мы, в свою очередь, старались увеличить добычу, мало обращая внимания на эти эксперименты. Но так продолжалось не долго. Затишье закончилось, когда на Рифте появились первые надсмотрщики. Причем к жителям материка они не имели никакого отношения. Мы назвали их ратниками, потому что они с легкостью могли управлять нашими помыслами, четко исполняя приказы Верхушки.

Циклоп грустно улыбнулся и, посмотрев себе под ноги, сказал:

— Они посчитали, что мы можем украсть у них что-то ценное. Представляете? Те, кто долгие годы трудился во славу материка, способен присвоить себе черный пар! Лучше бы следили за собой, грязные ублюдки!

— Работники Рифта, конечно, восприняли подобную новость в штыки, — вновь заговорил капитан. — Но со временем страсти поутихли, и работа закипела с новой силой. Мы проводили на Рифте по три смены, окончательно отказавшись от инчей, мы вкалывали день и ночь, а механические создание подгоняли нас будто ленивый скот. И вскоре мы превратились в безропотных

рабов, способных лишь рыть землю, пробивать породу и умирать во славу обогащения Верхушки.

Было заметно, как тяжело Луцлафу даются эти воспоминания. Горестно вздохнув, он монотонно продолжил воссоздавать картину тех кошмарных дней:

— Загнав себя до предела, мы стали ошибаться. Все чаще на Рифте звучали взрывы, и узкие коридоры все чаще накрывали обвалы. Черные ленты несчастий захлестнули Ржавый город. Многие пытались справиться, но большинство предпочло бежать. Их ловили, секли бичами, а потом стали карать еще жестче — просто закапывали живьем и помечали место огромным булыжником с четырьмя насечками — знак общего презрения. Страх перед неминуемым наказанием немного охолодил пыл служителей Рифта, а Верхушка, в свою очередь, увеличила план по добыче пара.

На секунду циклоп прервался. В каюте возникла пауза, наполненная неприятными отголосками прошлого.

Скрестив руки на груди, первым нарушил тишину старпом:

— Зверь, загнанный в угол, в отчаянной попытке спастись способен на многое…

Наверное, каждый из нас мог принять данные слова на свой счет, но откликнулся на них только капитан.

— Ты прав, Барибала, так все и произошло. В ночь на пятый сул, когда мы должны были открыть новое месторождение, случилось восстание. За час до полуночи город наполнили звуки двойной сирены, возвещающей о конце рабочей смены. Застыв в растерянности, мы не понимали, что происходит, пока не раздались первые залпы орудий. Тяжелые восьмидесятимиллиметровые пушки голосили без умолку, а следом улицы заполнили колонны кошмарных машинерий. Облаченные в стальную броню и шипы, они рвали, давили, кромсали все живое на своем пути. Увы, эта ночь не сулила нам ничего хорошего.

Печальную картину докончил Луцлаф:

— Еще до восхода солнца каждый второй из нас распрощался с жизнью. Мы метались по Рифту, не в силах найти выход. А снаружи нас уже поджидали войска Верхушки, которые окружили город и готовились к атаке. Рассказывать, что было дальше, не имеет никакого смысла, иначе мне придется потревожить слишком много мертвецов, и без того настрадавшихся перед смертью. Зря ты вернулся, друг, — обратился к капитану циклоп. — Ты был нужнее за пределами Рифта, а не…

— Оставим! — резко оборвал его Райдер. Дрожащей рукой он нащупал на шее медальон, крепко сжал его и покинул каюту.

***

Этим утром северный Крут сменился восточным Локросом и я впервые в жизни ощутил привкус победы. Вчерашний день слишком многое изменил в моей жизни. Теперь я не обращал внимания на пышущие ненавистью взгляды команды — пускай хоть глаза сотрут! У меня была цель, заставлявшая меня не отвлекаться на подобные мелочи.

Утром капитан объявил о роспуске. В ответ он услышал только гул разочарования. Летные не любили меня корабль, считая это плохой приметой, хотя Райдер и щедро заплатил за последний рейд.

— На 'Купере' останутся: рулевой, старпом, Сти и Луцлаф. Впятером нам будет по силам добраться до материка. Там мы продадим корабль и наймем возницу с экипажем. Дальше каждый из нас принесет клятву — слова гнева, который настигнет того, кто пролил кровь безвинных служителей Рифта, — обратился к нам капитан перед отлетом.

Глаагу мы покидали молча, наблюдая за свинцовыми грозовыми тучами. 'Купер' неохотно набирал высоту, словно боялся надвигающейся бури. Раскаты грома смешались с шумом обеспокоенного океана. Вздымаясь вверх, волны пытались дотянуться до корабля, затащить его на дно. Всплеск — неудача. Всплеск — еще одна.

Перекрикивая ветер, капитан изрекал одну команду за другой и 'Купер', задрав нос, устремился навстречу грозному ненастью.

— Эй, Сти, помоги мне!

Успев заметить скользнувшего в трюм циклопа, я поспешил следом.

Крохотный огонек масляной лампы вынырнул из темноты в тот самый миг, когда я наткнулся на пару тяжеленных бочонков.

— Тише, лишний шум нам ни к чему, — напомнил циклоп и указал на дальнее хранилище, где, по мнению команды, капитан скрывал собственную часть полученной прибыли.

Миновав оружейную и пустующие сейчас баллоны для серого пара, мы оказались у заветной двери.

— Подержи! — циклоп протянул мне лампу.

После схватки с наемниками, Луцлаф получил серьезное ранение. По крайней мере, его рука, покоящаяся на груди, выглядела весьма скверно, а на бинтах виднелись темные пятна крови.

Пока циклоп возился с замком, я успел оглядеться.

За все время службы на 'Купере' мне лишь однажды довелось

спуститься в трюм, и то лишь на пару минут. Тогда я подхватил ящик с вяленым мясом и быстро поднялся на палубу. О том, что здесь существует целый мир, я даже не подозревал.

У дверей, ведущих в хранилище пара, виднелись старые ржавые трубы, исчезающие в едва различимом проеме у потолка. Замок был сложной работы: широкий резной механизм и засов, распустивший во все стороны лапища. В углу, возле отверстия для ключа, имелись две литеры 'М', перекрещенные между собой — клеймо знаменитой школы механикусов с острова Рустокс. Точно такой же знак угадывался и на двери капитанского хранилища, а стало быть Райдер тщательнейшим образом относился к сохранности своего имущества.

На противоположной стороне располагались два помещения с оружием. В первом — электрические сети для ловли серого пара, во втором ружья и пистоли, да снаряды для пушек. В самом начале нашего путешествия, как я слышал от рулевого, в Северных облаках они наткнулись на корабль пиратов. Бой вышел недолгим, поскольку капитан, ловко маневрируя, практически полностью разнес правый бок противника. Однако и самому 'Куперу' досталось неслабо. Последние годы на свободных островах все чаще стали попадаться Слепые торговцы, которые продавали современное оружие с материка. И попадало оно в руки отнюдь не солдатам Объединенного решения.

Пока я пытался разглядеть сквозь щели зачехленное оружие, последний замок щелкнул и дверь открылась. Пригнувшись, циклоп быстро исчез в темноте, даже не удосужившись забрать у меня фонарь.

Хранилище капитана оказалось более чем скромным — всего два ярда. Внутри никаких несметных сокровищ, а всего лишь три длинных свертка. Подхватив один из них словно пушинку, циклоп, ничего не объясняя, направился к выходу. Посторонившись, я уткнулся в стенку и задрал над собой фонарь. Когда Луцлаф поравнялся со мной, сверток слегка раскрылся, и я увидел выпавшую зеленую лапищу.

— Чего встал, помогай, — недовольно буркнул циклоп.

Мы вытащили тела наемников на палубу и скинули их вниз.

— Держи, это тебе награда от твоих несостоявшихся убийц. — Закончив работу, циклоп вытер руку об штанину и, покопавшись в кармане, подкинул серебряную монету.

Я ловко поймал ее налету, раскрыл ладонь и обмер. В самом центре кругляшка имелось некое углубление, похожее на… Невероятно похожее на ту самую монету, что подарил мне Белый Хвост. Перед глазами возник образ плечистого гиганта делающего особую пометку — углубление на серебряной

пластине — легким движением механической руки.

— Что с тобой? — заметив мое удивление, поинтересовался циклоп.

— Откуда она у вас? — заранее зная ответ, я все-таки решился спросить.

Луцлаф указал за борт.

— Возможно, ты назовешь мои поступки предосудительными, но перед тем как избавиться от мертвого врага, я привык изучать содержимое его карманов.

— Так у вас заведено еще со времен охоты? — догадался я.

Циклоп кивнул.

— Ты знаешь, это было так давно, что мне кажется, я прожил не одну жизнь, а сотню.

— А с чего начиналась ваша охота?

Прищурив глаз, циклоп посмотрел в мою сторону и, упершись в борт, отвернулся, уставившись на горизонт.

— Всю свою жизнь я трудился в шахтах. Может показаться невероятным, но за долгие сорок лет я ни разу не держал в руках оружия. Только кирку и захватчик, с помощью которого отлавливают скопления пара, поэтому, когда мы остались наедине со своим горем, нам пришлось осваивать новую профессию. Каждый из нас проникся духом воина, получив бесценные знания от нашего наставника.

— У вас был учитель?

— Да. Мы обратились к Найверам — тем, которые живут на границе между материком и островами в восточных пустынях Лирии и Ракии. Выслушав нашу историю, старейшины клана позволили нам пройти первый уровень обучения.

— Так просто? Я слышал их тайны доступны лишь избранным жителям материка, — в моем голосе скользнула тень недоверия.

— Ты абсолютно прав. Живущие в пустыне Ракии кланы не любят чужаков, и их неразрешимые проблемы…

— Но для вас сделали исключение, — догадался я.

Луцлаф согласился.

— Законы Найверов незыблемы, но они увидели в наших помыслах отголоски своих заветов, — взгляд циклопа приковали яркие созвездия звезд, и он долго молчал, не желая продолжать разговор. Наконец он вздохнул и сказал: — Знаешь, я всегда думал, что убийство — самый ужасный из итаровых грехов. Но я ошибался. В мире существуют гораздо более страшные проступки. Один из них — жгучее желание власти. Желание переступить через все добродетели, лишь бы добиться конечной цели. Поверь, такое стремление может уничтожить гораздо больше доброго, чем обычная ненависть. Сотни, десятки сотен безвинных жизней.

— Именно так поступил Хром! — внезапно выпалил я.

На этот раз на лице циклопа не дрогнул ни один мускул, однако я понял, что вновь оказался прав.

— Неправы те, кто считает, что за добро надобно платить добром. Бывают случаи, когда зло надо искоренять и выкорчевывать, будто старый пень, мешающий расти молодой поросли.

— Получается, что власти материка поступили также? — засомневался я.

— Нет, — отмахнулся Луцлаф. — Они пошли по пути наименьшего сопротивления. Увидев проблему, Верхушка решила уничтожить всех виноватых и невиновных жертв Хрома. Погибших даже не предали земле, а выживших наградили клеймом позора.

За спиной послышался шорох, и я настороженно обернулся. Мою память все еще будоражили пугающие картины вчерашней схватки.

Глаза быстро нашли застывшую фигуру рулевого и двух смотрящих у противоположного борта — никаких сыскарей.

— Скажите, как вам удалось справиться с наемниками? — я бросил невольный взгляд на перебинтованную руку циклопа.

Луцлаф заметно смутился, и осторожно поправив повязку, уклончиво заявил:

— Найверы хорошо обучили нас.

Я понимающе кивнул и уже собрался идти спать, когда голос циклопа остановил меня.

— Зря ты ввязался в эту охоту, парень. Поверь, на данном пути тебя будет поджидать только горе. Но я буду молиться Икару, и великой Искре, чтобы беда обошла тебя стороной.

— Скажите, а почему вы изменили свое решение?

— Сладка месть не та, которая убивает врага, а которая несет жизнь истинному другу. Чуешь о чем я? Райдер моя единственная близкая душа на этом свете и я не собираюсь предавать его, как это сделал Итар со своим братом.

— Получается, что вы не разделяете наших взглядов, и не желаете отнять жизнь у Хрома?

Луцлаф задумчиво помял подбородок:

— Не скрою, когда мы начинали охоту, у меня было огромное желание свершить правосудие вместо Всевышнего и его сына Икара. Но со временем я понял, что мстить — едва ли не то же самое, что кусать собаку, которая укусила тебя.

Мне не понравились слова Луцлафа, и я попытался с ним поспорить.

— А как же, вы полагаете, стоит бороться с теми, кто

совершил подобное зло? Перепоручить суд небесному создателю?! Или ждать действия Коллегии Праведников?

— Отомстив, ты получишь взамен только боль в сердце, — отрешенно сказал циклоп и затих. Видимо, он больше не собирался отвечать на мои провокационные вопросы, но я не стал отступать.

— Получается, вы решили лететь с нами только ради того, чтобы в решающий момент отговорить капитана? — мой вывод был слишком смелым. И виноваты в этом были колючие слова циклопа.

— Не отговорить, а уберечь в случае опасности, — невозмутимо ответил Луцлаф и, заметив раздражение на моем лице, решил окончательно расставить все по своим местам.

И начал он с вопроса:

— Скажи, почему ты согласился присоединиться к Райдеру? Опасность миновала. Ты на свободных островах. Зачем рисковать жизнью и возвращаться на материк? — внезапно лицо Луцлафа сделалось каменным, и его взгляд уперся в меня, словно собирался разорвать на куски. — Чем лично тебе насолил Хром?

Легкий ветерок коснулся лица и обжег мои горевшие огнем щеки. Впервые за долгие месяцы я посмотрел на свою жизнь со стороны и ужаснулся. А действительно: в чем состояла лично моя месть бывшему бунтовщику Рифта? Мои родители, которые якобы погибли в Ржавом городе во время кровавой ночи? Или месть состояла в слепом желании расправиться с тем, кто пытался меня убить?..

Монета с вмятиной скользила между пальцами, сверкая в лунном свете серебряными боками.

Орел или решка?

Мысли цепочкой выстраивали всевозможные вопросы, претензии, обиды, а кругляш продолжал свое вращение. Луцлаф терпеливо ждал ответа, давая мне время хорошенько подумать.

Переполненный громоздкими фразами, я уже собирался выдать циклопу настоящую тираду, когда монета подлетела и легла ровно в ладонь как раз той стороной, где виднелась метка гнома-механикуса. И внезапно я понял, насколько я не прав. В голове образовалась полнейшая ясность собственных поступков, и я спокойно сказал:

— Я не хочу стать свидетелем еще одной кровавой ночи. Именно это желание движет мной, заставляя идти в ногу с тэром Райдером и его немногочисленной командой.

— Что ж, — на лице циклопа возникло едва уловимое подобие улыбки. — Я очень рад за капитана. Ему повезло встретить единомышленника по духу, а это поверь мне большая

редкость, — протянув здоровенную лапищу, он пожал мне руку. — А теперь надобно отдохнуть. Возможно, завтра настанет тот самый день, когда у нас не будет времени так легко и свободно заводить разговоры на разные темы.

Я кивнул в ответ.

Среди седой пелены облаков уже забрезжили первые лучики рассвета, и небеса стали сгонять с себя ночную хмарь, подталкивая наступление нового дня. Конечно же, пророчество Луцлафа сбылось ни сегодня, а гораздо позже, но его слова еще долго витали у меня в голове, пытаясь отыскать единственно верный путь, пока я не погрузился в тревожный мир сновидений.

Глава 16

Дождь, ветер и дрянные новости

Долговязый человек в длинном дорожном плаще отряхнул одежду, сбил с высоких сапог грязь, смачно чихнул и уселся рядом с нами за соседний стол.

Стоявшая в центре стола свечка вздрогнула, когда на гостя вновь накатил первый признак простуды, и стала меньше наперстка.

— Какие новости, Джи? — не став представлять нас незнакомцу, поинтересовался Райдер.

— Дела вполне, как говорят в таких случаях — поганые, — гнусавым голосом ответил гость и в очередной раз чихнув, вытер рукавом нос.

По акценту я решил, что гость явно выходец с горной цепочки Арда, но я ума не мог приложить: как он попал на противоположную часть материка?

— Говори, — потребовал капитан.

— Недоброе дело вы задумали, говорю я вам, мистеры и присутствующий здесь тер, — не спеша рассказывать, ответил Джи.

— Не тяни лакра, сам знаешь за что, — послышалось из-за спины долговязого.

— А я тебе не бычочик, чтобы подгонять меня почем зря, мистер одноглазый, — нашел, что ответить гость. — Забудьте свои поговорочки, господа свободные летуны. Тут вам не острова. Тут мы играем по моим правилам. Сойдемся в цене — скажу, где искать вашего гнома-переростка. Не сойдемся, сообщу кому надо и быстро загремите в застенки Доджа.

В отличие от остальных охотников, я вздрогну, и долговязый это заметил.

— Кажется, один юнец знает, о чем я тут веду беседу, так его как бы сказать.

Что приятель, не первый раз на материке? Знаешь, кто такие, Итар их подери, наблюдатели?!

Ничего не ответив, я уставился на кривую поверхность старой столешницы.

Сейчас разговор вел капитан — и не стоило вмешиваться.

— Джи, мы уже сошлись на цене, к чему зря молоть языком? — Райдер нахмурился и внимательно посмотрел на гостя.

В ответ Джи осклабился, поковырял в зубах длинным ногтем, извлек довольно приличный кусок какой-то еды и, покрутив ее на мизинце, словно на вертеле, отправил обратно в рот.

— Это было вчера, а сегодня совсем другое дело, — причмокнув, он одарил капитан хищной улыбкой.

— Что же изменилось, рваная черть? — за спиной Райдера возникла могучая тень старпома, который все это время как истинный виталлинг прятался во мраке крохотной комнаты. Но даже его внезапное появление нисколько не напугало долговязого.

— Как бы это сказать, задачи. Найти человека это одно, а найти Хрома — это стало быть совсем другое!

Я заметил, как на лице Луцлафа и Барибалы возникло мимолетное изумление, но они промолчали также как и я. Старшинство капитана в нашей команде было незыблемо.

— Стало быть отыскал, — спокойно констатировал Райдер.

— Так сказать, так сказать, — согласился Джи и немного поразмыслив добавил:

— Ты ведь меня для этого и нанял.

— Безусловно.

— Тогда послушай меня внимательно, капитан. И не вздумай перечить. Не в твоих интересах перебивать и пытаться торговаться. Дело-то серьезное. Куда серьезней, так сказать, я думаю.

— Хорошо, — кивнул Райдер. На его лице не дрогнул ни один мускул, однако краем глаза я заметил, как рука Барибалы легла на рукоять пистоля, который слегка выглянул из своей кобуры.

Тем временем Джи выложил на стол пару железных болтов и, покрутив их в руке, размеренно произнес:

— Предупрежу вас еще раз, капитан. Вы не знаете с кем связались, и мой вам совет — бросьте это гиблое дело и отправляйтесь к себе на острова, откуда вы там примчались к нам? Гриит? Флагса?

— Глаага, — сквозь зубы процедил циклоп.

— Ну и прекрасно, одноглазый. — Лиходей одарил Луцлафа безразличным взглядом. Болт выскользнул и осторожно скатился на стол. Покрутился. Повертелся. И встал на шляпку.

Я знал эту игру. Гадание на болтах — было любимым развлечением всех механикусов, состоявших в Гильдии Созидателей. Подобное положение у них означало — большой куш, а вот что оно говорило долговязому, мне было не известно.

— Сколько? — нарушив затянувшееся молчание, поинтересовался капитан.

— Три раза от вашего первоначального предложения, — заявил Джи.

— И что я получу взамен?

— Вы получите десяток мест, где вам, возможно, посчастливится встретить вашего опасного врага.

— Да он издевается над нами!

— Бред!

— Всего-то!

На этот раз не стал молчать даже я. Мы прокричали в один голос, едва удержавшись, чтобы не разорвать наглеца на части. Только Райдер коротким кивком умерил наш пыл. Циклоп, нахмурившись, облокотился на стену старпом ушел обратно в тень, а я просто потупил взор и затих.

— Ты ведь неспроста повысил ставки, Джи?

— Ха, так сказать, ваш капитан не такой ржавчик как я думал, — едва ли не присвистнул долговязый. — Так вот слушайте. Задание ваше попахивает не хуже нафталина. Во-первых, мы договаривались, что я буду искать конкретное лицо, а не его Итарово подобие. А во-вторых, — гость, не позволив вставить капитану ни одного слова, продолжил: — Мы договаривались на одного клиента, но никак на троих.

— Троих? — Райдер искренне удивился, как впрочем, и каждый из нас.

— Только не говорите, что вы не знали, — отмахнулся долговязый и швырнул на стол еще пару болтов.

На этот раз его игральные фишки легли боком, образовав букву символ V.

Он кинул на выпавший знак короткий взгляд и, постучав пальцами по столешнице, заявил:

— Надеюсь, мне удалось вас заинтриговать? Это еще не все интересные моменты, что я раскопал, занявшись вашим делом.

— И когда нам удастся услышать остальное.

— Как бы так, не сегодня и не здесь. — Икнув, долговязый ловко смахнул со стола игральные принадлежности и ссыпал их в

карман. — Если вы согласны, то завтра я жду вас на Южной окраине близ кирпичной артели Грабта. Если заблудитесь, спросите у прохожих, они с удовольствием укажут вам дорогу к полуразрушенным стенам и заброшенной станции. Отряхнув свою шляпу, он победно водрузил ее на голову и, опустив поля так, чтобы она скрывала верхнюю часть лица, откланялся. Повернувшись спиной, он в последний момент обернулся и выставил указательный палец, словно что-то позабыл.

— Ах, да и еще один нюанс. Приходите один, капитан. Я не желаю больше лицезреть ваших громил: ни того, который имеет всего один глаз; ни второго, напоминающего мохнатое чудище. Да еще сопляка, не способного толком держать оружие в руках. Будем говорить один на один. Так мне будет сподручнее. И запомните капитан, если вы решите найти для вашей работенки другого лиходея, я продам информацию про вас врагу. Не сочтите так сказать как бы это за невежество, но всем в этом мире нужна звонкая монета. Завтра утром я пришлю своего человека, который передаст вам подробные инструкции. Главное не забудьте прихватить на встречу положенную сумму и тогда вы узнаете от меня все секреты вашего неведомого Хрома… — с этими словами он вышел вон, громко хлопнув дверью.

Свечка, поддавшись резкому сквозняку, окончательно погасла, оставив нас в кромешной темноте. Но даже в таком положении отчетливо ощущалась нарастающая ненависть. Надменная физиономия долговязого стоя передо мной, продолжала усмехаться, упиваясь нашей беспомощностью. Рассеяв непокорную тьму, свеча вспыхнула ярче прежнего, и я сразу ощутил облегчение. Гнев испарился безвозвратно, не оставив ни единого напоминания о недавнем госте.

— Поступим так. — Капитан зажег еще несколько масляных ламп, и указал на старпома. — Завтра прогуляешься со мной до артели: посмотрим с тобой, что и как. А ты Луцлаф, бери с собой Сти и возвращайтесь на "Купер".

— Зачем? — недовольно буркнул циклоп.

Поднявшись, капитан похромал к окну. Остановился. Вгляделся в царившую снаружи серую хмарь. Последние месяцы Райдер выглядел усталым, словно каждый новый день давался ему с огромным усилием, и приносил немыслимые страдания. Чем ближе мы подбирались к цели, тем измученнее выглядел наш капитан.

— Прикажите оставшимся членам команды сойти на берег и распорядитесь продать корабль. Бумаги я уже подписал.

Последние слова вызвали у присутствующих настоящий шок. Старпом, всегда отличавшийся спокойным нравом, едва не

подпрыгнул на месте, одарив капитана таким взглядом, будто тот заразился сумасшествием. Луцлаф также не выказал одобрения этой идеи. Подойдя к Райдеру, он приобнял его за плечо и тихо произнес:

— Стало быть, пришло время, друг. Уверен, Триана была бы не против.

***

Говорят что порой, жизнь меняется также резко как воздушные потоки или скажем, непредсказуемые течения Люфа — все вроде бы идет по плану, размерено и спокойно, но попадается на пути какой-нибудь риф, который ты желаешь обойти, и начинается невероятная круговерть, способная швырнуть тебя в неведомые обстоятельства. Приблизительно такая ситуация произошла и со мной. Оглядываясь на прожитые дни, я мог только радоваться, что водоворот событий, наконец, даровал мне попутный ветер, и я словно парящий в небе Икар отыскал-таки свою направляющую звезду.

Покинув Глаагу, мы стали удаляться от свободных островов, приближаясь к тяжелым берегам материка. Первой остановкой стала Мартия — небольшой портовый городок на западном полуострове независимых земель. Но даже здесь, в сотни миль от строгих законов "Параменика" ощущалось навязчивое влияние материка. Милостивая Эверика! Раньше я и помыслить не мог, что буду с таким пренебрежением относиться к своей родине.

Маленький городок был переполнен различными изобретениями механикусов и даже местная стража носила доспехи, схожие с облачением блюстителей.

А еще Мартия напоминала один огромный базар, где все шумели, перекрикивали друг дружку и пытались навязать ошарашенному изобилием товара покупателю свой удивительный товар. Представителей гильдии Искусников я так не встретил, а вот их последователей было пруд пруди. Каждый второй здесь мнил себя великим механикусом и никто не удивлялся, завидев на узкой мощеной улочке человека на механических ходулях или в чреве прозрачного кокона который передвигается при помощи восьми тонких ножек, на манер паука.

Здесь мы бросили якорь на долгие три месяца. И время приобрело для меня два состояния — стремительное и невыносимо медленное. До полудня я помогал оставшимся членам команды приводить «Купер» в надлежащий вид, поскольку долгие странствия сказались на корабле не лучшим образом. И эти часы пролетали быстрее ветра. Я только и успевал, что

драить, смолить, бить и таскать. Подобная работа напомнила мне время, проведенное в ангаре, — когда над головой раскрывался стеклянный купол и совершенный крылоплан приземлялся на широкую площадку. Постоянное движение воздушных кораблей, ощущение свободы и стремительно удаляющиеся облака…

Вторая половина состояла из долгой и нудной муштры. Изучать премудрости боя оказалось не так-то просто, как мне виделось в начале. А первые уроки и вовсе превратились в настоящий кошмар. Долгие часы Луцлаф заставлял меня смотреть в одну точку, сохраняя ровное дыхание и не меняя позы.

Коленки затекли впервые пять минут, еще через пять — начало гудеть в голове, и стало казаться, что я занимаюсь ерундой, от которой нет абсолютно никакого толка. Последующие уроки тоже не несли за собой никаких практических знаний: я либо за кем-то наблюдал, либо замирал на месте, а еще хуже — медленно повторял за циклопом странные движения. Мне ужасно хотелось сделать их быстро, изобразив удар, но мне не позволялось этого делать.

Именно этот период обучения превратился для меня в бесконечные отчеты секунд, минут, часов растянувшихся в бесконечность.

Спустя месяц меня допустили к оружию. К тому времени я научился главному — не бояться невыносимого ожидания. Для меня больше не существовало до и после, а только здесь и сейчас. Теперь я жил, словно хищник — в вечном ожидании своей жертвы. Обострившиеся чувства постоянно напоминали о себе, превратив окружающий мир в хранилище всевозможных вспомогательных средств и возможностей, помогавших выйти победителем из любой даже самой безнадежной ситуации. Техника воинов-охотников, услышав о которых вздрагивали даже бывалые рубежники Арги, открывала во мне иные более опасные грани, меняя несдержанность — вниманием, опрометчивость — выдержкой, а гнев — холоднокровием.

Мне тяжело уловить тот Рубикон, когда я все-таки понял, что любая мелочь в обучении была направлена на то, чтобы переломить меня, заставить подругому смотреть на привычные вещи, четко и поэтапно выстраивать свои мысли в критической ситуации. Глубокий вдох, задержка дыхания, выстрел. Я радовался первой выбитой мишени как ребенок. Потом я научился стрелять не целясь. Неуловимая пауза, которая возникает между осознанием цели и спуском курка. Миг, когда видишь конечный результат, чувствуешь ее кожей, мысленно сокращая расстояние от твоего смертельного оружия, до крайней точки, той самой, где жизнь и смерть танцуют последний танец.

За время, что мы провели на Мартии, Райдер успел распрощаться с большей частью своей команды, добыть неплохое снаряжение для нашей охоты и узнать, как Хрому удалось ускользнуть от блюстителей Плакты. Та ночь, когда мне так милостиво позволили бежать из города, стала определяющей. По неофициальным данным — Хром безболезненно покинул Плакту на следующий день. Для всех остальных он стал очередной жертвой блюстителей, которые не любили церемониться с лиходеями. Ночные облавы закончились долгим затишьем. Верхушка была рада, опасный очаг заговорщиков ликвидирован, а бывший бунтарь превратился в обгорелый огарок, не представлявший для Плакты никакой опасности.

Оформив все необходимые разрешения, Райдер взял курс на Желзну. Казалось бы, какие-то сто миль! — но путь оказался неблизким. Пару раз нас останавливал патруль рубежников. Мы сбавляли обороты, ослабляли баллон и повисну в воздухе, ждали, пока закончится процедура утомительной проверки. Все это время я прятался под самым носом у стражей материка — «в корзине звонаря» — под самой мачтой у верхнего края воздушного баллона.

Именно туда не догадался заглянуть ни один рубежник. Их главной целью были: трюм, склад, каюты, но только не плетеной гнездо над головой.

Цель нашего путешествия капитан всегда называл одну и туже — покупка лома для продажи на свободных островах.

Когда временные путеводы были проверены и мелкие претензии улажены звонкой монетой, рубежники отвязывали концы и убирались восвояси. Тогда мне было позволено спуститься из своего укрытия и помогать рулевому и двум братьям Рипии — тем немногим кто продолжал летать под сине-белым флагом «Купера».

Принимаясь за работу, я украдкой взирал на извилистые дороги, крохотные поселения и немногочисленные крылопланы и дирижабли бороздящие небесные просторы над материком. Первые стремительно проносились над нами, вторые — неспешно ползли среди облаков, оставляя за собой черный шлейф отработанного пара. Где-то там вдалеке нас нагонял торговый обоз, с которым Райдер договорился об опасном грузе. Ни одной винтовки на борту, только сети, багры, кошки и остальной незапрещенный на материке инвентарь. Все оружие было спрятано на борту одного из трех тяжеленных «Хвостанов», внешне напоминавших нерасторопных ящериц и передвигающихся по небосводу, словно они ползли по желтым барханам пустыни. По законам «Параменика» продовольственные

поставки охранялись лично блюстителями и не подлежали сторонним проверкам.

Утро начала октября застало нас на подлете к Желзне. Пока мы с Луцлафом подыскивали подходящее жилье, Райдер старался разыскать тех, кто не чурался сомнительной работы и мог найти золотой в куче ржавого барахла. К счастью такие люди замаячили на горизонте, впрочем, как и само жилье. Небольшой домик в северной части Желзны затерялся среди торговых лавок и двух промышленных цехов, где изготавливали каркасы для крылопланов. Достаточно неприметное место, потому как даже в будний день народу на этих крохотных улочках набивалось столько, что не протолкнуться — а все дело было в небольшом блошином рынке, приютившемся у огромной церкви Деяния святой Искры, почитаемой во всех уголках материка. Именно здесь мы получили от Райдера первые наставления.

Охота началась!

Сперва, нам предстояло внимательнейшим образом изучить город. Закоулки, лестницы, пролеты, старые и новые дома, площадки, башенки и широкие площади — все отражалось в моем блокнотике. Дни напролет я слонялся по Желзне, делая зарисовки, записи и старясь запомнить любую даже самую незначительную мелочь. Вечером мы собирались за круглым столом, и каждый пересказывал все, что увидел за день.

Блюстителей в городе было мало, за неполную неделю я случайно наткнулся лишь на один патруль, состоящий из двух человек. Не успев затеряться в толпе, я не стушевался — поправил шляпу, поклонился и проследовал дальше с гордо поднятой головой. Скучающий взгляд блюстителей задержался на мне лишь на секунду и перескочил на витрину одного из дорогих магазинчиков, возле которого толпились юные мисс из местного церковного хора. И хотя одеты девушки были весьма скромно: длинные темносиние костюмы с белыми вставками и символом двойного крыла на левом рукаве, — они всегда привлекали внимания прохожих

Десятый день должен был стать определяющим в подготовительном этапе. Мне оставалось изучить набережную и широкую площадку у реки, где возвышался памятник Троссу Выдумщику, бывшему выборному Гильдии механикусов. Бронзовая фигура кранкса застыв на холме, как верный страж своего любимого города, охраняла западные пределы Желзны, ограниченные быстрыми потоками речушки Масли. Опираясь на огромную кувалду, он с надеждой смотрел с холма куда-то вдаль. Туда, где начинались границы Рифта.

Остановившись возле парапета, я внес в блокнот очередную

запись и едва не выронил карандаш из рук: внизу по каменной дорожке, что тянулась вдоль берега, быстрым шагом двигался Хром. Лавируя между людьми, порой он вклинивался в потоки, разрезая их пополам. Перемахнув через несколько ступенек, я устремился за ним следом. В тот момент мне казалось, что я поступаю абсолютно правильно — и не могу сделать что-то иначе!

Ноги сами несли меня вперед. И только неведомый мне внутренний ограничитель не давал забыть об осторожности и не лезть на рожон. Ощущая в себе невероятный прилив сил, я готов был вцепиться в шею этому великану. Преодолев набережную, гном резко повернул направо и направился вверх по улочке, к центру города. Не оглядываясь, он шел уверенным шагом, будто жил в Желзне с самого детства. Ремесленная забава, Роза ветров, Стальной брусок — я только и успел запоминать названия улиц. Конечно об этой части города мне уже было известно из отчетов Луцлафа — который отвечал за центральную часть Желзны, только даже обладая подобной информацией ориентироваться было не так-то легко.

Свернув с улицы Ткачей на проулок Стеклодувов, Хром немного покрутился на месте и внезапно исчез в многочисленной толпе — я только и успел заметить его широкую спину среди деревянных крыш рынка. Позабыв все инстинкты охотника по дороге, мне чудом удалось затеряться среди зевак и не попасться на глаза гному, когда он невзначай обернулся. Всего три вдоха, и я вынырнул из укрытия, но было поздно. Гном бесследно исчез. Палатки, орущие изо всех сил зазывалы, механикусы предлагающие свои услуги, астрономы и алхимики — рынок был переполнен всевозможными профессиями, предложениями, товарами. Обойдя его насквозь бесчисленное количество раз, я, наконец, был вынужден признать свое поражение. Хром словно провалился сквозь землю, в царство самого Итара.

— Но как же так, Старп-Бери?! Ты же обещал! У меня все дело стоит!

Среди общего гула, возмущения плечистого бородача одетого в холщовые рубашку, штаны и плотный, местами прожженный фартук, заставили меня отвлечься.

— Давай, Старп! Признавайся, куда товар спрятал! Уже шестой день за нос водишь! — недовольная толпа, окружив пузатого промышленника едва не смела его со ступенек, у входа в маленькую конторку над которой возвышалась вывеска " Мануфактура Старп и остальные"

— Нет товара, нет денег! — не услышав вразумительного ответа, стали зычно скандировать покупатели во главе с

бородачом.

— Тише. Успокойтесь. — Замахав коротенькими ручонками, толстяк извлек из внутреннего кармана белоснежный платок и принялся прикладывать его к лысому лбу, желая избавиться от обильных капель пота. Он был весьма напуган, но сдаваться не собирался. — Все верно — обещал. Но придется немного подождать!

— Возвращай наши задатки! — взревела толпа.

— Вы же читали правила, у нас задатки не возвращаются. — Платок заскользил выше на самую макушку, туда, где еще виднелись жиденькие ряды кудрявых волос.

— Врешь!

— Ты всех нас вокруг пальца обвел!

— Есть у тебя металл, только ты его другим толкаешь!

Выкрики из недр негодующих горожан напоминали хлесткие удары кнута, от которых на лице Старпа выступили красные пятна. Он что-то попытался проблеять в ответ, но толпа слушала и слышала только себя. Закипев до придела, она готова была в любую секунду ринуться на штурм конторки "Мануфактура Старпа", не хватала лишь одного короткого призыва, который последовал незамедлительно.

— Отдавай все!

— Отдавай векселя!

— Заберем их!

Не в силах оторвать взгляда от затевающегося бунта, я сунул руку под куртку, где ждал своего часа четырех ствольный пистоль — лучшее из того, что удалось отыскать Райдеру на южном побережье материка.

Первые камни со свистом полетели в стеклянную витрину. Испуганные лица служащих — считавших, что внутри конторы они находятся как за каменной стеной, — налились ужасом. Их надежды не оправдались.

Толпа мгновенно смела Старпа и двух здоровенных детин из его окружения. Я успел заметить, как тучная фигура взмахнула руками, платок устремился ввысь, а его обладатель стремительно исчез среди напирающих горожан. Плечистые увальни в строгих костюмах попытались сопротивляться, но продержались не дольше своего хозяина. В ход жаждущих справедливости покупателей пошли дубинки, бутылки и еще какая-то утварь.

Крики отчаянья смешались с радостными ликованиями. Толпа была уже внутри конторы. На улицу, словно выстрелы конфетти вылетели целые столпы рваной бумаги — внутри шел погром! Кто-то пытался молить о помощи, но большинство торговцев безропотно наблюдали за происходящим, даже не

помышляя вызывать блюстителей.

Пыл не довольствующих тем временем поостыл и рев снизился до непонятных бурчаний и стонов, хотя последние исходило от лежащих у ступенек служителей конторки "Мануфактура Старпа". Не пытаясь подняться, хозяин жестом попросил помощи, однако наблюдавшие за штурмом торговцы и праздные зеваки были непреклонны.

— Зря они негодуют, лучше бы у ленивого Бипа лом купили, все лучше, чем ничего, — голос с легкой хрипотцой был единственным символом спокойствия в этом царстве хаоса.

Повернув голову, я посмотрел на круглолицего торговца с двумя сумками по бокам. Сунув руки в карманы, он равнодушно наблюдал за происходящим, успевая ко всему прочему еще насвистывать одну довольно забавную мелодию. Кажется это песенка о неудачном мастере, начиналась словами: «Я слишком многого хотел от жизни».

— Потешно, никогда не думал, что в нашем захудалом городишке наступит подобный кризис.

Торговец покосился в мою сторону и, покачав в такт головой, весело подмигнул.

— Разве Воздушные обозы Кларка обделили вас этим инчем? — понимая, что разговора мне все равно не избежать, я, изобразил искреннее удивление и ответил.

— Из той ямы, в которую мы угодили нам надобно устраивать инчи не реже двух раз на неделю. — Торговец закатил глаза к небу, сложив руки лодочкой.

— Хотите сказать, вам не хватает поставляемого караваном? — теперь мои эмоции приобрели реальные очертания.

Откуда такой дефицит металла? Они что же собираются восстановить Ипритский саг16.

— Мы сейчас согласились бы даже на крупную крошку, — откровенно признался торговец и немного подумав, добавил: — Поверьте, наша цена в несколько монет была бы выше той, что дают в Винтеле или Подшипе.

— Вы, верно, меня разыгрываете, — пытаясь уловить в глазах собеседника ложь, я пробуравил его взглядом.

— Я бы и рад, но дела обстоят хуже, чем может показаться на первый взгляд.

— Тяжело вздохнув, торговец изменился в лице. Теперь он больше напоминал механикуса, который никак не может окончить свой сложный эксперимент.

Лавочники и мастера тем временем покидали разгромленную контору. Многие разочарованно вздыхали, но большинство

выглядели скорее растеряно. Заполучив обратно залоговые бумаги, они прекрасно понимали, что не выкупят по ним даже фунт сплава. О чистом металле и речи не шло. Немного почесав затылки, некоторые из бунтовщиков отправились к ближайшим палаткам, где возвышалась груда старого цветного лома. Ржавые крепежи, патефонные трубки, рычаги, пластины и прочий никому не нужный материал, нынче стоил дороже серебра и лантана — легкого сплава из которого изготовлялись корпуса крылопланов.

— Все дело в плавильных цехах? — попытался угадать я.

Торговец покачал головой.

— Нужды мэрии? Верхушки?

Опять нет.

— Новое производство?

Та же реакция.

— Тогда что?! — не выдержав, сдался я.

Закусив губу, торговец немного поразмыслил, а затем нахмурился и недружелюбно произнес:

— Шел бы ты отсюда, приезжий. Мы к вам на острова не лезем и вы к нам не суйтесь! Понял, нет?! От вас пришлых, всегда одни неприятности.

Сверкнув недовольным взглядом, он быстро исчез в толпе, показав мне напоследок два скрещенных пальца. К тому времени, когда я покинул площадь, на место недавнего штурма прибыли блюстители. Вежливо разогнав зевак, они не торопясь, стали оказывать помощь пострадавшим. Завидев стальные значки стражей, люди довольно спешно потянулись к выходу. Скользнув в переулок, я поспешил затеряться среди каменных исполинов и направился в сторону нашего временного пристанища. Из головы никак не выходили слова торговца. Ну, скажите мне на милость, как целый город мог лишиться одного из главных ресурсов?

Данный вопрос порождал за собой сотню других. И чем дальше я погружался в размышления, тем туманнее мне виделись ответы. Одно я знал точно — даже этот незначительный эпизод каким-то образом связан с Хромом.

Глава 17

Серые костюмы и заветный трилистник

Пересадочный пункт взлетной поляны был до отказа забит недовольными пассажирами. Затянувшееся ненастье парализовало сотни крылопланов, дирижаблей и прочей бесполезной на сегодняшний день машинерии. Нависшие тучи, извергая молнии, угрожали не просто закружить отчаянных пилотов, а даже разорвать их летающую посудину вдребезги.

Некоторые, правда, на свой страх и риск, пытались упорхнуть из Желзны, не откладывая срочных дел на завтра, но любые попытки покинуть городок по воздуху оканчивался очередной неудачей. Слава Икару! Смертельных жертв не было, однако травмы оказывались одна хлестче другой. Напряжение на взлетной поляне росло, а метео-аракулы лишь разводили своими лапами в стороны, не зная, что ответить на недовольные фырканье пилотов — мрак затуманил даже их неточные предсказания.

— Ей, Лобинс ты зачем приспустил баллон? — взревел Луцлаф. — Немедленно увеличь давление, небесный сеч!

Молодой рабочий, выслушав все претензии, смахнул со лба пот и кинулся исполнять очередные приказания циклопа.

— Не могу поверить, что все закончится именно так, — с нескрываемой грустью протянул рулевой.

Луцлаф кивнул и приобнял старика.

— Все когда-нибудь заканчивается, Пирс.

Рулевой едва сдерживал слезы.

— Это не справедливо, гигант. Как ты это не понимаешь! — он зло покосился в мою сторону. — Пока на борту не появилось этого, — он едва сдержался, чтобы не назвать меня выродком, — все было хорошо. Мы летали над островами, добывали пар, продавали по семь серебряных за галлон и были счастливы. Наша жизнь и жизнь нашего капитана размеренно текла по тихому руслу. А что теперь? Итарово отродье! Команда распущена, «Купер» выставлен на продажу. И все это после того как Рейдер помог этому материковому выкормышу! — теперь рулевой не скрывал накативших на него эмоций ткнул мне в грудь своим длинным костлявым пальцем. — Что скажешь гигант? Где справедливость? Наши безмятежные путешествия должны были продолжаться и по сей день, а исчезнуть будто туман-обман…

Его губы дрогнули, он одарил меня еще одним полным отчаянья и гнева взглядом и, махнув рукой, стал быстро подниматься по сходам. Циклоп посмотрел ему в след, поправил повязку (его лапа все еще неподвижно покоилась на груди) и попытался улыбнуться. Далось ему это непросто.

— Со временем он все поймет.

— Сомневаюсь, — не согласился я.

На душе было мерзко и мрачно, словно свинцовые тучи добрались до самых глубин души, но ослушаться приказа капитана я не мог.

— Здесь купчая и схема «Купера». — Циклоп вручил мне документы и указал на двухэтажный кирпичный дом с массивным фасадом, вход которого украшали два огромных герба: острый корпус дирижабля имевшего широкие птичьи крылья. —

Передашь их вистеру Ля-Парну. Он подпишет бумаги на выдачу вознаграждения за нашу красавицу.

Покосившись на сумму сделки, я схватился за голову:

— Да ведь это грабеж!

— Возможно, — без особого интереса отреагировал Луцлаф.

— Стоило поторговаться.

— Сти, — сощурив свой единственный глаз, циклоп подождал, пока я успокоюсь, и вкрадчиво сказал: — Будет время, когда мы, конечно же, пожалеем об этом. Но не сегодня, — с этими словами он оставил меня в гордом одиночестве, отправившись к двум тяжелым крылопланам с крыльями как у стрекоз.

Потенциальные покупатели уже ждали неподалеку. Я отправился в противоположном направлении.

На площади возле адмиралтейства уже толпились дорогие экипажи местной знати, а их хозяева, выплескивая праведный гнев, пытались любыми способами проникнуть внутрь здания. Размахивая тростью, один из знатных фэров решил прорвать плотную цепь местных блюстителей своей невозмутимостью напоминавших каменные глыбы. Хватило одного пристального взгляда и мелкий старикашка, фыркая проклятия, поспешил обратно в свою металлическую крепость на колесах. Остальные представители высшего класса вели себя более сдержанно, смиренно ожидая разрешения коменданта. Только судя по темнеющим небесам — взлет объявлять никто не собирался.

— Что у тебя? — хмуря брови, подозвал меня дежуривший у ворот страж.

Я протянул ему купчую и коротко пояснил:

— Мой капитан сказал: документы требуется подписать у вистера Ля-Парна.

— Сочувствую, — страж отдал мне документы и пропустил на территорию адмиралтейства. — Только к центральному входу не суйся, там и без тебя таких просителей куча. Иди с западного крыла. Там дальше спросишь.

Я поблагодарил блюстителя за совет и поспешил по тенистой аллее, которая тянулась вдоль здания.

— Будь прокляты эти бумагомараки! — голос настиг меня у самых дверей.

Повертев головой, я заметил двух высоченных южан. Поджарые фигуры, длинные волосы с плетенными в них лентами, голубые глаза, кривой нос — основные черты, рачительно отличающие их от жителей материка.

— Брось, чего злиться. Месяц, два и все будет по-прежнему! — произнес первый, подняв с земли смятые бумаги.

— Ты в это веришь?! — продолжил возмущаться второй. — Сам же слышал –

Рифт теперь закрытая территория. Запрет! Любая попытка проникнуть за первое кольцо карается смертью!

Первый только хмыкнул в ответ.

— Да у них глаз не хватит проследить за всеми! Труверов нельзя окольцевать!

Мы свободные следопыты! Закон Верхушки для нас — не закон. Мы выше него. Мы выше всех! Если они не пойдут на наши условия, и запрет останется в силе, мы станем пересекать границу Рифта без всяких разрешений! — в подтверждение своих слов он плюнул на ступень адмиралтейства и протянул приятелю руку. Тот немного подумал, а потом пожал ее.

Дослушав разговор до конца, я быстро забежал наверх, затерявшись в узких канцелярских коридорах крупнейшего разрешительного ведомства, которое одним росчерком пера решало судьбы многих жителей материка. И надо заметить: редко, кто был доволен полученным в этих стенах решением.

— Подвиньтесь. Не загораживайте дорогу!

— Чего встал! Дайте пройти!

— Кто последний к вистору Турлону?! А к Джиперсу?

Если бы меня спросили, что мне напоминали здешние коридоры, я бы сходу ответил — термитник. А немного подумав, добавил: охваченный огнем термитник, где каждый бежит в неизвестном направление, пытаясь утащить с собой как можно больше полезного скарба. Только здесь, в адмиралтействе, роль тружеников-муравьев выполняли мрачные служащие. Облаченные в одинаковые серо-синие камзолы, они с мрачными вытянутыми лицами, похожими на кончик пера переносили из кабинета в кабинет кипы исписанной вдоль и поперек бумаги. Причем делали они это с таким преисполненными достоинством, что буквально не замечали никого вокруг.

Один дверной хлопок, сменялся другим — и очередная серая тень выскальзывала из своей норки, торопясь вновь скрыться в другой.

Не успев увернуться от такого вот муравья переростка, я буквально лоб в лоб столкнулся с ним у самой лестницы, ведущей на второй этаж. Ровная стопка бумаг в одну секунду разлетелась веером, а служащий, издав глухое «ооохоохо», опустился на колени и обреченно стал собирать этот сложный бумажный механизм воедино. Пристроившись рядом, я попытался оказать ему помощь, быстро сгреб бумаги в кучу, но его недовольная физиономия заставила меня остановиться.

— Я случайно… Тут так много народу, — попытался

оправдаться я.

— И этот факт разрешает вам сбивать порядочных людей с ног?

— Я же сказал вам — это произошло случайно! Я просто искал вистора Ля-Парна…

Мимо нас мелькало множество серых брючин, лакированных штиблет и широких юбок.

— Если ищите вистера Ля-Парна, так и шли бы в сектор «С», а не отирались здесь, мешая рабочему процессу, — недовольно фыркнул служащий.

Я тяжело вздохнул:

— Легче сказать, чем найти.

Подняв взгляд, я наткнулся на мраморное, неподвижное лицо.

— Если бы вы были внимательнее, вы наверняка заметили бы меня, и наверняка бы не пропустили мимо единственного в нашем ведомстве леприхуна, который минутой раньше прошмыгнул в соседнее крыло. По коридору до конца и направо…

Бело-зеленые гольфы замаячили среди однообразных костюмов и вновь скрылись, но на этот раз за массивной дубовой дверью с табличкой «Вистер третьего звена Ля-Парн». Решив не тратить время на выяснения: кто последний в очереди, и можно ли узнать, как долго ожидать вызова, — я без стука проследовал за леприхуном.

— Опять с прошением? — встретил меня грозный голос.

Однако ответить я так и не успел. Хозяин кабинета обрушился на меня с новыми претензиями.

— Какого Икара и его сыновей так долго?! Давайте, что там у вас…

Я протянул купчею и ретировался обратно к двери.

Вистер Ля-Парн при своем незначительном росте выглядел весьма воинственно — скуластое лицо было украшено паутиной морщин, а острый подбородок и широкий лоб в целом, напоминали перевернутое яйцо. Одет же леприхун был привычно: бриджи, белоснежная рубашка, гольфы и только мрачный пиджак выбивался из общей картины. Но видимо на такие жертвы он пошел в угоду установленным в адмиралтействе правилам.

Нахмурив брови, Ля-Парн всего секунду изучал документ. Затем макнул перо в чернильницу, поднес к бумаге. И замер. Жирная капля, немного повисела на самом кончике и смачно брякнулась на купчую, превратившись в противную жирную кляксу.

— Чей? — видимо осознав, что не знает какой именно документ, он собирается подписывать, поинтересовался

леприхун.

— Мой капитан, Райдер ди Нелии продает свой корабль, именуемый "Купером". Предназначение: перевозки. На борту имеется один хвататель пара, необходимые для хранения камеры.

— Зачем вы пудрите мне мозги, юноша? Где капитан?

— В настоящее время, Райдер ди Нелии не может присутствовать в адмиралтействе. Вот бумага, подтверждающая факт доверия мне дел по продажи корабля.

— Корабля? — брови леприхуна сдвинулись еще ближе, отчего он стал напоминать литийскую черепаху.

— Совершенно верно, — отрапортовал я, как надоумил меня общаться к служащим Луцлаф.

Перо, вновь зависнув над бумагой, так и не совершило заветного росчерка, а было опущено обратно в чернильницу.

— Оценщик осматривал вашу посудину?

Вопросы, вопросы, одни вопросы.

Меня предупреждали, что эти крючкотворцы хуже пиявок и готовы высосать из тебя последнюю каплю крови лишь бы наполнить свое тщедушное тельце чужими страданиями, но к подобным нападкам я оказался явно не готов. Замешкавшись, я едва не развел руками, расписавшись в отсутствии верного ответа.

— И вы хотите, чтобы я поверил вам, юный обманщик?

— Я хочу, чтобы вы пописали вышеупомянутый документ, — невозмутимо настоял я, решив поиграть предложенную служащим игру.

Леприхуны испокон века славились своей несговорчивостью, наглостью, но главным их достоинством было, есть и остается — хитрость. Пытаться что-то внятно объяснить этому напыщенному созданию, означает нарваться на кучу разных неудобных вопросов. Именно по этой причине, мои ответы стали еще более размытыми и витиеватыми, как любил выражаться виртуоз Босвел.

— Не нравится мне вот эта печать и подпись уж больно не похожа на нотара Робуза. Уж я то его прекрасно знаю, юный лгун.

Посмотрев на меня исподлобья и ожидая испуга или какой-то подобной реакции, леприхун замолчал.

Я изобразил на лице искреннее удивление.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, вистер. Безусловно, вы лично и достаточно хорошо знакомы с нотаром Робузом. Но поверьте, эта бумага подписана его рукой и ничьей другой. — В конце речи, я приложил правую руку к сердцу и провозгласил клятву Икару, Эверике, Искре и всем восьми великим механикусам, точно также как это делал мой старый учитель

Босвел, когда пытался выбить в Цехе разрешение на очередное исследование.

— Допустим, — не спеша соглашаться, кивнул леприхун. — Тогда объяснить мне вот какой момент, юный врун. Что же именно вынудило вашего капитана не найти времени поприсутствовать на такой важной для него сделке?

— Один необычный недуг, — ляпнул я первое, что пришло мне в голову.

Услышав о неведомой болезни, Ля-Парн едва не отскочил от меня как от прокаженного.

— Какая болезнь?! — надрывным голосов взвизгнул он.

— Нет, вовсе не болезнь, — попытался я успокоить служащего.

— Тогда что? Не юлите, юный балабол! Я отчетливо слышал, вы изволили выразиться: необычный недуг.

Ничего не поделаешь — сказал. Поэтому пришлось выкручиваться:

— Простите, вистер. Я имел в виду болезнь душевного характера. Мой капитан отчаянно и бесповоротно влюбился, словно первокурсник демии механикусов.

— Влюбился? — краска стала спадать с лица леприхуна.

— Именно, — радостно улыбнулся я. — Она конечно красавица, но высасывает деньги из моего любимого капитана, будто истинный виталлинг.

— Фу, не говори мне про этих клыкастых тварей. Ненавижу их! — леприхун брезгливо поморщился.

— Так вот я и говорю, — выдержав паузу, продолжил я. — Из-за такой вот истории мой господин сейчас на свидании со своей прекрасной Вилианой. А я здесь, оказываю содействие в продаже его единственной в прошлом отрады — корабля "Купер", — закончив фразу, я тяжело вздохнул, потупил взор и замер, ожидая решения Ля-Парна.

Леприхун долго молчал, иногда вздыхая и шепча себе под нос всякую ерунду. Видимо вспоминал свои любовные победы и поражения. Наконец, он пискнул и подозвал меня к столу.

— Много потратил?

— Простите, — не понял я вопроса.

— Ну, много уже потратил твой капитан, на эту приблудную кралю?

Я растерянно пожал плечами:

— Не знаю, сто может быть двести…

— Сто! — леприхун подпрыгнул на стуле и выпучил глаза. — Сто полноценных золотых на одну юбку! О, это не сказанная глупость. Твой капитан сущий дурак, маленький врун! Я сам

люблю подобные утехи, но что бы сто. Нет, ты только вдумайся. Сто! Не девяносто, не восемьдесят, а целых сто! Невероятно!

— Наверное так оно и есть, — согласился я.

Леприхун совершенно позабыв о своих каверзных вопросах, озаботился выдуманными проблемами моего капитана, и это, безусловно, было мне только на руку. Перо в третий раз покинуло чернильницу и оставило на купчей необходимый мне извилистый узор росписи: печать трилистника и две буквы ЛП.

— А теперь убирайся к своему глупому капитану.

Я раскланялся и уже собирался покинуть кабинет, когда внутрь, вместе с потоками сквозняка ворвался запыхавшийся юноша в таком же сером, как и всех служителей адмиралтейства камзоле.

Едва не упав на колени прямо перед столом Ля-Парна, он стал жадно хватать ртом воздух, одновременно пытаясь начать доклад. Получалось у него не очень, поэтому леприхун протянул ему стакан воды и, дождавшись пока тот утолит жажду, приготовился слушать.

— Очередное происшествие на Рифте, — на выдохе произнес посыльный и сделал два жадных глотка.

— Что еще там стряслось?! — леприхун заметно побледнел, но продолжил сохранять выдержку.

— Эти огни вернулись! Местные говорят, что Ржавый город оживает!

Юноша несколько раз глубоко вздохнул, привел дыхание в порядок и начал рассказ:

— Уже вторую неделю с отдаленных поселений, тех, что еще существуют близ заброшенной станции, приходят пугающие сведенья…

— Хватит! — внезапно рявкнул на него Ля-Парн. — Это мне решать пугающие они или нет. Говори!

— Ваша правда, вистер, — беспрекословно согласился посыльный.

— Что еще?

— Я же говорю — мерцающие огни. Они непохожи на костры добытчиков, которые бродят по станции среди сумерек в поисках ценных деталей. Речь идет о самых настоящих газовых лампах. Их способны зажечь только лорийцы! Но главное — подземные толчки, они повторяются с пугающей периодичностью, будто в тамошних землях поселился огромный червь. Почти каждую ночь все вокруг содрогается от подземных толчков и протяжного воя.

— Хватит молоть чушь! — остановил рассказчика и без того разозленный леприхун. — Слухи о призраках мне так же неинтересны, как и сводка погоды.

Все эти истории годны только для отпугивания непросвещенных чернорабочих, которые и слыхом не слыхивали о развивающемся прогрессе.

— Но местные говорят… — попытался вставить слово посыльный.

— Да что ты заладил — говорят, говорят…. Я повторюсь: мне глубоко начхать, о чем судачат твои необразованные бездари! Сегодня мы уже ограничили доступ к границам всех без исключения. Теперь тех, кого рубежники поймают в зоне пяти миль от Рифта, будут направлять в Поршень, где нарушители предстанут перед Коллегией Праведников. Не думаю, что те ограничатся прилюдной поркой, хотя надеюсь, и такое наказание пойдет им на пользу.

— Но, вистер, а как же собиратели?! Они всегда доставали с Рифта запасные части для наших крылопланов. Все самое лучшее! Тем более в настоящее время, когда в городе катастрофически не хватает металла.

Вернувшись к столу, Ля-Парн плюхнулся в кресло, и задумчиво уставившись на стопку толстенных папок, откуда торчали уголки исписанных бумаг, устало простонал:

— И за что мне все это наказание?

— Милостивые изобретатели не оставят нас одних, — немного виновато проблеял посыльный, словно корень вселенского зла крылся именно в нем.

Но леприхун погруженный в свои мысли его не слышал. Прикрыв лицо рукой, он глубоко вздохнул:

— А еще этот ежегодный фестиваль изобретателей, на который прибудет мой благоверный братец. Кажется, я схожу с ума!

— Мистер Клевер почтит нас своим присутствием. Приятная новость, — отчего-то обрадовался посыльный. Только его улыбка была недолгой.

Услышав знакомое имя, я сделал неосмотрительное движение рукой и опрокинул стоявшую на высоком постаменте фарфоровую фигурку сигарообразного дирижабля. Возможно, она являлась самой ценной в коллекции леприхуна. Я даже не исключаю возможности, что она стала для него бесценной, но в тот самый миг, когда летательный аппарат соскользнул не вверх, а вниз, я не испытал и капли сожаления. Оказавшись в нужном месте, в нужное время, я ощущал упоительный вкус победы, предвкушая удивление капитана.

Моя новость наверняка придется ему по душе. Теперь Хрому и его друзьям, точно не ускользнуть от нас.

— А ты все еще здесь?!

Возмущению леприхуна не было предела. В срочном порядке покидая его кабинет, я слышал в свой адрес топот, крик и сотню добротных проклятий, которым позавидовали бы летуны с самой Дырявой скверны. По-моему он даже зашвырнул мне в след ботинком. Но главного у меня уже было не отнять: подписанная купчая и бесценная информация. О большем я не мог и мечтать.

Глава 18
Несостоявшаяся встреча и секрет подземного воя

Проверив оружие, я отложил его в сторону и потянулся, распрямляя затекшую спину, а чуть погодя вновь притянул к себе трехзарядную винтовку. Только теперь я окончательно успокоился. Ожидание встречи затягивалось. Наш осведомитель, так сильно желавший получить вознаграждение за обещанную информацию, не торопился забирать два увесистых мешка с полноценными золотыми монетами.

— А что если он не придет? — поинтересовался я у Луцлафа и осторожно выглянул из-за укрытия.

Капитан выбрал для нас идеальное место. С пологого холма открывался весьма удобный вид: слева обрушенный корпус артели, справа старый заколоченный досками цех, а прямо, как на ладони широкая дорога, разделенная рельсовой полосой. Отсюда можно стрелять не целясь. И встав в полный рост, тебя будут продолжать скрывать от внешнего мира ряды старых остовов. По сути дела с этой позиции, мы вдвоем, могли бы противостоять хорошо вооруженному взводу рубежников. А менее опытных воинов мы и вовсе смели за пару минут.

— Никуда они не денутся, — откликнулся циклоп, когда я уже и забыл про свой вопрос. — Этот тип, Джи из разряда таких, что никогда не упустят своей выгоды. Поверь, Сти, если он посчитает сделку прибыльной, он собственную мать продаст с потрохами.

— Тогда ему выгоднее нас обмануть, — вслух рассудил я. — Допустим, обратится он к тому же Хрому и скажет, мол, мы разыскиваем его. А нам, наоборот, поведает, где того искать, и мы угодим прямиком в ловушку. Но при этом осведомитель останется при своем. Сдерет и с нас, и с нашего врага.

— Для одного из возможных вариантов вполне сойдет, — согласился Луцлаф.

Я хотел сказать, что подобное поведение бесчестно, но вовремя дернул себя за язык. А кто сейчас рассуждал о честности! Вокруг существовала только корысть, обман и другие вещи присущие треклятому Итару.

— Раньше я встречал таких как Джи довольно редко, — честно признался я.

— Просто ты жил слишком далеко от Рифта, — грустно улыбнувшись, объяснил циклоп. — Здесь все происходит иначе. Есть Ржавый город, округа и остальной мир. Понимаешь?

Я быстро кивнул:

— Кажется, да.

Взглянув на очертания полуразрушенной наблюдательной башни преграждающей дорогу в город, Луцлаф неожиданно для меня начал рассказывать:

— Все с самого начал пошло неправильно. Люди еще не успели обустроиться на новом месте, наладить быт, привыкнуть к изнурительным условиям работы, а серый дух Рифта уже проник в их сердца. С каждым вдохом, случайным словом, неаккуратным движением. Мы приехали сюда в поисках чего-то нового, опасного, и знаешь, кажется, мы это нашли. Не слушай тех, кто расскажет тебе, что вокруг царило настоящее благоденствие. Все трудились, добывали пар, получали за работу полноценные монеты, отчеканенные при дворе

Верхушки, и были счастливы. Все было совсем не так. Город рос стремительно, а вместе с ним росли и проблемы. Необоснованная агрессия, жадность, обман. Приезжие торговцы, прознав о хороших доходах рабочих Рифта, повышали цены, норовя подсунуть им некачественный товар. Одни относились к этому снисходительно, другие устраивали стычки. Город быстро поделился на первых поселенцев и остальных. Невидимые границы, обозначенные старостами кланов, стали непреодолимым препятствием для любого, кто поселился в Ржавом городе. Ни власти ставленые Верхушкой, ни рубежники, никто не мог изменить установленных правил.

— Но зачем? — не выдержав, перебил я рассказчика.

— Наличие денег порождает борьбу за власть, а та в свою очередь не приемлет единства. И тем, кто встал во главе, пусть даже крохотной горстки людей — необходим соперник. Им неинтересно барахтаться в пределах собственного муравейника, иначе необходимость в лидере отпадет сама собой.

— Хотите сказать, бунт был задуман как способ удержать власть? — я едва ухватил смысл слов.

— Освободиться из-под одного гнета, чтобы попасть в другой. Такой уж принцип у любого общества, — уклончиво ответил циклом и, потянувшись, скривился от боли. Обхватив забинтованную лапу, он едва не потерял сознание. Лицо окаменело, и Луцлаф расширившимся глазом слепо уставился в небо.

— Больно?! — я испуганно вцепился в плечо циклопа, не зная, чем ему помочь.

Он ответил не сразу. Вначале были долгие минуты, когда беспокоивший его недуг прошел по всему телу. Мелкая дрожь сменилась резкими ударами изнутри, и лишь потом на лбу выступила обильная испарина. С лица спало напряжение и острые черты расплылись. Обвислые щеки приобрели естественный вид, а взгляд — былую осмысленность. Еще никогда я не видел циклопа таким измученным и потерянным.

— Рука? Ноет? — попытался я задать еще парочку бессмысленных вопросов.

Подтянув повисшую плетью руку поближе, Луцлаф прижал ее к груди, словно пытался согреть. Бинты немного ослабли, и я смог разглядеть потемневшую кожу, которая теперь больше напоминала потрескавшуюся от жары землю или склеенную из мелких черепков вазу. Длинные, извилистые швы имели более темный оттенок, чем заметно выделялись на серой поверхности.

Но это оказалось лишь первым впечатлением. При повторном взгляде, я сумел различить, что неведомая мне болезнь прогрессирует куда сильнее и коегде уже имеются глубокие рытвины язв, сквозь которые проступает мясная корка. Отпрянув, я едва не сморщился. Только как бы я не пытался скрыть свои эмоции, циклоп заметил возникшее на моем лице отвращение, смешанное со страхом.

— Порой, за наши поступки берется непомерная плата, — равнодушно констатировал он.

— Откуда она? — продолжал недоумевать я.

— Штурм корабля, — коротко ответил Луцлаф и немного помедлив, попытался отделаться одной фразой: — Мы противостояли серьезному противнику, поэтому пришлось идти на маленькие хитрости.

— Огонь? То есть эта сине-зеленая вспышка и пламя, — вспомнил я.

— Совершенно верно. Мне пришлось заимствовать силы у хозяев острова.

— У местного божества? — моя догадка показалась нелепостью, хотя там, в горах мне уже пришлось столкнуться с тем, что не поддавалось рациональному объяснению.

Циклоп кивнул и попытался повернуться, но вновь испытал сильную боль.

— Можно считать и так.

— Но чудес не бывает, — словно маленький ребенок не согласился я.

Луцлаф взъерошил мои волосы, и устало улыбнулся:

— Конечно, нет.

Увязнув в разговоре, мы совершенно позабыли о капитане, однако пронзительный свист заставил нас встрепенуться.

— Там что-то случилось? — первым делом решил я.

— Навряд ли. Это всего лишь сигнал. Но посмотреть нужно. Беги, капитан понапрасну звать не будет.

— А вы?!

— За меня не волнуйся, я быстро оклемаюсь. Подобные болячки заживают на мне лучше, чем на чешуйчатом скварге.

Быстро спустившись с холма, я едва не налетел на Райдера, который ничего не говоря, указал мне на стоящий слева плавильный цех. Там на одном из балконов маячил старпом.

— Слишком долго, — на ходу недовольно буркнул капитан, скупо добавив: — Нехорошо.

Мы стремительно пересекли железную дорогу. Поднялись по винтовой лестнице соединяющей два корпуса и наткнулись на Барибалу. Скрестив руки на груди, он стоял в углу небольшого пустого помещения, заваленного всевозможным производственным хламом.

— Зачем звал?! Что стряслось?! — капитан был не на шутку взбешен.

— Взгляните на это. — Барибала лишь кивнул, указав на груду коробов рядом с собой.

Я выглянул из-за плеча капитана и ощутил легкое помутнение. Тела лежали ровно в ряд, словно кто-то, не торопясь, аккуратно уложил их вдоль стенки, желая произвести впечатление: Джи, наш осведомитель посередине, и двое верзил — его телохранители, караулили его покой по бокам. Но это было лишь начало. Тела здоровяков имели множество тончайших ран, отчего складывалось впечатление, что их истыкали иголкой, словно каких-то тряпичных кукол. А вот над их язвительным хозяином поработали куда изощренней — лишили языка и глаз.

— Как думаешь, когда их прикончили?

— Судьба настигла их еще до полудня, — даже не подойдя к трупам, авторитетно заявил старпом.

— Склизкий толун! Хром обошел нас на целую милю. — Капитан едва удержался, чтобы не нанести сокрушительный удар по стене.

Старпом изобразил подобие одной печальной песни, закончив ее словами:

— Игра, Райдер, опять игра!

Капитан угрюмо посмотрел на хладные трупы, будто пытаясь оживить их взглядом.

— Что-нибудь еще нашел?

Придав фразе будничность, он и не ожидал услышать ответа, но старпом хорошо исследовал здешние развалины.

— Капли масла — вон там, у окна и на стене тонкий слой металлической стружки, а вот здесь, на подоконнике — угольный след.

— Маниупляторы! — не дослушав Барибалу, простонал капитан. — Эти итаровы машинерии уже повсюду!

Я испуганно заозирался, прекрасно понимая, что мы сейчас здесь абсолютно одни.

— Новости все хуже и хуже, капитан, — подытожил старпом, поднимая с пола небольшую суму, и закидывая ее себе за плечо. — Хром, окружив себя армией металлических воинов, вероятно, укрылся на Рифте, а мы тыркаемся как слепые котята, не зная, какой сюрприз приготовил нам завтрашний день. Скажу больше: с таким противником нам не дотянуть и до утра.

Плюнув себе под ноги, старпом медленно пошагал к выходу.

— Получается, истинный виталл сдрейфил?! — крикнул ему в спину капитан.

Старпом остановился в проеме, повернулся и рассудительно заявил:

— Если бы я хоть раз пошел на поводу у страха, меня не оказалось бы в вашей команде, капитан. Я не собираюсь при виде собственной тени спасаться бегством. Необходимо просто выйти, осмотреться и найти ответ на главный вопрос.

— Какой? — не сдержавшись, спросил я.

Барибала загадочно улыбнулся:

— На засаленном рукаве Джи есть несколько пометок, благодаря которым без труда можно понять — мы были не единственными его клиентами. На одной чаше твои золотые монеты и желание обмануть приезжих, а на другой — страх перед чужаком с металлической рукой, явившимся на встречу со своими стальными воинами…

— Так в чем же все-таки вопрос? — теперь уже не выдержал Райдер.

— Вопросы… — Голос циклопа заставил меня встрепенуться и удивленно уставиться на вход. — Их масса друзья мои. К примеру: чья встреча должна сегодня состояться первой? И если мы шли вторыми по списку, то насколько раньше она произошла? Но главный из них: догадался ли Хром о том, что Джи ожидал сегодня не только его?

Лицо Луцлафа выглядело более сносно, хотя на нем продолжали угадываться следы недавнего приступа.

— Манипуляторов вычислить не так-то сложно. Обычно их запрограммированные движения не отличаются

многообразием, — осененный внезапной догадкой Барибала незамедлительно поддержал одноглазого.

Циклоп кивнул:

— Именно такой след я и обнаружил неподалеку.

Сразу за полуразрушенными складами, слева от наблюдательной башни, среди пыли и ярко-красного песка мы увидели крохотные ровные углубления квадратной формы. След не больше пяти дюймов напоминал гусеничную полосу, которая отчего-то прерывалась и вновь появлялась на расстоянии вытянутой руки. Змейка одинаковых отпечатков на земле тянулась на восток, уводя нас вглубь заброшенной артели.

— Невероятно, но манипулятор возвращался не на Рифт, а в противоположную сторону, — заметил Барибала.

— Получается, Хром раскинул свою паучью сеть где-то в другом месте, — согласился капитан.

Около мили мы петляли между массивными постройками, походившими на застывших среди развалин великанов. Среди старой кладки прорывались крохотные деревца, пучки травы, а из серой основы фундамента тянулись широкие извилистые трещины. Ряд дымовых труб уныло взирал в безоблачное небо уже не в силах выплюнуть туда парочку густых черных клубов.

След то появлялся, то исчезал среди зарослей кустов, и только зоркий виталл, принюхиваясь к каждому шороху, словно хищник, помогал нам не упустить тоненькую нить.

Наконец мы добрались до огромных цехов, чьи крыши больше напоминали восточные шатры. Правда, в отличие от изящных построек султов, выглядели они весьма непрезентабельно: многочисленные стеклянные оконца — разбиты или заколочены досками, массивные балконы — разрушены, а стены испещрены широкими и мерзкими на вид дырами. Именно здесь мы поняли, что потеряли путеводную ниточку. Гусеничный след оборвался прямо в центре небольшой песчаной площадки — только высокая кирпичная труба, пара каменных колодцев и мрачная стена вышиной с трехъярусный дирижабль, — ни единой подсказки.

— Но этого не может быть! — развел руками капитан.

— Может быть Хром научил свои машинерии летать? — предположил Луцлаф.

— Но даже птицам необходимо где-нибудь приземляться, — не теряя надежды, откликнулся старпом, внимательно оглядывая периметр.

— Считаешь полет маниуплятора был не таким длительным? — не без доли иронии спросил циклоп.

— Уверен. — Барибала внезапно зарычал и резко рванул вправо.

Прижавшись к стене, он отмерил несколько шагов право, затем влево, тщательно осмотрел кладку, и мне показалось, он даже прислонился к ней щекой, словно собирался услышать несуществующее дыхание. Оторвал голову от камня, поморщился. Затем, его пристальной проверки подверглась труба. Обнюхав ржавые ступеньки лестницы ведущей к песчано-красной вершине похожей на шахматную фигуру, наш следопыт видимо и здесь не обнаружил следов маниуплятора.

— Тебе не кажется, что он сошел с ума? — поинтересовался циклоп.

— По мне, пусть хоть пробует на вкус землю, а отыщет присутствие этого мерзкого создания. — Райдер не отрывал взгляда от своего помощника.

— А что если нас просто дурят?

— Капитан!

Когда я обернулся, старпом был уже возле дальнего колодца, проверяя металлические крепления т-образного каркаса. Оказавшись рядом, мы сразу заметили на каменном кругу яркие царапины. Их могла оставить только стальная ступня манипулятора.

— Виватос! — вскрикнул Райдер.

— Именно, — улыбнулся старпом и еще раз дернул веревку, потом резко заскочил на край колодца и обмотал ее вокруг себя. — Ну что, посмотрим, куда отправился этот шарнирный друг?

— Беру свои слова обратно, — страхуя Барибалу, извинился циклоп.

Узкий туннель заканчивался едва различимым в темноте проходом. Распластавшись по земле будто змеи, мы проникли внутрь. Высота коридора оказалась приемлемой. Поднявшись на ноги, я, капитан и старпом распрямили плечи, а вот циклопу пришлось хуже — только слегка согнувшись, он смог двигаться дальше. Тем более что вдоль стены тянулись крохотные лампады, напоминающие газовые светильники, только в отличие от них, они источали свет, пульсируя и затухая с определенной периодичностью.

— Будьте осторожней и ждите сигнала, — прошептал Барибала, — поверьте на слово, нам здесь вряд ли будут рады.

Циклоп и капитан коротко кивнули, а я заметил алый цвет глаз старпома. Здесь истинный виталл был в своей стихии и скорее всего первым желал получить трофей от предстоящей охоты.

Обнажив оружие, мы двинулись вперед, стараясь не упустить ни единого постороннего звука. Каждый шаг, каждый вздох,

каждый удар сердца — я словно механический сачок, изобретенный виртуозом Босвелом, совершал однообразные движения, накрывая сверху любое вторжение в окружающий меня мир, пытаясь мгновенно определить природу этого незнакомца. Щелчок — крохотный камешек под ногой, писк — крыса в соседнем коридоре, и еще сотни едва уловимых шорохов, шуршаний и стуков.

В конце первого прохода, как и положено, обнаружилась дверь. Массивная, с множеством штырей, замков и прочей ерунды.

— Это по твоей части, — одними губами произнес капитан, пропуская меня вперед.

Облизнув ссохшиеся губы, я присел на корточки, отложил оружие и принялся изучать препятствие созданное хитроумными кранксами. Внешне виднелись только замковые отверстия и десяток выпуклых узоров, связанных между собой тонкими серебряными каналами, образующими настоящий лабиринт переплетающихся линий.

С чего начать?

Я вытер о куртку вспотевшие руки.

Мои скромные познания в данной области машинерии, ограничивались только сбором замков самого простого пятого уровня, состоявших из основного механизма и двух, максимум трех секретов. Сейчас же передо мной находился куда более сложный замок, способный остановить даже мастера механикуса. Но выбора у меня не было.

— Мне нужен свет, — попросил я, пытаясь привыкнуть к полумраку.

Циклоп сорвал со стены гирлянду ламп и приблизил ее к двери. И так. Пожалуй, начнем.

Дополнительный источник света помог мне рассмотреть первый круг защелки, который не представлял собой никакой сложности. Здесь поддеть, здесь перевести язычок на следующий круг, — и дело в шляпе. А вот дальше начинались ловушки и обманки. Хотя, на мой взгляд, кранксы явно переусердствовали. Им достаточно было установить всего дюжину секретов, чтобы преподнести неразрешимую задачу любому, даже самому искусному механикусу.

Девяносто восемь, девяносто девять, сто.

Именно столько кругов имел замок. И эта цифра могла вырасти в любой момент, если бы я углубился в дальнейшее изучение хитроумного механизма.

После десяти минут и двадцатой попытки я опустил руки.

— У меня ничего не выйдет. Замок слишком сложный.

— Святая Эверика! — одновременно произнесли капитан и циклоп и только Барибала, чуть подождав, выдал:

— Не верю.

— Что? — не понял Райдер.

— Невероятно сложный замок…и манипулятор — способный выполнять четкие задачи, ограниченные его заводом. Что-то не клеится … Должен быть другой путь. Меня словно окатили кипятком. Все верно! Старпом абсолютно прав. Я заранее избрал слишком сложный путь, размышляя как механикус. Как человек, а не как машинения. У этих созданий все проще. Прямо, налево, направо — ни шагу в бок от установленного правила, заданной программы…

— Подождите! — едва не вскрикнул я и мгновенно прильнул к замку.

Все не так! Схема рушилась прямо на глазах. Предыдущие ходы выглядели теперь нелепо, глупо, словно я только вчера надел халат механикуса и ничего не смыслю в сложном ремесле.

Щелчок, поворот, щелчок, поворот… Нет, не сюда, слишком сложно, все гораздо легче, прямолинейней. Последний поворот мастерового инструмента, который я использовал вместо ключа, заставил дверь вздрогнуть и открыться.

— Получилось! — не уставал поражаться капитан.

Попав в следующий переход, я внезапно остановился. Дополнительный щелчок, раздавшийся при первом шаге, мне очень не понравился: чужой, непохожий на те, что я слышал раньше. Я бы даже сказал — опасный. Не успев произнести ни слова, я инстинктивно дернул идущего первым старпома. Он сразу все понял и, слава Икару! — мгновенно замер на месте. Монотонные щелчки прекратились. Я отчитал последовательность. Четыре, три, два, один и резко дернул Барибалу назад. Свист! Один за другим полумрак рассекли смертоносные болты и устремились в то самое место, где секунду находился виталл.

— Слева! Стена! — скомандовал капитан.

Пока мы все соображали, что к чему, первым среагировал Луцлаф. В его движениях не чувствовалось ни тяжести, ни громоздкости. Легко перекатившись через плечо, он одним точным выпадом уничтожил смертельный механизм. Сонм искр вспыхнул в ночи и тут же потух.

Дальше мы столкнулись еще с тремя подобными ловушками. Удивительные механизмы работали безотказно, но действия нашей команды опережали их опасные плевки стрелами, а маятниковые удары смертоносных лезвий не причинили нам вреда. И только очередной тупик заставил нас остановиться и,

переведя дух, решить эту сложную задачку.

Четыре новых коридора, четыре пути направленные в разные стороны. Какой выбрать? Какой путь верный?

Пока мы гадали на кофейной гуще, зал наполнился сначала протяжным воем, а затем нас накрыл ужасный тяжелый звук работающего механизма. Машинерия приближалась к нам с невероятной скоростью в тридцать миль, а возможно и гораздо быстрее. Луч возник в правом коридоре: короткая вспышка, и гул стал быстро удаляться.

— Вы слышали стук? Они запустили паротяг! — заиграв скулами, заметил циклоп.

С Луцлафом согласились все. И хотя я никогда не видел в работе подобную машинерию, но разделил мнение друзей. Устроившись за выступом, мы наблюдали как громадный, освещающий себе путь мощным прожектором пронесся паротяг. Рельсы под его стальными колесами содрогались с такой силой, словно готовы были треснуть в любой момент. Следом за машинерией потянулись открытые площадки, на которых в специальных отсеках болтались тела манипуляторов. Сотни! Даже тысячи!

И пускай пока они казались всего лишь безжизненной грудой мусора, я знал, что настанет время и Хром заведет свои итаровы механизмы и тогда вряд ли кто-нибудь сможет остановить эту, не знающую ни страха, ни компромисса армию. Минут через двадцать мы увидели второй состав. Отельные эпизоды, услышанные или увиденные нами в маленьком городке возле Рифта, сложились воедино, раскрыв весьма неутешительную картину.

Хрому не было дело до горстки старых врагов. Его ум занимали совсем иные, глобальные планы.

…Возвращение в Ржавый город было необходимо гному как воздух. Забрав элементы необходимые для создания подземных машин, Хром использовал меня в качестве отвлекающей наживки. Блюстители довольствовались мелкой рыбешкой, в то время когда большая — улизнула из их сетей. Попав в Желзну, Хром приступил ко второй стадии своего коварного плана. Созданные им машинерии-копальщики вырыли туннель, соединяющий город с Рифтом и проложили подземный путь, позволивший гному начать перевозить свою механическую армию. План оказался прост и гениален одновременно.

Возникал лишь один закономерный вопрос: каким образом Хром собирается незаметно вывезти армию из самого города?

У капитана родилась одна довольно смелая догадка, которую нам необходимо было проверить.

Глава 19

Случайные встречи и немного искренних чувств

«Все дороги ведут в порт!» — так говаривали знаменитые и не очень знаменитые мореплаватели.

«Все дороги ведут на взлетную поляну!» — выдвинул свое предположение Райдер.

Я должен был выяснить — находятся ли на приколе тяжелые грузовые судна, и если такие отыщутся, то попытаться узнать их назначение и предстоящий рейс. По мнению капитана, везти подобный груз по земле слишком рискованно. Патрули рубежников имели возле Рифта едва ли не самое большое представительство и сутками курсировали по дорожным артериям. Даже границы со свободными землями охранялись не так рьяно — всего два может быть три десятка постов. Здесь же, в паре миль от Ржавого города, который оставил неизгладимый шрам на сердце правящей Верхушки, всегда дежурили бдительные стражи порядка. Тем более что воздушные передвижения были намного свободнее в выборе пути. Небеса бескрайни, и маршрут может меняться в зависимости от тысячи факторов, а на земле подобную роскошь себе никто не мог позволить. Дорога она или есть, или ее нет! Третьего не дано.

Именно по этой причине следы Хрома стоило искать именно на взлетной поляне, а не где-нибудь в другом месте. Выбравшись на улицу Двиглы, я ненароком вспомнил о ближайшем окружении гнома. Клевер, его слуга Юк, механики Бирт и Дик с легкостью вписывались в привычный облик лиходеев. И только Тисабель казалась мне белой вороной в этой волчьей стае. Хотя объяснить свое отношение к девушкепилоту я не мог. Просто какое-то внутреннее чувство, способное отличить белое от черного, и плохое от хорошего.

Возле входа на территорию взлетной поляны было не так многолюдно. Решив, что бессмысленно бороться с природой, летуны и господа предприниматели разбрелись по гостиницам, где, закутавшись в теплый плед и попевая душистый чай, они будут дожидаться изменений погоды.

Пронизывающий ветер заставил меня придержать берет рукой и, склонив голову выйти на открытое пространство. Здесь, среди укутанных в брезент летных гигантов непогода ощущалась еще сильнее. Тучи нависали над поляной, словно серые барханы и казалось, что это не мы стоим на земле, а наоборот, земля застыла у нас над головой.

На западе, со стороны моря, виднелась новая волна непогоды.

Горизонт освещали яркие всполохи зарниц, а эхо доносило раскаты грома, которые будто пушечные залпы возвещали о надвигающейся беде.

— Эй, мистер? Вам что здесь надо?! — услышал я чей-то надрывный голос.

— Доброго дня, тэр, — мгновенно откликнулся я.

— Да уж доброго, — летный распорядитель поморщился, заметив новую армаду туч. — Такого добра мне бы век не видеть. Что вы здесь делаете юноша?! –

Повторный вопрос прозвучал чуть строже.

— Простите, тэр, но я ищу бывший корабль моего капитана. Он продал его вчера, не успев забрать личные вещи.

Он насупился еще сильнее:

— Тогда вам прямая дорога в Адмиралтейство!

— В это бюрократическое улье? Лучше увольте, тэр, я туда больше не ногой.

— Это ты прав. — Он задумчиво почесал затылок, а потом подозвал меня ближе: — Назови корабль?

— «Купер»… Вот купчая, — я протянул бумагу.

— Кажется, я знаю, о чем вы говорите, юноша. Запасной сектор «А» Трибера.

Так и быть я отведу вас к нему, если вы пообещаете не трепать языком и управиться за три минуты.

— Буду премного вам благодарен, тер. И, конечно же — да, я уложусь в срок — просиял я.

Управитель улыбнулся в ответ и указал на улочку образованную массивными трехъярусными торговыми крылопланами.

— Как тебя звать? — укрываясь от пыльного ветра за высоким воротником плотной куртки, поинтересовался распорядитель.

— Сти Квадро, тэр.

— Знаешь, Сти Квадро, меня уже давно никто не называл тэром. Уж не знаю, как ты догадался, но в прошлом я действительно был капитаном. И еще хочу сказать: мне очень приятно слышать в свой адрес подобное обращение…

— А мне приятно слышать подобную похвалу, тер. — Я немного смутился, заметив реакцию распорядителя.

— Мое имя Карлит Флидж. И я весьма рад нашему знакомству. — Он протянул мне руку, и я с удовольствием пожал ладонь.

Сектор «А» Трибера, предназначенный для летных машинерий, которые задерживались на поляне больше десяти дней, располагался в восточной части порта, сразу за ремонтными ангарами. У нас пару раз проверяли документы, но

тэр Карлит, показав свой жетон, коротко пояснял, что я вместе с ним, и мы беспрепятственно переходили в следующую грань взлетной поляны. Когда мы добрались до места, я в очередной раз поблагодарил святую Эверику и милостивого Икара, направивших меня верным путем! Возле «Купера» по левому борту возвышались два грузовых крылоплана марки «Сыч». Такие гиганты предназначались исключительно для перевозкыйи громоздких машинерий, чей вес превышал тысячу башенных фунтов, а насколько мне было известно — Желзна не имела столь мощного производства. Тем более, после дефицита металла, который устроил Хром, все сомнения отметались сами собой.

— Бинго!

— Что ты сказал? — не разобрал моего возгласа управитель.

— Я рад снова видеть нашу летающую красавицу, — выкрутился я.

— Понимаю, — кивнул Карлит, извлек из внутреннего кармана серебряные часы на цыпочки, открыл крышку и указал мне на циферблат.

— Есть, тер! — я по военному отсалютовал моему проводнику и ловко перемахнул через борт.

План был разработан капитаном заранее, поэтому я без проблем отыскал его походную сумку, хранившую кипу старых небесных карт и прихватил небесный атлас — изготовленный знаменитым механикусом из рода кранксов. Больше мне здесь нечего было делать. Я немного задержался у грот-мачты, погладил гладкую поверхность дерева.

И внезапно на меня напала грусть. Я прощался еще с одним своим домом, который пусть и ненадолго приютил меня, любезно даровав еду и кров. Очередной порыв ветра с новой силой навалился на голые мачты в поисках надувшихся парусов, но те лишь протяжно зашуршали, желая скорее избавиться от якорных цепей. Закрывшись от мощных потоков стихии, я почувствовал, как моей ладони коснулось что-то легкое, невесомое. Ухватив темно-синюю ленту, я приблизил ее к себе, пытаясь лучше рассмотреть находку. Аромат жасмина мгновенно вскружил мне голову.

— Поторопись! — донеслось снизу.

Убрав находку в сумку, я низко поклонился, отдавая последнюю дань благодарности «Куперу» и спрыгнул за борт.

***

До встречи с Луцлафом оставалось чуть больше часа, поэтому я никуда не торопился. Устроившись за крайним столиком в

одной из местных забегаловок, я без аппетита копался в тарелки с фасолью. На улице властвовала непогода, и первые капли дождя уже искривили видневшиеся в окне соседние дома, превратив их в размытые темные пятна. Вспомнив о недавней находке, я потянул ленту на себя, но та, зацепившись за корешок капитанского журнала, никак не желала показываться наружу. Откуда он здесь? Я вытащил кожаную тетрадь. Лента, странным образом протиснувшись между страниц, теперь напоминала закладку, которая долгие годы хранила последнюю запись хозяина дневника. Поддавшись любопытству, я щелкнул замок и открыл нужную страницу. Писал капитан. Неровный, сбивчивый подчерка Райдера я узнал сразу.

Почти год минуло с того дня, когда трагическая ночь на Рифте заставила меня оставить тебя любимая. Триста двадцать дней, тысячи часов за которые я так и не смог смириться с одиночеством. Помнишь ту ночь? Уверен что помнишь. Само проведение позволило нам ускользнуть из смертельного кольца. Нам, но не нашим друзьям. Я размышлял на эту тему весь путь до свободных земель. За что мы заслужили эту милость? Почему именно мы? Новый дом встретил нас солнечными лучами счастья, и я уверен, что мы заслужили его, — но, к сожалению, последние часы пребывания на Рифте никак не выходили у меня из головы. Ты помнишь мои ночные кошмары, любимая? Ну, конечно же, помнишь. Я все еще ощущаю на своей щеке твои нежные прикосновения. Спасибо тебе, за каждую секунду, что ты провела рядом со мной. За то, что понимала, и принимала меня таким, какой я есть. Когда я прощался с тобой, оставляя одну, беззащитную — ты ничего не сказала, но я уверен, ты точно знала: мы больше никогда не увидимся. Знала и не обмолвилась ни словечком. Ты разделяла мою точку зрения — тем, кто выжил и остался на Рифте я в ту минуту был нужнее.

Какая-та короткая неделя… Или, нет, не так… Семь долгих дней растянувшихся в бесконечность. Именно она разделила наши жизни. Пока я спасал чужие судьбы, ОН забрал ваши. Твою, и нашего маленького Герберта. За что?! Наверное, сам Икар не сможет ответить на этот вопрос. Прости, я так виноват перед тобой! Я не должен был уходить. Не должен был оставлять вас одних. Не должен был идти на поводу у собственного бахвальства. Забавно, так много «не», что я мог бы построить из них огромный забор, через который не перебрался бы ни один враг. Смеешься? Я отчетливо слышу твой смех — такой нежный и завораживающий. Что ж, ты в очередной раз права, я самовлюбленный болван, ищущий лишь внимания окружающих

меня людей. Только я один и никто другой виноват в том, что произошло.

А ведь все могло быть по другому. Мы построили бы дом на краю света. Бухта Итры вполне подходящее место. Нежный, ласкающий своими лазурными волнами закат и легкий шепот гордых лесных гигантов, заплутавших среди прибрежных скал. Мы мечтали об этом с нашей первой встречи… И я стал разрушителем этой мечты. Но знаешь что? Твоя мечта не растаяла в туманной дымке. Я попытался воссоздать ее, и, кажется, мне это удалось. Помнишь корабль? Правда ты хотела белоснежную яхту. Но знаешь, в небесном море, где я сейчас плаваю — нет места подобным штуковинам. Однако поверь, построенная мной мечта ничуть не хуже того воздушного перышка, на котором ты мечтала бороздить просторы Янтарного моря. И название у нее подходящее «Купер». Помнишь, так нас окрестил отец Марциус, сказав, что мы одно целое и ничто не может разлучить два любящих сердца…

Отложив письмо в сторону, я только сейчас понял, на какую жертву пошел Райдер, решив выставить на продажу корабль. Его семейный талисман превратился в груду звенящих монет, стерев последнюю связь между его прошлым и настоящим. Будь я на месте капитана, я ни за что на свете не поступил бы так…

— Сти? Не верю своим глазам! Ты ли это?

Я поднял взгляд и едва не подпрыгнул от удивления. Уперев руки в бока, и нахмурив брови, передо мной стояла та самая Ти, что так часто будоражила мое сознания своим неподражаемым обаянием. Совершенно не изменившись за эти долгие месяцы, она сменила летную куртку на длинный под горло свитер, а кожаные штаны — на шерстяные с лямками. И даже в этом несвойственном для девушки наряде — она была прекрасна.

Хотя о чем это я — она все же изменилась. Ее прическа стала другой. Правый бок выбрит на армейский манер, а длинные волосы стянуты в хвост. Настоящая боевая летунья! Вздернув недовольно носик, Тисабель присела рядом, и уставилась на меня, ожидая моего объяснения, вот только я не спешил рассказывать ее о своих бесконечных приключениях.

— Ну не тяни? О Итар, я до сих пор не верю, что ты здесь! — не услышав ответа, не унималась летунья.

— Я всего пару дней в городе, — наконец уклончиво ответил я.

— Безусловно, иначе бы я наверняка столкнулась с тобой раньше.

Она была так рада меня видеть, что я не просто опешил, а

впал в настоящее замешательство.

— Нет, это просто удивительно, как тебе удалось покинуть Плакту? Там же Итар знает что творилось!

— Мне помогли бежать, — немного прейдя в себя, сообщил я.

— Бежать? — Она недоверчиво уставилась на меня. — Но кто?

— Это был Юк. Он практически вырвал меня из лап блюстителей, когда те ворвались в ангар. — Врать в подобной ситуации, тем более Тисабель я был просто не в состоянии.

Немного отстранившись, летунья воззрилась на меня с еще большим недоверием.

— Ты ничего не перепутал? Юк помог тебе избежать ареста?

— И усадил в дилижанс, который направлялся к границе в Бриге.

Нахмурившись, Ти опустила голову, словно пыталась что-то припомнить.

— Это был ужасный день. Говорили разное. Сначала судачили будто бы

Хвост злой гений едва не погубивший Плакту, потом винили во всем контрабандистов. Я не верила ни тому, ни другому. И уж тем более я не поверила тем слухам, — она выдержала паузу, — что механикуса гнома предал его новый ученик, лишенный патента, бывший адепт виртуоза Босвела…

Пытаясь не выдать эмоций, я закусил губу и затаил дыхание.

Выпалив последние слова, Ти отдышалась и, понизив голос, тихо спросила:

— Скажи, Сти, тебе что-нибудь известно о Белом Хвосте?

Не знаю, какая сила удержала меня, чтобы не рассказать ей правду, но в самый последний момент я отвел глаза и виновато уставился себе под ноги.

— Мне не хочется вспоминать эту историю…

— Извини, — собеседница взяла мою руку и обхватила своими ладонями. Я ощутил приятное тепло, и напряжение понемногу спало.

— Расскажи лучше о себе. Как ты оказалась в Желзне?

Игриво прищурив глаза, она гордо указала на нашивку украшавшую левое плечо ее свитера. На фоне облаков виднелись около десятка х-образных крылопланов. Открыв рот от удивления, я долго молчал, не веря, что Ти удалось пробиться в эскадрилью рубежников.

— Как у тебя это вышло?

— Долгая история, но если у тебя есть время, так уж и быть расскажу, — гордо зарделась она.

Я не раздумывая кивнул.

Следующий час Ти без устали рассказывала — а я слушал.

Случайные встречи, разговоры, новые знакомые — судьба оказалась благосклонна к ней. В ночь, когда мне удалось бежать из Плакты, Тисабель тоже выскользнула из петли законников. Услышав шум и заметив тени блюстителей, она успела незамеченной прокрасться к своему крылоплану и спрятаться в кабине. Прозорливая Искра! Ее так никто не заметил.

После штурма, покинув ангар, летунья предприняла несколько неудачных попыток покинуть город, но служители порядка были начеку. Отчаявшись, Ти стала чужой в родных стенах. Близкие друзья и даже родные, узнав о ночном вторжение в мастеровую Белого Хвоста, отказывались скрывать беглянку у себя, а многие и вовсе грозили выдать блюстителям ее местонахождение. Спустя месяц Тисабель удалось покинуть Плакту. Пробравшись на один из грузовых дирижаблей, она укрылась среди тюков с табаком и через шесть часов полета была уже в сотни лиг от города.

Но покинуть Плакту — лишь полбеды. Избавившись от старой жизни, нужно было незамедлительно начинать новую. Именно так и поступила летунья. Устроившись диспетчером на крохотную взлетную площадку в Разбурге. Долгий месяц она убеждала себя, что скоро все изменится и страх преследования исчезнет навсегда. Время шло, но чувство, что за ней неусыпно следят, никуда не делось. Порой, просыпаясь в своем скромном жилище, которое больше напоминало лачугу рыбака, Ти слышала чье-то дыхание, видела тени в мрачных оконных решетках, а однажды ей почудилось, как знакомый голос молит ее о помощи.

Безысходность загнанной в угол мышки — вот во что превратилась ее некогда свободная жизнь. И даже небо, являвшееся для нее единственной отдушиной, теперь стало недосягаемей горизонта. Чаще всего тоска по полетам лезла наружу, когда огромные гиганты воздушных посудин натужно карабкались по облакам, словно нагруженные мулы. Они медленно выстраивались в караван грустно уставившиеся себе под ноги на бесконечную нить дорог. А Тисабель, не менее печальным взглядом, провожала их.

И пускай полет перевозчиков был недолог: всего две сотни лиг, до Вальских рудников и обратно, — летунья не скрывая слез мечтала хотя бы на миг оказаться в кабине этих небесных тягачей. И такой шанс ей представился. Тем утром небо утопало в лучах солнца и пенилось легкими кучевыми облаками. Тисабель лениво просматривала предсказания погоды, доставленные ей утренним посыльным, и рисовала в углу пустой страницы журнала маленькую стрекозу, очень напоминавшую ее

великолепную «Жужелицу», которую она оставила в ангаре Хвоста, и которая уже наследующий день была реквизирована блюстителями.

Около полудня прозвучал звонкий голос колокола, и команда поляны потянулась к зданию местной забегаловки, где можно было неплохо перекусить перед новой сменой. И вот когда многие уже скрылись внутри, а некоторые уже сыто раскуривали трубки у входа, не торопясь возвращаться на ленивую работу, в небе возникли десятки крохотных точек. С каждой секундой они становились все крупнее, приобретая опасные очертания боевых крылопланов.

Небесные лиходеи тщательно готовились к нападению и выбирали лучшее время. Расстреливая корабли охраны, они как саранча набрасывались на склады, пытаясь забрать с собой все самое ценное. Обычно рубежники успевали предотвращать их стремительные атаки, но бывали случаи, когда потомкам Итара удавалось провернуть свои грязные делишки до появления стражей. Так случилось и в тот день!

Подав сигнал помощи, Тисабель не стала прятаться за высокой рабочей стойкой, как поступила бы ее сменщица, а смело кинулась к крылопланам. Мощные пулеметные очереди наполнили воздух зверским рыком. Только летунье было все нипочем — она изо всех сил рвалась к своей мечте, и никакой страх не имел над ней власти и не мог остановить летунью. Тисабель знала, что лишь нештатная ситуация оправдает ее поступок. Она сможет завести крылоплан и подняться в небо.

Очередной пулеметный шлейф застал ее у самого «фонаря», но летунья была уже в недосягаемости. Сама подруга Итара, Морта расписавшись в своем бессилии над судьбой этой девушки, перестала соперничать с ней в ловкости. Теперь ничто не могло остановить Ти. Пуск. Двигатели. Крылья. Все в норме. Подача пара. Ласкающий сердце рык стал настоящим бальзамом для сердца.

Взлет прошел как по маслу — резкий вираж вправо, ложный круг. В тот день у летуньи получалось невозможное: петля Тайлора, вихрь Дж Квака и снижение Родри-пи-Салевана. Истосковавшись по небу, она упивалась долгожданной свободой и никак не могла утолить жажду.

Один из крылопланов завис над северным ангаром. Длинные щупальца вгрызлись в крышу, пытаясь добраться до заветных тюков с добычей. Всего пары секунд им бы хватило с лихвой, но Тисабель не дала планам осуществиться. Не раздумывая, она пошла на таран, нажав на гашетку. Треск пулемета заставил лиходеев встрепенуться и обратить внимание на юркий

крылоплан формы «Трикет», который по сравнению с их массивными «Жвалами» был не больше комарика.

Бой длился недолго. Пять минут, не больше. Однако за это время Ти успела откинуть грабителей от ангаров. Подмога, что случалось довольно редко, подоспела во время. Покружив над поляной, рубежники не стали гоняться за лиходеями позволив тем спокойно убраться восвояси. Разбор полета происходил уже на земле. Командир летного звена не сразу поверил своим глазам, когда увидел выпрыгнувшую из кабины девушку. Этот эпизод, по всей видимости, больше других нравился Ти, поэтому она, словно бывалая актриса, несколько раз забавно раздувая щеки, изобразила удивление, возникшее на лице неповоротливого и тучного командира, а потом скопировала его походку и массивный, пыхтящий голос.

— Мы долго о чем-то спорили. Знаешь, как на экзамене. Я доказывала ему, что необходимо в полете делать все проще, а он сыпал заученными терминами летной академии. Короче говоря, все закончилось тем, что на следующий день меня пригласили в адмиралтейство, — она выдохнула, машинально поправив прическу. — Дальше все пошло как по маслу. Я доказала этим жутким земленогам, что знаю о полетах такое чего им и не снилось.

— И тебя сразу зачислили в звено? — я все же сомневался в подобной удаче.

— Ну, конечно не сразу, — слукавила летунья. — Но теперь я здесь, и являюсь второй ведущей звена «Лямда-С». Скажи, каково?

— Ты настоящая молодчина, Ти. Я действительно рад за тебя, — я немного замялся, но нашел в себе силы договорить: — И еще я очень рад, что мы снова встретились. Тисабель улыбнулась, опустила глаза, и на ее щеках мгновенно возник румянец. Огромные напольные часы — точная копия сигнальной башни местной взлетной поляны, гордости Желзны, пробили ровно восемь раз.

— О, великий Икар, я слишком задержалась, — спохватилась девушка. — Наша служба, к сожалению, требует порядка, к которому я никак не могу привыкнуть. Она вскочила, натянула на голову серый берет рубежников и уже направилась к выходу, когда я окликнул ее.

***

Всю дорогу до аллеи Вихря мы проделали бегом, и только остановившись в одном квартале от той улицы, где квартировались летные поняли, что у Ти в запасе еще куча

времени.

— Быстро ты умеешь провожать девушку, — пошутила Тисабель и остановилась.

— И вызывать на твоем лице улыбку.

Я больше не смущался. С Ти мне было легко и весело. Всего за пару часов она превратилась из далекой мечты в близкого друга, с которым я готов поделиться чем угодно. Погрузившись в собственные мысли, я едва не завел разговор про наших общих знакомых, с недавних пор ставших мне заклятыми врагами. Приблизившись, Тисабель взяла мою руку, заставив меня затаить дыхание. Непередаваемое ощущение — будто я медленно набираю высоту находясь в кабине быстрого крылоплана.

— Мне кажется, ты сильно изменился, Сти. Стал старше, увереннее, — совсем тихо произнесла девушка. И посмотрела мне в глаза, отчего мое сердце заколотилось как нагруженный до предела двигатель.

Голос безжалостно подвел меня:

— Я…наверное…возможно ты права…

— Поведай мне свою историю, пожалуйста. Мне очень хочется ее услышать…

Отступать было некуда. Ти сделала еще шаг и почти прижалась ко мне. Между нами не осталось ни дюйма свободного пространства. Мы были словно единое целое. И этот факт радовал и одновременно пугал меня до дрожи в коленях. Я еще ни разу в жизни не обминал и уж тем более не целовал девушку. Напряжение возросло, но внезапное ощущение опасности отвлекло меня. Рядом кроме нас двоих находился кто-то еще. Кто-то чужой. Тисабель потянулась ко мне. Но я отстранился, поступив как полный кретин — сделал шаг назад, выскользнул из ее объятий и обернулся туда, откуда исходила опасность.

Из полумрака узкого проулка вышли четверо. Одного я узнал сразу: именно он участвовал в погроме скромной конторки "Мануфактура Старпа", а стало быть, ожидать от этой встречи чего-то хорошего явно не стоило.

— Ну вы посмотрите кого мы повстречали в нашем захолустье, — с насмешкой в голосе произнес стоявший с ним рядом невысокий, коротко стриженый парень моего возраста.

— Простите? — немного опешила Ти.

— Я говорю, рубежники, да в нашем городишке… Каким поганым ветром тебя сюда занесло, малышка? — теперь заговорил тот самый здоровяк, что так легко громил хлипкое убежище мануфактурщиков.

— Видать, власти Верхушки совсем сбрендили если стали брать в защитники, простых девок! — поддержали его приятели.

Шагнув вперед, я не произнеся ни слова, медленно осмотрелся, прекрасно понимая, что подобный разговор — предвестник бури. Позиция у нас оказалась весьма невыгодной: всюду открытое пространство, отступать по сути дела некуда. Зато были и положительные стороны. Серьезного оружия у незнакомцев не было. У одного стилет, у двух — железные пруты, а у их лидера только цепь и что-то за пазухой. Что именно я разобрать не смог. Еще один плюс: их ровно четверо. Я несколько раз прислушался, вгляделся в пустоту скрытого темнотой пространства и никого больше не обнаружил.

— Чего вам надо? — продолжила диалог Ти. Но я прекрасно понимал, что это бесполезно. Нападение, это всего лишь вопрос времени. Пара минут, максимум пять.

— Слушай, красотка, я бы на твоем месте не раскрывал рта. Теперь мы хотим послышать твоего робкого кавалера. Что скажешь, сурок? Страшновато?!

— Немного, — спокойным голосом ответил я и вновь замолчал.

— Ого, да он у тебя тормознутый! — выкрикнул и расхохотался коротко стриженный.

Опасность приблизилась к нам на десять шагов. Теперь между нами оставалось всего пять-шесть ярдов — идеальное расстояние для схватки.

— Я представитель командных войск Верхушки. И попрошу не вынуждать меня применять силу. Иначе…

— Иначе, что? — едва не выкрикнул незнакомец, находившийся впереди остальных. — И кстати, если ты представитель Верхушки, объясни: почему наш город погряз в кризисе? И почему все с ума сошли из-за нехватки металла?!

Чего молчишь? Не можешь? Тогда в чем твоя власть? Слушай, а может быть ты способна утихомирить мертвяков, что разбушевались на Рифте?! Ну, давай же! ТЫ ведь защитница, так защити нас!

— Да, всех по очереди! — хихикая, вторил ему второй приятель.

Ти отступила назад и плотнее застегнула летную куртку. Ждать больше не было смысла. Негодяи перешли грань дозволенного. Я выступил на передний план и, выставив руку, попытался остановить наступающих лиходеев. Первый, замахнулся стальным прутом. Неуклюже, размашисто, руководствуясь исключительно злобой. Я холоднокровно перехватил руку, нанес мощный удар в лицо, так чтобы сразу лишить его чувств, сократив число нападавших до трех. Не рассчитав силы, я ударил слишком мягко, поэтому пришлось

присовокупить пинок ногой и еще один рукой — на этот раз в висок. Мои отработанные до совершенства движения произвели должный эффект.

Приятели валявшегося без сознания храбреца на секунду замешкались, дав мне возможность сменить стойку и отступить к деревьям, сократив круг нападения. Теперь им не удастся зайти мне со спины.

— Ты что творишь, заморыш!

Не помню, кто именно выкрикнул эту фразу, но среагировал я молниеносно. Подхватил стальное оружие и приготовился отразить следующую атаку. «Когда жертва демонстрирует охотникам свою излишнюю живучесть, следующий шаг за лидером», — вспомнилось наставление циклопа. А в таких вещах Луцлаф не ошибался никогда. Нападающий или обороняющийся, сильный либо слабый, охотник или добыча — он всегда четко расставлял приоритеты, заставляя меня запомнить одну простую истину: шансы на победу есть у каждого! Но подобное право всегда нужно заслужить!

Вожак стаи — так я нарек лидера нападавших — стал медленно раскручивать цепь. Безусловно, он не забывал выкрикивать в мой адрес проклятия, тем самым, подбадривая исключительно себя и своих трусливых прихвостней. Меня мало волновали его острые реплики. Первый взмах. Вполне умелый и наполненный азартом схватки. Мне чудом удалось увернуться. На коре дерева остался рваный след, который наверняка станет лучшим напоминанием о нашей скромной битве.

Второй взмах. На этот раз слабее предыдущего. Моего противника явно обескуражил и разозлил провал. Теперь он стал заложником собственной неудачи. Третий и четвертый выпад оказались нечета первому. Они словно лепет ребенка уже не несли в себе никакой опасности. Обычное отчаянье перед неминуемым проигрышем. Злость сковала его разум, заставив вожака забыть о навыках и довериться животным инстинктам.

Пятый… Если бы нападающий питался гневом все пошло бы иначе. Третий, максимум четвертый удар достиг бы своей цели и уже через секунду на меня обрушились бы мощные удары его стаи. Но хвала, Бегущим, вечным повелителям охоты, вожак пошел иным путем. Более легким, но провальным.

И тут он выхватил козырь. Обычно у опытного охотника всегда имеется в запасе заранее припасенный секрет, на случай если хищник окажется слишком изворотливым. Пистоль, возникший из-за пазухи вожака, напомнил мне змею, способную смертельно ужалить любого, даже самого грозного противника. Однако выстрела так и не последовало. Я разгадал хитроумный

план наперед и отработанные до автоматизма приемы сработали безукоризненно. Сократив расстояние, я легко выбил из рук оружие и нанес разящий удар в живот. Больше я не стал ждать: тот, кто вечно обороняется, не сможет переступить черту, за которой притаилась победа.

Цепь намоталась на выставленную мной стальную преграду. Резко дернув нападавшего, я вывел его из равновесия. Быстро сблизив расстояние, он практически сам наткнулся на мой кулак. Короткая серия ударов и лидер повержен. Пора было переходить к его испуганным приемникам, которые в свою очередь даже не пытались помочь своему вожаку и молча следили за происходящим что, безусловно, тоже сыграло мне на руку. Стилет полетел в сторону. Второй прут со свистом разрезал воздух, но попав в многострадальное дерево издал глухой звук и упал в траву.

Горе лиходеи бежали сломя голову. Я что-то крикнул им вслед и обернулся. Тисабель смотрела недоверчиво, будто ошиблась и приняла меня совершенно за другого человека. Я не стал ее разубеждать. И пускай со дня нашей последней встречи прошло не так много времени, мы действительно стали другими. Разорвав расстояние между нами, я обхватил ее талию, прижал к себе и поцеловал. Вышло это у меня не умело, но если бы я не поступил подобным образом, то, наверное, никогда не решился на столь отчаянный поступок.

Сначала Ти напряглась и попыталась оттолкнуть меня. Только я был настроен решительно. Спустя всего мгновение мы оказались в плену нахлынувших чувств, и уже ничто не могло помешать нам переступить грань дружбы. Деревья, земля, облака — все осталось за бортом того прекрасного места, где мы очутились.

Лишь два одиноких сердца и никого вокруг.